

Память, опаленная войной
Великая Отечественная...

К. Чернявский

ИСПЫТАНИЕ ПЛЕНОМ

*Наша Победа.
Моя история*

Великая Отечественная...

К. Чернявский

ИСПЫТАНИЕ ПЛЕНОМ

Книга издана при поддержке

2018 год

ЧЕРНЯВСКИЙ
Кирилл Емельянович

1919 – 1996

Об авторе

Кирилл Емельянович Чернявский родился 14 января 1919 года в селе Пустовийты Мироновского района Киевской области в семье крестьян. Отец умер в 1930 году, а мать и младший брат – в 1933-м, и он до 1935 года воспитывался в детском доме, а затем работал, учился, воевал. На Салаватском комбинате стал работать с 1960 года в техническом отделе УКС. В 1965 году стал начальником технического отдела и работал до ухода на пенсию в 1979 году. За время работы на комбинате награжден медалями «Ветеран труда» (1976 г.), «За доблестный труд» (1970 г.), ему присвоено звание «Победитель социалистического соревнования» (1973 г., 1978 г.). Ранее награжден орденами: Красной звезды (1943 г.), «Великой Отечественной войны» (1986 г.), медалями: «За отвагу» (1943 г., 1944 г.) и юбилейными медалями.

Из воспоминаний об авторе М.А. Барковской

Кирилла Емельяновича Чернявского знаю с 1971 года, когда наш отдел оборудования переехал во вновь отстроенное здание управления капитального строительства (УКС). Я в это время работала начальником отдела оборудования УКСа, а К.Е. Чернявский трудился начальником проектно-технического отдела. Мы встречались на оперативках, совещаниях, проводимых начальником УКСа Михаилом (Моисеем) Абрамовичем Ниренбергом.

Коллектив отдела УКС. М.А. Барковская во втором ряду слева

Более тесно мы стали сотрудничать с Кириллом Емельяновичем, когда я перешла работать в проектно-технический отдел и стала его заместителем. В нашем отделе работало 10 специалистов, к отделу также относился технический архив, заведующей которым была сначала Мария Максимовна Хаусова, а затем Лидия Самсоновна Куприенко.

Проектно-технический отдел занимался обеспечением технической документацией строящихся и реконструируемых объектов комбината № 18. В то время Госплан СССР направлял в Министерство нефтехимической промышленности задания на строительство новых объектов и реконструкцию старых производств. Министерство нефтехимической промышленности выделяло на эти цели соответствующие финансовые ресурсы. Проектно-технический отдел занимался составлением титула проектных работ, который включал техно-экономическое обоснование и рабочие чертежи. Приходилось часто выезжать в командировки в г. Москву в Министерство нефтехимической промышленности для согласования проектно-технической документации с отделами министерства.

Обычно согласованием проектной документации в Москве занимался К.Е. Чернявский, после чего намечались сроки проектирования и назначались проектные организации. Нашим генеральным проектировщиком был «Ленгипрогаз», головное учреждение которого находилось в г. Ленинграде, а в Салавате был его филиал. Впоследствии генеральным проектировщиком для нас стал Салаватский филиал «Башгипронефтехим». Кроме генерального проектировщика, было много других организаций, которые тоже привлекались к проектированию, например ВНИПИ (Всесоюзный научно-исследовательский проектный институт) нефти, Уфимский филиал Тюменского института «Промстройпроект», Кемеровский филиал Московского института ГИАП и др. Со всеми проектными организациями заключались договоры на создание проектной документации, нами отслеживались контрольные сроки, визировались счета на оплату работ. Готовая проектная документация нашим отделом передавалась генподрядчику по строительству – тресту «Салаватстрой», а контрольные экземпляры хранились в нашем архиве.

Следует отметить, что инженерам нашего отдела приходилось вести большую переписку с проектными организациями по замечаниям, которые давали технический отдел управления комбината, строительно-монтажные организации (особенно много замечаний было на стадии строительства). Кирилл Емельянович руководил этой перепиской, организовывал взаимодействие с многочисленными заинтересованными организациями

для того, чтобы соблюдались сроки проектных работ, ликвидации замечаний к проектам. Благодаря этой кропотливой работе строители и монтажники своевременно получали документацию и возводили новые производства. В эти годы строились производства карбамида, аммиака, полистирола, ЭП-300 и многие другие. Кирилл Емельянович умело организовывал работу подчиненных: он привлекал инженеров отдела к обсуждению актуальных проблем, советовался, умел выслушивать разные точки зрения. Все указания Кирилл Емельянович давал исключительно в доброжелательном тоне, тактично. Все сотрудники отдела не только занимались инженерной работой, но при необходимости разгружали машины с документацией, разбирали чертежи, помогали раскладывать документы по полкам в архиве. Кроме того, в то время сотрудники отдела выходили на субботники, выезжали на сельхозработы – заготовку кормов, уборку картофеля. К.Е. Чернявский наравне со всеми выполнял эту работу, он всегда был для нас примером организованности, собранности, ответственности, аккуратности, доброжелательности. Он отличался хорошей памятью, мог называть телефоны проектных организаций, не заглядывая в записную книжку. Атмосфера в отделе была конструктивной.

В 1978 году К.Е. Чернявский вышел на заслуженный отдых. Умер Кирилл Емельянович Чернявский в 1996 году.

Из воспоминаний об авторе М.Б. Калимуллина

С Кириллом Емельяновичем я познакомился в 1975 году, когда меня перевели из 7 цеха завода аммиака в управление капитального строительства заместителем главного инженера. Первая встреча состоялась на оперативном совещании, которое проводил заместитель генерального директора управления Моисей Абрамович Ниренберг. Выступая с докладом о выполненной работе, К.Е. Чернявский произвел впечатление трезвомыслящего, мудрого руководителя, проявил себя как специалист, знающий свое дело, четко понимающий цели и задачи работы своего отдела и управления в целом. По ходу дальнейшей совместной работы все мои предположения

М.Б. Калимуллин

подтвердились. Работа руководимого им отдела заключалась в сопровождении проектирования производственных и социальных объектов от первых шагов до экспертизы и утверждения проекта.

Отдел, руководителем которого был К.Е. Чернявский, являлся в УКСе самым активным и сплоченным коллективом. Кирилл Емельянович зарекомендовал себя не только как профессионал, но и как отличный общественник и хороший семьянин. Когда всем коллективом собирались для празднования Нового года, Первомая, Дня Победы и профессиональных праздников, а также когда выезжали для оказания помощи в колхозы, он был душой компании, взбадривал всех веселыми рассказами, мог снять напряжение и усталость после тяжелого труда. За эти качества его уважал и ценил весь коллектив отдела и управления капитального строительства.

От автора

В общей борьбе Советских Вооруженных Сил с фашистской армией в годы Великой Отечественной войны оборона города Ленина занимала одно из важных мест.

В начале войны, в особенно тяжелое время для нашей Родины, противнику удалось блокировать Ленинград с суши. Балтийский флот лишился большинства военно-морских баз. Флот вынужден сосредоточить корабли и авиацию в восточной части Финского залива. Корабельные соединения заняли стоянки в Кронштадте и Ленинграде, где систематически подвергались обстрелам вражеской артиллерии и ударам с воздуха. Отступления, неравные бои, потери, наконец, голод и холод в блокадном городе смерти и разрушения – всё это тяжелым бременем легло на плечи ленинградцев, защитников Ленинграда, а вместе с ними и на моряков Балтики.

В 1941 году, при господстве противника в воздухе и на море, были большие потери. При защите портов Риги, Таллина, островов Эзель, Даго и полуострова Ханко погибло немало кораблей, транспорта, вспомогательных судов и, что особенно горько, людей...

В глубоком вражеском тылу в первые четыре месяца войны защитники островов Эзель и Даго и пять с половиной месяцев гарнизон Ханко героически сражались с врагом, в неравных боях отдавали свои жизни, надежно защищая дальние подступы к городу Ленина и Кронштадту.

С острова Эзель летчики Балтийского флота бомбили столицу фашистской Германии Берлин. Продвижение вперед доставалось врагу ценой больших потерь. Пять пехотных дивизий вермахта, предназначенных для захвата Ленинграда, завязли в Прибалтике. Гитлеровское командование фактически на четыре месяца прекратило поставку военных грузов на Восток морским путем.

Немецкое командование принимало контрмеры, стараясь захватить острова. При господстве противника в воздухе и на море в 1941 году защитники островов несли большие потери. Тяжелые испытания выпали на долю воинских частей, защищавших в эту пору острова. Отрезанные от Большой земли, оказавшись в глубоком тылу противника, без пополнения новыми частями и боеприпасами, воинские части островов вели упорные бои с превосходящими силами врага, закрывая вход в Финский залив немецких кораблей.

Командование Балтфлота прекрасно понимало, что части на островах оставлены на произвол судьбы, что они будут побеждены фашистской армией, но они сыграют большую роль в защите Финского залива, а следовательно, в защите Ленинграда и Кронштадта. Они нужны были там, на островах. К большому сожалению, защитники островов погибли. Многие убиты, а раненные и обезоруженные захвачены в плен, из которых немногие дожили до конца войны и вернулись на родину...

В одной из погибших частей на острове Эзель служил и воевал секретарь бюро ВЛКСМ 37-го отдельного инженерного батальона Николай Колесников. Об участии батальона в боях рассказывает в первой книге «Повести о замполите». В последние дни боев на острове Эзель взрывом бомбы был сильно контужен замполит Николай Колесников, после чего находился в полевом госпитале острова, где вместе с другими ранеными захвачен немцами в плен. О жизненном мучении, о борьбе советских воинов в немецком плену рассказывается в этой книге.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Фашистская армия, одержав победу над защитниками острова Эзель, свирепствовали и издевались над бойцами и командирами, попавшими в плен. Фашисты пристреливали из автоматов тяжело-раненых, били прикладами, сапогами, травили собаками раненных и обезоруженных бойцов, сгоняли их в кучи на поляну. Они шныряли по окопам, кустарникам, сараям и домам эстонцев, как собаки-ищейки, вытаскивали советских воинов, спрятавшихся в последние минуты боя от смерти и немецкого плена. Выходивших из окопов, землянок или сараев немцы забрасывали гранатами и уничтожали из автоматов.

Пленных нагружали ящиками с патронами или минами, даже минометами, и принуждали нести до нужного им места. Кто не в силах был идти с непосильным грузом, того пристреливали на месте падения для устрашения других, а груз нести дальше принуждали следующих.

На территории полевого госпиталя образовали своего рода лагерь раненных военнопленных. Из помещений и палаток выбрасывали раненых на поляну, куда также согнали раненых из-под кустов и окопов, окружили надежной охраной и объявили через переводчика:

– Вы, советские свиньи, будете здесь жить трое суток. Кто попытается бежать, тот будет расстрелян.

Образовался тяжелый быт на территории госпиталя. Немцы спали в помещениях и палатках, а раненные пленные – под открытым небом. Голодные, мучаясь от ран и страха, не могли спать ни днем ни ночью.

– Что происходит среди пленных? – спросил раненный майор у капитана, который сам делал перевязку раны на правой ноге ниже колена.

– Я ничего не вижу и не понимаю, что там происходит. Пленные, с которыми приходится говорить, – одни темнят, другие сами ничего не знают, третьи паникуют, четвертые грозятся в недалеком будущем разгромить врага. Поди разберись во всем этом.

– Что сделают с нами немцы? – беспокойным голосом продолжал спрашивать майор капитана.

– Поляна уже полна военнопленных, создалась толпа. Наверно, будут скоро нас отправлять на большую землю, здесь долго не задержат. Уцелевших, наверно, погонят пешком, а нас, раненных, на машинах. Ведь куда-то нас должны определить.

Какой-то красноармеец, крупный детина с перевязанными обеими руками, услышав разговор капитана с майором, подключился к разговору:

– Как вам не стыдно, задумайтесь, о чем вы говорите, опомнитесь, милый капитан! Страшная судьба нас ожидает, потому что мы, советские люди, пережили героический бой с врагом и попали прямо в дикий, пронзительный позор! Понимаете? Позор! Вам, командирам, пора серьезно задуматься о войне, о своем месте в ней, о своей ответственности...

Трудно было понять, о чем говорит детина, но всем можно было понять и догадаться, что вину за поражение он валил на командиров. Майор и капитан на упрек красноармейца промолчали, понимая его состояние. Два дня они не вступали в разговор с незнакомыми бойцами и только между собой что-то шептали. Наконец уже вечером пожилой, седой штабник майор сжалился над рядом лежавшим раненым пожилым красноармейцем. Все лицо его было сожжено солнцем, а в морщинах проглядывала белая кожа. По возрасту и по внешности быть ему командиром бригады. Майор мягким голосом заговорил с красноармейцем:

– Для Германии эта война с нами – безнадежное бедствие... Они не учли главного: победить нас могут, только уничтожив подчистую все население, а это им не под силу. Никому такое не под силу, государство уничтожить нельзя, даже самое маленькое. Они и до нас уже напобеждали: Польша, Франция и так далее. И каждая эта страна для Германии как начало раковой опухоли, причем опухоль эта политическая и экономическая, моральная и, конечно, военная...

У лежавшего рядом капитана замелькал огонек папиросы. Он занялся и спокойным голосом подключился к разговору:

Гибельно и попросту глупо оценивать ход войны по захваченным островам или городам. Нужно уметь и желать видеть не только то, что под носом, а самую дальнюю перспективу войны... В этих доблестных поступках наших бойцов – главный страх Германии и главная черта войны, которую мы сегодня ведем... Русский характер – вот еще проблема для немцев. Немцы проиграют войну, но они не поймут, в чём дело... А дело в русском характере людей. Сегодня мы отступаем – это правда. Противник наступает, несет значительные потери... А конец еще далеко-далеко... Конец этой войны будет пагубным для Германии. Немцы его увидят при полном разгроме немецких войск могучей Красной Армией Советского Союза.

Красноармейцы молчали, внимательно слушали майора и капитана, мысленно гордились своей армией, народом, представляя в уме будущую победу над фашизмом. Этой мыслью подымалось настроение, побуждались здоровые чувства и силы в теле, им хотелось жить и бороться с врагом, будучи пленными...

Глава 2

Колесникова Николая немцы увидели под кустом, одетого в матросскую форму. Это медсестры госпиталя одели на него обмундирование умершего ночью матроса, когда выносили его из помещения под куст.

– Мы оденем на тебя одежду матроса, она теплее, и покроем тебя под кустом плащ-палаткой.

– Большое спасибо вам, сестрички, за заботу, – с трудом выговорил протяжно Николай свою благодарность.

Флотские брюки-клевш и бушлат пришлись по его росту.

Немецкий ефрейтор и два солдата, увидев Николая, наставили на него автоматы и потребовали встать, идти вперед. Он приподнял клеши выше колен и показал забинтованные ноги. Тогда ефрейтор начал пинать Николая сапогами, бить в спину автоматом, но он подняться не мог. Солдаты поняли это, схватили его под руки и потащили на поляну, где уже было много пленных. Они бросили матроса на землю и в ярости били ногами. Колесников ожидал, что

его сейчас пристрелят, но ефрейтор удовольствовался тем, что ударил его прикладом по затылку, и он потерял сознание.

Лежа на животе с вытянутыми вперед руками, без головного убора Николай очнулся поздним темным вечером. Тело словно в тисках. Руки и ноги ему не повинуются. Мозг как бы пронизывали молнии, мешавшие сосредоточиться, понять, что же с ним случилось? Где он? Был еще один бой? Чем он закончился? Рядом он услышал стон умирающего, подполз на локтях и увидел избитого, окровавленного летчика, который, умирая, просил пить, рвал на груди гимнастерку, звал на помощь мать, проклиная фашистов. Николай вряд ли отдавал себе полный отчет в том, что происходило вокруг. Голова его раскалывалась от боли, кожа на всем теле словно воспламенилась. Он бредил, на время забывался, а вновь очнувшись, с тоскливым чувством спрашивал себя: где я, что со мной? Услышав галдеж немцев, он с испугом подумал: он в плену.

Мысли путались. Николай не смерти боялся, он вовсе не думал о ней. В те мгновения, когда сознание возвращалось, он страдал от позора плена: «Я, Николай Колесников, коммунист, замполит, в плену у фашистов». Он с трудом на локтях пополз к сидевшим и лежавшим на земле красноармейцам и матросам, думал, что вместе с ними будет легче на душе. Думал и сильно хотел встретить знакомых из 37-го батальона, узнать о судьбах командиров и остальных однополчан.

– Братцы! Нет ли среди вас товарищей из 37-го отдельного инженерного батальона? – заикаясь протяжно, громко спросил он, приподнявшись на локтях. Все промолчали, но многие повернули к нему головы. Николаю досадно было, и он опустил с локтей. Среди матросов поднялся один с забинтованной головой и подошел к Николаю.

– Товарищ Колесников?

– Я, да!

– Меня узнаешь?

– Узнаю. Радист из береговой батареи, – напрягая голос, нараспев отвечал он матросу. – Садись, прошу тебя. Рассказывай, где остальные, что с ними?

– С остальными то, что с нами. Кто убит, кто ранен, а многие, как и мы, попали в этот ад. Из наших матросов тебя больше интересуют те, кто ходил с тобой на пристань Виртсу? Они все убиты.

Я ранен в голову, раньше, попал в госпиталь, таким путем остался в живых. Думаю, лучше убило бы меня, чем быть пленным. С твоего батальона никого не видел, они, наверно, в другом месте. Там в лесу еще есть несколько полян, куда собирают под охрану пленных. В общем, немчура нас победила. Никогда не думал об этом...

Матрос-радист расспросил Колесникова, как и почему он попал в госпиталь, узнал, что ему трудно ходить и говорить, решил не покидать его, помочь ему в жизни...

– Пойдем в нашу матросскую среду, раз ты одет в нашу форму. Матросы дружнее, своя братва.

Он пригласил еще одного матроса и вдвоем под руки перевели Николая к своему матросскому шалашу. Хотя Колесникову трудно было говорить, но все же медленно рассказал о себе матросам. Когда он молчал, ему казалось тяжелее...

Лицо Николая было мрачно, угрюмо, он терзался, словно совершил подлость перед самым священным и светлым в его жизни, пытаясь утолить свое щемящее чувство. Но без сопротивления поддаться гибели Николай не хотел, он инстинктивно боролся за свою жизнь, отстаивая ее в мучениях, отдавая себе отчет, что это, пожалуй, вовсе не инстинкт, а то, что жило в нем прочно с войной. Не для того он смотрел в глаза смерти, чтобы принять ее покорно от собственной своей оплошности. Он думал, досадуя, что оказался слабаком. Он решил испытать все муки медленной смерти, не желая принять ее иной, более легкой, что он считал для себя недостойным, стыдным – все-таки он фронтовик. С малых лет он привык к трудностям, научился их преодолевать без страха, знал цену жизни и достаточно усвоил, что жизнь легко не дается, за неё нужно всегда бороться...

Глава 3

Эвакуация пленных с острова производилась немцами на Большую землю в основном в Таллин и Валгу. В Таллине было два концлагеря: городской в воинских казармах и на аэродроме. В районе Валги концлагерь образовали в долине, далеко от селений и ближе к лесу. Это был большой концлагерь – более сорока тысяч пленных.

Первые партии пленных с острова конвоировались в столицу Эстонии Таллин. В первую очередь были отправлены группы комсостава в организованный немцами лагерь в районе аэродрома, который вначале состоял из ограждения колючей проволокой в несколько рядов, между которыми днем и ночью бегали овчарки. Потом силами пленных дополнительно построили вышки на углах ограждения, оборудовали вышки пулеметами и прожекторами для ночного освещения зоны запрета. Внутри лагеря пленные строили себе землянки, оборудовали их двухъярусными нарами. Пленные в основном использовались как дешевая рабсила на строительстве аэродрома.

Немцы умышленно создали в лагере тяжелейшие условия для командиров Красной Армии. Голод, антисанитария, болезни и непосильный труд привели к тому, что в течение года все лагерники умерли.

Второй лагерь военнопленных располагался в Таллине на окраине города, в воинских казармах бывшей части эстонцев. Сюда направлялись в основном здоровые пленные для рабочих команд, которые использовались на разных тяжелых работах города. После заполнения этих двух лагерей Таллина остальных пленных с острова переправили в концлагерь Валги.

Поскольку немцы ненавидели моряков, то всех матросов отправили в этот лагерь смерти. Валгинский лагерь прославился в Прибалтике как лагерь смерти, и все пленные его избегали при этапах или после побега. Лагерь располагался под открытым небом в долине на границе Эстонии с Латвией. Лагерь был оборудован надежной оградой и охранялся преданной Гитлеру охраной. Это был фашистский концлагерь с издевательской надписью на воротах «Добро пожаловать». Сюда ежедневно пригоняли пленных с островов Эзель, Даго, из городов Пскова, Порхова, Старой Руссы, с Ленинградского фронта. Сюда загоняли воинов Северо-Западного фронта, из разных участков и разных частей.

Внутри лагеря в районе ворот стояли походные кухни, в которых день и ночь варили отвратительное пойло. В черпаке теплой, не успевшей закипеть грязной воды плавало два-три кусочка неочищенной картошки или брюквы пополам с мусором и соломой, так как картошку или брюкву возили в кузовах автомашин прямо с полей и кидали лопатами или вилами. За таким пойлом стояла круглые сутки бесконечная очередь людей по периметру лагеря

по четыре человека в ряд. Стояли день и ночь под солнцем и дождем, в жаркий день и холодную туманную ночь, чтобы получить раз в сутки несчастную порцию грязной воды. Голодные люди толкались, ломали ряды строя, падали на землю. Изморенные голодом, бессонницей и ужасом быта, люди обессиливали, помирали в мучениях. Кто нарушал строй или падал на землю, на тех обрушивались стаями полицаи, накидывались, как бешеные собаки, избивали дубинками.

Надо сказать, что дубинки полицаев лагеря все время были в работе. Избиение пленных немцами и полицаями входило в быт. Кто после избиения не мог подняться, стать в строй, тех полицаи подтаскивали к столбу, закопанному среди лагеря, брали за руки и ноги, с размаху ударяли головой об столб и кидали на кучу мертвецов. Смертность в лагере была рекордная. Похоронная команда ежедневно вывозила из лагеря от 250 до 350-380 человек в братскую яму. Но количество пленных в лагере не уменьшалось, поскольку ежедневно пригоняли новых людей. В лагере количество пленных колебалось где-то от 40 до 45 тысяч.

Условия были страшные. Еще тяжелей было с питьевой водой. Дни стояли жаркие, мучила жажда, особенно после соленой вонючей рыбы, которую специально давали пленным, а потом по 3 дня не привозили воды. На четвертый день привозили воду в бочках, вокруг которых возникали свалки людей в погоне за водой. Снова полицаи работали дубинками или с вышек гремели выстрелы немцев – гибли люди.

Глава 4

Захватив остров Эзель, немцы согнали в одно место пленных, одетых в морскую форму, отделив их от пленных других родов войск и отдельным этапом погнали на пристань. Мечта раненых, что их повезут на машине, не сбылась, их вместе с уцелевшими погнали пешком. За этапом матросов последовали этапы остальных пленных, которых на острове было большинство. Взбивая дорожную пыль, шевелятся колонны людей. Кровь и повязки – не видны лиц. Понурили головы. У многих волосы в запекшейся крови.

Пыльные, мокрые спины жжет нестерпимое солнце. Выстрелы сзади – конвоиры добивают обессилевших... Бредут, бредут пленные... Раненым невмоготу, кто-то стонет и, будто слепой, шупает воздух руками, ищет подпору, клонится, вот-вот упадет; ему подставляет плечо рядом идущий: «Потерпи браток...»

– Эх, комиссары... завели нас! – кричит раненый.

– Эх ты! Никто никуда и никого не заводил...

Раненый косит на него налитыми кровью глазами.

– Да, да, я сам комиссар – и вот с тобой... Не хочу умирать – и вот с тобой... Не бросаю тебя. Вместе пройдем муки.

– Подпора... – соглашается раненый. – В плен-то попали не мы одни – многие, а ведь клятву давали, присягу принимали, а теперь вот печенка переворачивается. Икается – кто-то вспоминает; думают, что струсил, пошел в услужение к немцам... Предатель... А это знаешь, чем пахнет? Не то что меня одного будут проклинать – семья отвернется от меня... Тебе не понять, чем дышу я, комиссар... С тебя взятка гладка – ты боец.

Раненый нагнулся, будто подставляя голову удару от резких слов комиссара. Мрачно подумал: «Ведь комиссар честный, он ни в чем не виноват... Многим нужна помощь, чтобы распутать клубок сомнений, очистить от грязи...» Раненый попросил у комиссара табак. Свернул сигарку и зачадил дымом.

Измолоченная снарядами земля и дорога. Солнце сушит почву, обращает ее в пыль, и избитая ногами, тысячью ног пыль клубится, ползет в рот, застит глаза, ложится на спины. Под пылью не видно защитного цвета гимнастеров, пропитанные кровью повязки залубенели. Кровь сочится, кровь впитывает пыль, делает ее красной.

– Ой, мне тошно! Ой, маменька родная...

Чей голос, чудом сохранивший нежность и грудное дыхание? Идущие в колонне озираются.

– Пить... Пить дайте! – через силу кричит тот же голос. Человек падает, подхваченный с лета мускулистыми руками. Другой, поддерживая по-дружески под руки, предлагает идти вперед, а то могут пристрелить конвоиры.

Неровным, сбивчивым шагом идут пленные. Серым жгутом ползет дорога к пристани. Скорбные лица, и нет-нет да проймаёт дрожь, колыхнут сердце слова: «Лучше бы смерть тут, без мук, без голодной жизни...» Мерещились пленным колючая проволока, вы-

сокие столбы, сторожевые вышки с пулеметами, морды алчно скулящих овчарок, тяжкие муки и дни концлагеря... Раньше это видели в кино.

Николаю Колесникову, да и другим раненым, тяжело было идти, ноги двигались с болью, но уже было лучше. За дни госпиталя и несколько дней плена опухоль на ногах спала, синяки пожелтели, и только в местах, где от удара skipелась кровь, синяки не рассасывались, а еще больше чернели. Однажды он, прочно став на ноги, обрадовался, сказал:

– Ну, братцы-матросы, теперь я с вами могу идти хоть куда, даже согласен в побег. А бежать нам придется от этих извергов. Пусть только перевезут на Большую землю. Бежать надо, пока не отняли остатки сил!

Тяжело шагая в колонне пленных, Колесников по дороге смотрел на поля боев. Смотрел, да так и застыл, застыли мысли в удивлении перед тем, что свершилось, что было все дни, пока длились сражения. Он только теперь смог подумать; вообразил себя опять на поле боя и ужаснулся, как же он выдержал все это и остался живым. Другая мысль не шла на ум. Только удивление и ощущение ужаса заставляло его волноваться и переживать не меньше, как если бы это случилось сегодня. Подумал: как же крепок и живуч человек, если он перенес, испытал и перетерпел все: и частые бомбежки, от которых голова переставала что-либо соображать и тупела, и стоны раненых товарищей, и выражение жизни на лицах погибших, в смерть которых не верилось, и вероятие личной гибели... Он шел и смотрел туда, на поле боя, и припоминал все сызнова: и вон тот забор из камня, где лежал с товарищами, лежал и час, и два, позабыв обо всем на свете, свыкшись с опасностью; думал о том, как, ежась от холода в предрассветный час, засыпал чутко и мгновенно, а просыпаясь, чувствовал себя побитым, ломило в висках, будто кто сдавливал голову – вставал нехотя, без желания, потому что с утра опять начиналось: бомбежка, грохот взрывов, посвист пуль, кровь и стоны раненых, трупы убитых товарищей. Вероятно, то, что сейчас переживал Колесников и о чем он думал, переживали и думали другие пленные.

На пристани погрузили в трюм самоходной баржи, а выгрузили на другой стороне пролива – на пристани Виртсу, хорошо знакомой Николаю. Привели строем к железнодорожным товарным ваго-

нам. И набили их до отказа людьми. В вагонах можно было только стоять. Свет поступал через открытые сверху маленькие окошечки, заколоченные густо колючей проволокой.

– Наверно, повезут недалеко, раз стоя нагрузили, – сказал матрос-радиотехник Николаю.

– Это, Вася, ни о чем не говорит. Немцы могут стоя провезти через всю Германию. Не жалко наших ног вообще. Это изверги!

Матросов провезли через всю Эстонию на границу с Латвией и выгрузили в Валгу. Пошел дождь. Ручьи дождевой воды текли в низменность – долину, где располагался лагерь военнопленных. Шлепая по грязи и лужам, колонна матросов, окруженная немецкими солдатами и собаками-овчарками, подошла к лагерю. У ворот стояла автомашина, нагруженная доверху матрацами. Наверху матрацев лежал откормленный рыжий солдат и играл на губной гармошке.

– Матрацы, наверное, привезли для нас? – без шуток спросил Николая рядом стоявший матрос.

– Смотри чего захотел! В плену спать на матраце. А соломы не хочешь навильничек под мягкое место? – ответили за Николая, зная, что тому трудно говорить.

– Даже и соломки не дадут, – дополнил ответ Николай.

Долго матросов в лагерь не запускали, что-то конвойный начальник спорил с пришедшим начальством лагеря, наконец поругались и стали одни считать, другие принимать ряды, толкая в спину каждую четверку вперед. После тройного пересчета открыли одну половину ворот и по четыре в ряд пропускали в ворота. По другую сторону ворот уже полицаи, с повязками на руках, одетые кто во что, с дубинками, кричали по-русски и строили ряды, обыскивали карманы. Закончив построение и обыск, полицаи покрикивали, и грозили матросам:

– Спокойно, спокойно, молодчики! Это вам не на свободе кричать «полундра». Мы вас скоро доведем всех до определенной кондиции. Вон смотрите, как стоят мирно сорок тысяч советских вояк, – полицай с насмешкой показал в сторону стоявших в лагере пленных. – К такому порядочку и состоянию доведем и вас. Здесь забудете петь матросские песни и восхвалять родину!

Полицаи, издеваясь, смеялись над матросами. На их насмешку и хвастовство Колесников предложил запеть матросскую песню и сам первый протяжно запел:

– Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...
Тут весь строй матросов подхватил:
– Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от родной земли!

Матросы громко пели. Радостная и понятная еще вчерашнему фронтовику песня матросов была значительно важнее в это время. Боязливые, одиночные выкрики обиженных немецким пленом. От песни сразу почувствовалось в лагере, что люди не пали духом.

Красномордый полицай без фуражки в истерике орал на матросов: «Прекратите песню! Замолчите! Слушай мою команду – ложись!» Но матросы видели и чувствовали, как песня бодрила пленных и злила полицаяев – запели еще громче. Им подпевали многие пленные из общего строя лагеря.

Другой полицай, в барашковой шапке, худой и безбровый, мотал в воздухе огромными ручищами, как тюлень, лапами хлопая себя по мягкому, грозил матросам: «Прекратите песню! Или вызвать для усмирения немцев? Они вам быстро бошки свернуть, а мы потом добавим...» Но матросы пели, пока не закончилась песня. На угрозу полицаяев вышел из строя матрос-человек, пораженный обширными плечами и руками, на которых в обтяжку сидел матросский бушлат с блестящими пуговицами. На крутой шее крепко утвердился его голова со светлыми мужественными глазами. Короткий плен не успел высосать из этого крепыша наследственную полеую, лесную мощь. Он еще был полный сил и кипучей энергии.

Матрос посмотрел в упор на полицая и сказал:

– Что, гадюки, продались? Служите палачам-эсэсовцам? Изверги! Предатели Родины! Сволочи вонючие!

В это время к матросам подбежала банда полицаяев вперемешку с немцами. Главарь полицаяев, откормленный, широкоплечий и большемордый, с разъяренными глазами, выслуживаясь перед немцами, подскочил к матросу и ударил по голове дубинкой несколько раз. У матроса полилась по лицу горячая кровь, он упал, закрывая лицо руками. Потом поднялся на колени, вытер бескозыркой кровью с лица и, приподняв голову, взглянул на врага. Главарь полицаяев снова замахнулся дубинкой, но на этот раз дубинка вместе с рукой полицая повисла в воздухе над головой матроса. Полицай узнал свою жертву.

– Брат мой родной! Раулька! Я не узнал тебя сзади. Прости!

Он схватил брата под руки, стал поднимать. Рауль поднялся на ноги, плюнул кровью полицаю в лицо и оттолкнул его в грудь:

– Тебе брат – волк из Брянского леса. Подлец ты! Предатель! За чем опозорил наш род? Всю семью опозорил гад...

Матрос отвернулся от полицая и стал в строй матросов, которые шумели, грозили, слали проклятия в адрес полицаев.

Главарь полицаев, одетый в офицерский китель и генеральские штаны с лампасами, имел кличку Батько Махно, хотя по национальности был татарин. Он объяснил немцам, что встретил брата, и те хлопали его по спине и рукам, что он, похвально, избил его. Но это полицаю не радовало. Он поник головой и увел всех полицаев от строя моряков. Вслед им летели проклятия. Немцы, опасаясь матросов, тоже быстро ушли из лагеря за ворота.

К матросу подошел Николай и дал ему бинт, снятый с правой ноги: «На, браток, забинтуй голову. Ещё два матроса сняли бушлаты, бросили на землю и положили на них Рауля. Уже лежавшему вытерли кровь и забинтовали раны на голове.

Николай Колесников смотрел на матроса и думал: «Таких скуластых упрямых и расторопных парней раньше показывали в кино, как они в революцию по заводскому гудку срывали цеха на забастовку, несли красные флаги навстречу казачьим сотням, последними отступали с корявой булыгой или браунингом в руке под напором конных жандармов и пользовались особым уважением рабочих. Теперь он видит их наяву в священной войне. Таких много вырастила Родина-мать, и они фашистов победят!»

Глава 5

Появление матросов в лагере и их смелое поведение явилось событием. Своей песней они обратили на себя внимание не только пленных всего лагеря и полицаев, но и командования и охраны лагеря. Весь строй пленных повернулся лицом в сторону матросов. Даже повара, которые до этого выдавали очередным баланду, опустили черпаки в котлы, разинули рты и ожидали, что же будет дальше с матросами. Полицаи, увидев, что все лагерники смотрят на матросов,

что даже голодные прекратили получать еду, всей сворой пошли к кухне в разные места строя. По указанию Батьки Махно заработали дубинки полицаев, они вынуждали пленных повернуть головы на 180 градусов, запрещали смотреть на строй моряков.

Поварам приказали продолжать выдавать баланду, а очередных толкали вперед. К строю моряков в лагерь явилось начальство лагеря и большая группа солдат с собаками на поводках. Собаки рычали, рвались к строю. Матросы сплотили свои ряды. Главный повар распространялся среди поваров:

– Ну, морячки, держитесь. Сейчас им немцы покажут песню! Век будут помнить, как не повиноваться!

В строю, в разных местах, пленные говорили по-разному. Одни гордились смелостью матросов, другие осуждали, а большинство сожалели, что матросов немцы сильно накажут:

– Теперь им неделю не будут давать еду и воду, – с жалостью говорил пожилой, сильно похудевший красноармеец.

– А потом, когда ослабнут, начнут ежедневно избивать полицаи, пока всех вывезут за зону в братскую, – продолжил молодой худой, высокого роста парень.

– Это еще бабка надвое гадала, – возразил третий. – Моряки дружные и смелые. Поведут себя так, что лагерное начальство вынуждено будет выполнить их требование. Ведь есть международные законы, в которых предусмотрено пленных содержать в человеческих условиях, а не в таких смертельных, как держат нас. Если бы мы все поступили как моряки, то немцы задумались бы. А раз мы молчим, то они делают из нас мертвецов...

На расстоянии десяти метров от строя матросов остановились три офицера и один в гражданском. Солдаты с овчарками стояли на обе стороны офицеров. Старший офицер, с железным крестом на груди, начал разговор с матросами негромким голосом. Переводчик в гражданском костюме последовательно переводил:

– Я комендант здешнего лагеря, пришел вас предупредить. Вас обезоружила и победила доблестная армия великой Германии! – на этих словах он повысил голос и высоко поднял правую руку. – Мы победили всю Европу! Скоро завоюем Россию! Пленных со всей Европы мы также содержали в лагерях до окончательной победы над их странами, а потом отпустили домой, и они теперь живут и трудятся на великую Германию. Через месяц наши войска

войдут в Москву и Ленинград, кончится власть большевиков, и вас из лагерей отпустят по домам. А пока мы временно вас сохраняем в лагерях, и вы обязаны исполнять все порядки, установленные во всех лагерях Европы и России всемогущим фюрером... Если вы будете петь советские песни, сопротивляться, нарушать лагерный порядок, мы спустим на вас собак, а если нужно будет, то будем стрелять. Пулеметы на вышках направлены на вас, – комендант показал рукой на все угловые вышки. – Если будете хорошо подчиняться, не будет на вас жалоб полицаев, я обещаю послать вас из лагеря на работу к крестьянам, на шахты и заводы Германии. Там вы будете хорошо жить, писать родным письма. Кончится война – поедете домой...

Матросы слушали, молчали и думали: «Мягко подлец стелет, но спать будет жестко». Однако запугивание собаками и пулеметами в какой-то степени погасило пыл и боевой настрой матросов. Да и обстановка получилась такая, что нельзя было переброситься словами и обсудить речь коменданта, решить, что дальше делать.

За строем и каждым в строю следили глаза коменданта и еще двух офицеров. После короткого молчания комендант продолжил:

– Среди вас имеются командиры и комиссары, имеются коммунисты. Я предлагаю коммунистам выйти из строя на три шага, а комиссарам и командирам – на шесть шагов вперед. Мы ждем...

В строю моряков никто не шевельнулся.

– Ну, быстро, быстро выходите! – уже приказным тоном заговорил офицер, стоявший правее коменданта.

Желающих выйти вперед не оказалось. Офицеры переглянулись между собой, что-то сказали по-немецки, комендант махнул кожаными перчатками и велел переводчику сказать:

– Мы все равно найдем среди вас комиссаров, коммунистов и евреев. Но тогда мы будем тяжелее наказывать за то, что они сейчас не сознались сами. За ваше упрямство вас пристроят к общему строю лагеря и по очереди получите еду – немецкий паек.

Комендант отвернулся от строя, скомандовал солдатам и вместе с ними ушел из лагеря. Остался переводчик, который сказал полицаям:

– Матросов поставить в хвост очереди за получением баланды.

Глава 6

Чрезвычайно тяжелые условия лагеря быстро истощили крепких людей. Бессонница, дожди и холод, дубинки полицаев, а потом вши и болезни многих унесли за зону в братские могилы. Многие пленные, а особенно матросы, смотрели за проволоку лагеря. В сторону леса тянулась от лагеря песчаная земля, сначала ровная, а дальше меж холмов с мелкими, частыми оврагами. Вдали виднелась дорога – петлями вьется среди кустов и бурьянов мимо свалки, мимо кладбища, утыканного почерневшими памятниками. Ворота лагеря – в пустое дальнейшее поле, где, как в жизни крестьянской, ничего до самого горизонта. Пленных тянет далеко от лагеря в лес. Вырваться за эту колючку-проволоку, оврагом сбежать вниз, ветром скатиться в лес, а там вся радость, раздолье и занятие. В лесу пахнет свежим, кузнечики скачут, носятся пушинки чертополоха. Белые капустницы – как вишневый цвет на ветру. Дальше сосны обступят, зашумят высоко, но это не страшно – они опять расступятся, опять трава пойдет еще гуще, еще шелковистее, и золотыми пчелами загудит деловая поляна. За лесом лежит речка в песчаных берегах, ласково шевелит низкой волной. На этой стороне камыши ходят по ветру, шелестят, шушукаются. В лесу или в камышах, наверное, живут уже партизаны, уничтожают немецкие обозы, взрывают мосты и железные дороги, обезоруживают полицаев. Мечта прорваться в лес, встретить партизан или перейти линию фронта и вместе с кадровыми частями Красной Армии вновь громить наглого врага занимала матросов день и ночь. Колесников понимал свои мысли и желания и читал на лицах других то же самое. «Но как сговориться, кому довериться подготовить и совершить побег с этого пекла, обнесенного колючей проволокой, день и ночь охраняемого чертями в темно-зеленых мундирах? А бежать нужно, пока есть силы», – так мысленно решил Николай. Он начал искать одномышленников.

Самым близким ему был Василий, матрос-связист, который не покидал его, когда ему было трудно двигаться. Сейчас Вася тоже с ним рядом, втайне молчал, что он замполит и коммунист.

Васю он знает по совместным боям на пристани Виртсу как смелого верного комсомольца. Однажды, хлебая баланду, Николай повел с Васей разговор:

– О чем ты, Вася, чаще всего думаешь?

– Думаю я больше всего об одном деле, но боюсь тебе сказать.

– Напрасно ты мне не доверяешь. Я же знаю твои мысли, их давно уже я прочитал в твоих глазах. Ты думаешь, как убежать с лагеря? Правда?

– Точно. Ты угадал, – осторожно ответил Василий.

Чтобы больше он доверился, Николай решил быть откровенным:

– Я вперед тебя об этом думаю. Нужно подбирать надежных людей и бежать.

Вася обрадовался одномышленнику и тут же сказал:

– Так я думаю, что все матросы надежные и пойдут на это.

– Нет, Вася, нужно это проверить, причем очень осторожно.

А сделать проверку нужно так: я вот с тобой пооткровенничал и не сказал тебе, с кем я еще говорил о побеге. Теперь ты по своему усмотрению поговори с другим матросом и тоже посоветуй то же самое. Таким образом, каждый из нас будет знать только одного напарника, а мысль о побеге распространится среди всех. Если кого немцы или полицаи разоблачат с побегом, то тогда выяснится предатель.

– Верно ты, Николай, придумал, давай действовать!

Через сутки уже все моряки шушукались о побеге. Но как и когда? Это разговор дальнейший и сложный...

После беседы коменданта лагеря с матросами и ухода офицеров с солдатами из лагеря полицай отвел моряков строем в хвост очереди.

– Баланду получите, как дойдет очередь, а это совершится где-то завтра утром. И так каждое утро – раз в сутки будете захлебываться, – сказал с насмешкой, уходя, полицай.

– Ты позови нам вашего Махно, есть разговор к нему. Пусть принесет теплой воды и йод для перевязки головы Раулю, – не выходя из строя, сказал Николай.

– Зачем он мне нужен, такой паразит? – возразил Рауль Николаю.

– Нужно, Рауль, нужно. Рану необходимо промыть и залить йодом, иначе будет заражение. Одновременно поговорим с ним о важном для всех.

Колесников понимал, что от полицаев зависит в лагере многое, и он решил поговорить вслух от имени всех матросов откровенно с их главарем. «А там что будет... Не таких видал главарей, когда беспризорничал», – думал он.

К вечеру к строю матросов подошел Махно. С ним еще один полицай с ведром в руках, из которого шел пар. Не очень весело он заговорил:

– По вашей просьбе я принёс теплую воду, йод для Рауля. Кому передать?

– Давай мне, – Николай вышел из строя, подошел к Махно и посмотрел остро ему в глаза, понял, что тот пасует. Он забрал воду, йод, подал в строй обросшему бородой матросу, а сам твердо сказал: – Хотя ты и Махно, а родному брату должен помочь выздороветь – поправиться. Это наша просьба всех матросов. Также мы просим не обострять отношения между нами и твоими полицаями. Не пытайтесь нас раздевать, избивать. Не дай бог станете обращаться с нами, как вы обращаетесь с остальными пленными, мы передумим вас по одному, а в первую очередь постараемся тебя. Это не угроза, а просьба.

Колесников решился на такой разговор, зная, что все матросы его поддержат и в обиду не дадут.

– Ты не угрожай мне: я не с пугливых и нас много. Кроме нас, есть солдаты – немцы, которые по нашей указке приведут вас к норме. Но по-хорошему я кое-что могу сделать полезное для моряков – друзей моего брата. Пусть только Рауль мне простит...

– Спасибо за откровенный разговор. Дальнейшее поведение полицаяев подскажет нам твой ответ, – ответил Николай и встал в строй.

Махно посмотрел на то место, где матросы промывали Раулю голову, повернулся и ушел вместе с полицаем, оставив ведро матросам.

– Правильно ты, Николай, его тянул – нечего их бояться, – говорили вслух матросы. Это еще раз подтверждало дружбу и сплоченность среди моряков и усилило уверенность, что нужно готовить побег...

На следующее утро дошла очередь матросов баланду получать.

Матросы заметили, что повара поглубже опускают черпаки в котлы и погуще наливают им, чем раньше другим. При этом повара им улыбаются и полицайи не орут и не махают дубинками. Даже отошли от кухни и стояли в стороне, пока не закончилась очередь матросов.

Стало ясно, что Махно так распорядился. Так было все время... В матросских котелках, банках или касках плавало больше брюквы

или картошки, чем у остальных пленных. На разгрузку автомашин с брюквой или картошкой всегда полицаи выводили небольшую группу матросов, где они за работой могли есть сырую пищу. Сами матросы чередовались на работу за зону, таким образом подкармливались поочередно. За работу получали дополнительную порцию баланды, кто разгружал в тот день. Это уже была забота главного полицая, о чем он даже сам сознался, когда пришел проведать Рауля. Правда, разговор у них не клеился...

Через неделю по лагерю среди пленных стали ходить слухи, что из других лагерей делают люди побеги, встречаются в лесах с партизанами, получают оружие и освобождают пленных из лагерей. Кто распространял эти слухи, никто не знал. Просто один слышал от другого, и все вместе говорили втайне от полицаяев. Многие ожидали, что скоро налет будет и на Валгинский лагерь. Меньшинство надеялись на побег. Матросы все думали, смело говорили о побеге и его готовили. Группа матросов, активно возглавляемая Николаем, Василием, Раулем и еще двумя старшинами, составила в уме план побега и знакомила остальных.

– Мы внимательно изучили время и порядок смены караула на охранной зоне, – пояснял группе Николай. – Слабые места ограждения лагеря. Когда выходили за зону на разгрузку автомашин, то проверили, что имеется по ту сторону забора. Вывод: нападение и прорыв зоны нужно делать в двух местах: через кухню – котлы, где ограждение ниже и один ряд, хотя снаружи имеется собака и ходит часовой-немец, а вторым местом – противоположная сторона лагеря, самая дальняя от проходной и караульного помещения. Прорыв делать в семь часов утра, когда меняется караул и уже убирают собак. Утро в это время еще не совсем светлое, что ухудшает обстрел, а прожектора в это время уже отключают. Кроме караула, остальные фашисты еще спят, что тоже важно. В части прорыва зоны – сообщает Василий, ему и слово.

– По моим соображениям прорыв зоны нужно наметить на 7 ноября – в честь Октябрьской революции. Пленные еще не забыли этот революционный праздник, их легче будет поднять на подвиг. Побегом из лагеря мы отметим дату Великого Октября. Дальше я уже познакомился и подобрал надежных артиллеристов среди пленных, которые готовят группу пленных для прорыва зоны на противоположной стороне. Мы будем прорываться через кухню. Это делается

одновременно в семь утра. Мы забираем у поваров черпаки и черпаками сбиваем на своем пути на зоне колючую проволоку, валим столбы, сами уходим и вовлекаем за собой остальных. Артиллеристы подготавливают одежду – частью свою, большинство умерших – и по нашему сигналу набрасывают тряпки на проволоку, по которым преодолевают ограждение. Артиллеристы прорываются первыми и вовлекают за собой остальных. Одновременное нападение на зону в двух местах посеет замешательство среди охраны, и пока они сообразят и откроют огонь с пулеметов, прорыв зоны совершится – многие успеют выбежать из лагеря в поле. Сигнал побега нужно дать, когда ночные вахтеры сойдут с вышек, а смена еще не успеет залезть. Мы используем дорогие минуты. Если кто меня поправит – буду рад.

Рауль повернулся направо и налево, оглянулся на задних товарищей, поправил на голове повязку вместо бескозырки и пробасил:

– Я одобряю сказанное Николаем и Василием. Думаю, что нам удастся первыми вырваться из лагеря. Артиллеристам будет труднее, но первые тоже прорвутся. Остальных немцы остановят в местах прорыва пулеметным огнем. Сами события покажут ход дела.

Кому удастся вырваться в поле, нужно стремиться достичь леса, а там небольшими группами пробираться на восток. Это позволит там надежнее скрыться от преследования немецких карателей. Нам всем в ночное время под седьмое число нужно побывать среди пленных и распространить план побега. Пленные нам доверяют и относятся с уважением. Время до праздника осталось мало. Нужно действовать энергичнее и смелей...

Глава 7

Матрос Василий, как артиллерист береговой батареи, готовил к побегу пленных артиллеристов. Он говорил:

– Я всегда симпатизирую артиллеристам. В артиллерию берут на службу молодых, сильных, коренастых парней. Артиллеристы – более опытные кадровые люди, больше привыкают друг к другу, в бою действуют, как на учениях, дольше сохраняют уверенность в победе, а поэтому среди них меньше потерь, чем в пехоте. Пехота,

измельчавшая, серая, промоченная дождями и окопной сыростью, вечно меняющая состав, менее дружная, поддается разным настроениям. Артиллеристы, надрываясь, извлекают руками пушки из грязи и болот во время походов первого года войны, не поддаются разным настроениям, а думают о побеге. Они сражаются за Родину, за ее право жить и разрешать свои дела без чужого вмешательства, как сражались предки, новгородские и псковские воины Александра Невского, соратники Минина, солдаты Кутузова и Багратиона. Друзья мои! Я хочу вам помочь спасти жизнь, указываю путь, а остальное зависит от вас. Останетесь в лагере – дойдете. Умрете, и вас вывезут в братскую. Пока есть силы бежать, нужно это использовать. Чтобы жить, нужно за жизнь бороться, нужно рисковать, а риск – благородное дело...

Так Василий вдохновлял пленных артиллеристов к побегу. Артиллеристы вдохновляли других, и эта волна катилась по лагерю незаметно, но быстро и широко. Ко Дню Великого Октября весь лагерь жил надеждой на побег. От свежих пленных в лагере стало известно, что Москва готовится на 7 Ноября провести парад, что на Красной площади пройдут войска торжественно, как бывало в мирное время. Эта весть еще больше мобилизовала пленных совершить побег...

Хмурое утро над Валгой протекало для немцев обычно. Седьмого ноября, как и шестого числа, без десяти минут семь утра из караульного помещения вышла смена охраны и каждый направился к своей вышке. Собаководы, хлопая по спине своих подопечных овчарок, уводили их в питомник на кормление. Ночные часовые, каждый на своей вышке потушив прожектор, сползали вниз в ожидании подхода смены, грели застывшие руки и топали ногами, напоминая сменщику, что на вышке продувает холодный ветер.

Николай с матросами, а Василий с артиллеристами ждали этого момента. Одновременно по взмаху руки Рауля, как было условлено, подали команду «Вперед!». Сразу в обоих местах прорыва на ограждении оказались люди. Затрещала проволока и столбы ограды. Из района кухни по полю уже бежали матросы. Артиллеристы немного задержались, преодолевая двойное ограждение, но тоже повалили столбы и, пробираясь через колючую проволоку, забросанную одеждой, уже бежали в сторону леса. За матросами и артиллеристами ринулась остальная масса пленных. В местах

прорывов получилось столпотворение, кто падал, тот оказывался под ногами бежавших. Задние напирали на передних. Казалось, остановить такую толпу было невозможно, как невозможно в один момент запрудить прорвавшуюся плотину. Тихое, хмурое утро и спокойный по виду лагерь в один момент разбушевались. Во многих местах раздавались возгласы: «Вперед!», «Ура!», «Полундра!», а вместе с возгласами крики: «Спасите!», «Помогите!».

Охрана лагеря сначала была в недоумении – растерялась. Отдельные охранники побежали в караульное помещение, некоторые стали стрелять из автоматов по пленным. Потом по указанию начальника караула солдаты заскочили на вышки и открыли огонь из пулеметов по местам прорыва зоны. На поваленном ограждении образовались кучи людей. Передние падали от пуль, а задние напирали, падали и образовали завал, как бывает на лесосплаве. Таким образом немцы закрыли прорывы зоны. На бегущих в поле пленным немцы натравили собак, но жертвами их оказались только задние. Многие пленные уже бежали оврагами, по холмам и кладбищу, а самые первые достигли леса и кустарников. Вырвавшись из адского лагеря, считали они себя счастливыми победителями, свободными и смелыми людьми. Они старались быстрее и дальше уйти в лес от погони, а потом повернуть строго на восток, пробираться к своим через фронт, влиться в ряды Красной Армии, получить оружие и громить фашистов снова. Кто остался в лагере, а их было большинство, были обречены на пытки, издевательства, голод и смерть...

Глава 8

После лагеря и всего совершившегося лес казался Колесникову и его спутникам раем. Как всегда поздней осенью, лес сбрасывал свое золотое убранство, под ногами слышно было шелест листвы и сухой травы, а наверху шумели верхушки деревьев, сопротивляясь силе ветра. Выше деревьев плыли редкие облака, сквозь которые украдкой выглядывало на землю солнце. Муравьи запечатывали свои огромные кучи-муравейники, белки подбирали запоздалые ростом грибы и уносили по верхушкам деревьев в свои зимние квартиры. Ежики собирали в кучи лист – строили свои зимние

домики. Единственные сороки-воровки не готовились к зиме, они перелетали с ветки на ветку, с дерева на дерево и поднимали хай там, где проходили Николай, Рауль и два матросских старшины.

– Вот проклятые воровки, орут, как бешеные, на пользу немцам, – роптал Рауль на белохвостых. – По их сигналу немцы могут нас поймать.

– Ты их не обижай, – оправдывал Николай сорок. – Они такие неугомонные в лесу, всегда дают знать, что по земле ходит хищник. Если в лесу окажутся каратели-немцы или полицаи, то сороки тоже их выдадут. У них нет своих и чужих. Птицы вне политики, – шутил Николай.

Оба матросские старшины бежали все время трусцой, то и дело обгоняли Рауля и Николая, но далеко не уходили, все оглядывались и торопились, как будто за ними гнались. Когда вышли в сосновый лес, они более-менее успокоились, повеселели. Коренастый, широкоплечий, пониже ростом, черноволосый поравнялся с Николаем и включился в разговор:

– Невелика птичка-синичка, а и та свой праздник знает. Первое массовое появление синиц говорит о подходе холодов. Ноябрь, наверно, будет холодный месяц, а нам придется топтать до его конца. Одежда на нас не ахти теплая, промокнем, простынем и можем в пути заболеть. Нужно что-то придумать.

– Вы старшины, вам и думать об обмундировании команды. Давайте шевелите мозгами, – шутил Николай. Ему хотелось ребят развеселить, снять то напряженное состояние, которое пока оседало еще в каждом. Нужно было вовлечь всех в разговор, поскольку предстояло обсудить все: как, куда и когда пробираться к своим через фронт, как дойти, чем питаться и одеваться, как скрыть свои следы от преследования немцев.

– Ты прав, Кирюха! – он назвал старшину Кирюхой – ласковым именем.

– Ноябрь – месяц встречи осени с зимой. Хитер ноябрь, пытается и осени угодить, и зиму не обидеть. Почти каждый день они схватываются. То сплошными дождями поливает землю, то вдруг непоседа-ветер принесет откуда-то снежную порошу и к вечеру вся земля станет белой. Это ещё не зима, растает снег, потому что лег на мокрую землю, а все-таки подпугает людей и зверей. Вот и нас будет пугать, да и не раз, пока перейдем линию фронта.

– Бояться холодов раньше времени не следует, – посоветовал Рауль. – Рано говорить осени «до свидания». Ночью может быть снег, а днем появится солнышко, и опять черная земля покажется. Метеорологи установили, что норма солнечного сияния в ноябре три десятка часов за месяц.

– Так это смотря в какой местности и в самое темное время года, – возразил Раулю Николай. – Только лес равнодушен ко всем фокусам ноября. Он проводил своих последних лесных жильцов, стал совсем сонным. Но ветер да события войны не дадут ему уснуть.

– Каждый день для нас полон ожиданий, а вдруг нынче засверкает земля белым ослепительным нарядом. И тогда откроет свой секрет белая тропа. Отпечатаются на снегу наши следы, и немцы тут как тут, – забеспокоился второй старшина по имени Олег.

Колесников был рад, что все спутники заговорили, расслабились и начали обдумывать свое положение и будущие ожидания.

– Нам, товарищи, нужно замести свои следы и укрыться на день от немцев. Они могут по нашему следу при помощи собак настигнуть и схватить нас. Нужно дойти до речки или болота и по воде скрыть след. Потом забраться в кустарник или камыши и там просидеть до ночи.

– Это надо делать сейчас, – поддержал предложение Николая Олег. – Мы уже порядочно ушли в лес, дальше всех удалились от лагеря, и теперь можно укрыться в кустах и хоть немного уснуть и отдохнуть. Как стемнеет, будем пробираться к железной дороге, а по ней пойдем на восток.

– Только не спутать стороны света, а то вместо востока да уйдём на запад, – обеспокоился Рауль.

– Не спутаем, я умею днем и ночью различать, где какая сторона. Ночью по звездам, а днем по деревьям. Если кто из вас не умеет, то я научу, – пообещал Николай.

В тихом разговоре они не заметили, как спустились в низменность, где протекал ручеек. Чистая родниковая водичка журчала среди кустарников, оmyвая чуть извилистые вымытые берега. Дно ручья сложилось из промытой гальки, которая через всю толщу воды отсвечивала разными цветами и размерами. Все обрадовались воде и в разных местах одновременно прислонились к ней своими устами. Пили жадно, но с передышкой, потому что очень холодная.

– Вот это водичка! Лучше газировки, – вытирая уста, хвалил Кирилл. – Сразу добавилось силы. Теперь еще можно шагать столько же километров.

– Ручей должен впадать в речку или сам стать ею за счет своих собратьев. Пойдем по течению к большой воде, – предложил Николай. Все молча согласились и зашагали гуськом друг за другом. По ручью вышли на конец леса. Ручей на пути еще подобрал несколько родничков и в конце леса, увеличив скорость, помчался между холмами в открытое поле. Его спутникам пришлось повернуть вправо по окраине леса – пересекая два холма. Со второго холма хорошо было видно левее от леса деревню. Солнце уже было высоко, и его лучи тепло падали на крыши построек. Деревня тянулась вдоль небольшой речки, в которую наверняка впадал и тот ручей, из которого наши знакомые напились живительной воды. Речка поила водой весь живой мир деревни и многие заросли, расположенные по обоим берегам. Заросли тянулись до самого леса, и, чем ближе к лесу, тем они были погуще и побольше. Свое начало речка брала где-то далеко в лесу.

Четверо шагали по окраине леса на пересечении с речкой. Вскоре речка встала на их пути. Вода в ней была чистая и тихая. Поверху воды плыл опавший лист, а на дне играли рыбки, пробираясь вверх против течения.

– Теперь можно, ребята, путать наши следы от немцев, – предложил Николай. – Пойдем мелкими местами по речке в лес, а где будет глубоко, будем пробираться по берегу. Зайдем подальше в лес и там передохнем до ночи. Ночью зайдем в деревню за продуктами. Есть уже очень хочется.

– Не есть, а жрать, – поправил его Рауль.

– В эстонских деревнях население держит в колодцах молоко, чтобы не прокисло. Вот такое ведерко нам нужно. Да забраться в хорошую кладовочку с буханками хлеба и яйцами, а, может, там еще что-то повкуснее.

– Ну, ты, Кирилл, размечтался, – перебил Олег. – Что вкуснее настоящего хлеба может быть?

– А сдобные булочки! – ответил Кирилл.

Ребята рассмеялись. Шумел листопад. Леса покорно и печально поросил листвой. Заглушающий шорох властно заполнял лесную глухость.

Опавшими листьями осень щедро выстилала все тропы и поляны.

Когда налетал ветер, тучи мертвой листвы поднимало от леса, легко кружило в просторной вышине и несло на восток. Шум листопада наполнял души ребят, бежавших на родную землю, радостью и тревогой. Они устало шагали, часто вытирая пот на запяленных исхудавших лицах. Оказавшись опять в глубоком лесу, остановившись на вершине высокого холма, выпрямившись во весь рост, оглянулись вокруг, порешили:

– Здесь, в траве на солнце, будем ожидать ночи. Солнце нас обогреет и приласкает днем. Вы ложитесь спать, а я покараулю. Мне все равно не уснуть, что-то разболелись ноги, наверно, от холодной речной воды. В случае появления подозрительных звуков я вас разбужу и скроюсь в лес. Тут самое подходящее место. Ложитесь головой на восток, – настоял Николай. Сам повернулся лицом к солнцу, закатал брюки выше колен и стал их подогрывать на солнце. Трое его братьев прижались к теплой земле, глубоко дышали и спали крепким сном. Николай смотрел на них, оглядывался по сторонам, прислушивался к посторонним звукам. Нес доверенное дежурство и о многом думал, думал...

Вечером, с заходом солнца, туманом затопило землю. Беззвучные мутные волны тихо качались вокруг взгорья. Кое-где смутно проступали в розовеющем свете очертания вершин холмов; заброшенными, мягкими стояли за ними черные зубчатые ели.

Раньше всех проснулся и поднялся в середине Кирилл. Его соседи по бокам, Олег и Рауль, поворачивались от прохлады и опять прижимались к теплой земле, к пригретому месту.

– Ложись, Николай, на мое место: в середине теплее, немного поспишь, – предложил Кирилл. – Я добре поспал, чувствую, что отдохнул на свежем воздухе.

– Да можно часок поспать, если усну, – согласился Николай. – Трогаться с места еще рано и светло. Наверно, немцы прочесывают лес и вылавливают убежавших. Ты прислушивайся к малейшим звукам и шорохам. Чуть что, нас подымай заранее. Мы не так далеко ушли, немцы могут дойти в эти места. Я лягу – попробую уснуть, что-то разболелись ноги.

Кирилл чувствовал себя отдохнувшим, но сильно хотел есть. Он, как заяц, насторожил уши, ворочал по сторонам голову и нес

дежурство, пока совсем стемнело. Олег и Рауль поднялись, тоже подошли к Кириллу и тихо беседовали о предстоящей ночи.

– В первую очередь нужно добыть еду, жрать хочется чересчур, – сознался Рауль. – Как Николай проснется и полностью потемнеет, будем пробираться в деревню.

Так решили все трое и стали ждать согласия Николая.

Глава 9

Всем прорвавшимся в первые минуты из лагеря Валги теперь каждый шаг в ту или другую сторону сулил разные случайности и опасности, другую жизнь или другую смерть. Те, что забились в гущу леса, чтобы дожидаться там ночи, были на закате солнца расстреляны немецкими автоматчиками, прочесывающими лес. Может быть, в другом случае немцы и взяли бы пленных живыми, но офицеры СС приказали беспощадно рассчитываться за совершенный побег. Наоборот, те, что убежали, казалось бы, в самое ненадежное место, в мелкий кустарник, остались живы; немцы не искали их там, и они ночью ушли без преследования. Несколько пленных, собравшись через час после побега вокруг Василия-артиллериста, не теряя времени, пошли под его командой по кустарнику за деревню на север. Они попали на засаду эстонских полицаев, пришлось врассыпную бросаться в лес, и первый час после спасения каждый шел без остановки, желая только одного – успеть уйти как можно дальше.

Василий, пробежав несколько километров, наконец остановился, прислонился к сосне, чтобы отдышаться, и в эту минуту к нему подошел знакомый по лагерю матрос.

– Как пойдём, браток? Там в лесу, – он показал влево от дороги, – нас обстреляли фрицы, мы разбежались кто куда, наверно, есть убитые и раненые. Я бегу один. Теперь нас двое. Пойдем на восток вдвоем. Большими группами не пробраться.

Эти первые слова матроса лучше всего помогли прийти в себя подавленному и безоружному одинокому Василию, уже на некоторое время забывшему о плене.

– Сейчас решим, – ответил он. – Садись, передохнем малость. Нам, очевидно, выпало вдвоем выходить к своим.

– А почему, собственно, вдвоем? – почти сразу ответил матрос. – Не одни же мы в лесу, может, еще до ночи соберем целую группу.

Однако надежды их оказались напрасными. До ночи не встретили ни одного человека. Так они остались вдвоем, пока судьба и их двоих расшвыряла в разные стороны...

Глава 10

После заката солнца и наступления темноты четверо флотских, голодных, как волки, подходили кустарником к деревне. Ближе к опушке леса за оградой из камней стоял домик, в окнах которого горел свет. Рядом с домом стояли две постройки без света. Как после оказалось, одна из них, больше размером, служила сараем для скота, а вторая оказалась кладовой для продуктов и зерна. Собаки во дворе не было.

– Будем ждать, пока погаснет в окнах свет, хозяева лягут спать. Первый сон крепкий – не услышат, – предложил Олег.

Долго ждать не пришлось. Хозяева после сельскохозяйственных работ залегли на отдых, погасив свет в доме. Николай с Раулем подошли к кладовой со стороны огорода. Пользуясь своей наполовину сохранившейся силой, Рауль снял с петель дверь и пропустил Николая в кладовую, а сам остался во дворе для наблюдения. Ребятам на этот раз повезло, в кладовой оказался печеный хлеб и половина ведра куриных яиц. Николай забрал ведро с яйцами и четыре буханки хлеба и вышел из кладовой. Рауль обратно посадил дверь на старое место.

– Пошли! Все в порядке, – шепотом сказал Николай.

Ожидавшие двое в кустарнике обрадовались, увидев настоящий хлеб. Пока шли кустарником к речке, каждый нюхал буханку, глубоко втягивая воздух с запахом хлеба. Возле речки сели, разделили поровну яйца и стали есть. Кто съел четверть булки и четыре яйца, а Рауль ухлопал половину того и другого. После еды с новыми силами они отошли поглубже в кустарник в обход деревни. Пересекли кладбище и устремились на восток через поле по проезжей части дороги. Шли быстро, спокойно, без разговора. Всем думалось, что так можно дойти до фронта к своим. К середине ночи появились

грозовые тучи, подул ветерок с юга и посыпал дождь. Сначала редкий да крупный, а потом мелкий да густой – настоящий осенний.

Идти стало трудней. Скользила мокрая дорога, к ногам налипало. Однако все шли бодро, целеустремленно и радовались в душе, что уходят дальше от преследователей и ближе на восток к родной земле. Всю ночь шли без передышки и остановок. Когда на востоке делалось небо светлей и вот-вот должно взойти солнце, Николай устало сказал:

– Вот это бросок в первую ночь. Если бы каждую ночь так удачно, без всяких помех шагать, смотришь за 10 суток пришли б к своим под Ленинград.

– А может, на нашей земле встретим еще раньше партизан, то останемся с ними бить врагов, – с подъемом заговорил Кирилл.

– Здесь, на эстонской земле, партизан не найдешь, скорей полицаев встретишь, – ответил Кириллу Олег.

– А я, братцы, уже кушать хочу, – сознался Рауль. – Давайте здесь на опушке леса поедим и уйдем в лес на отдых, все равно уже светает, нужно скрываться. Наша свобода ночью – как у волков...

После еды они пошли поглубже в лес. Прорубленная через вековой сосновый лес просека уходила далеко, до самого горизонта. Проглянувшее сквозь тучи осеннее солнце неяркими пятнами ложилось на сырую после ночного дождя хвою. Там, где местами из-под хвои проступал песок, он после дождя был весь в мелких рябинках. Когда поддувал ветерок, с сосен осыпались остатки ночного дождя, и шагавшие на отдых люди после ночного похода ежились, поднимали на бушлатах воротники и лезли руками в карманы. Вдоль просеки хотелось шагать на восток к своим, но в лесу становилось светло, нужно было прятаться от встречных врагов. С просеки свернули в лес искать подходящую поляну для отдыха и для просушки мокрой одежды на солнце. Нужно было как следует выспаться, так как следующая ночь ожидалась труднее. Друзья блаженно вытянулись на траве под лучами солнца. Немножко поворочавшись с бока на бок, последним скоро уснул и Олег.

Николай, борясь со сном, встал, стал мерить шагами вдоль и поперёк маленькую поляну, на которой спали трое. Николай знал, что люди засыпают на ходу, сейчас он испытывал это на себе, иногда вдруг останавливаясь и теряя равновесие. Он думал, что он должен довести своих друзей до своих. Ни о чем другом он не думал. Ибо ничто другое его не устраивало.

На восьмые сутки они вышли на железную дорогу Таллин – Ленинград. Это был хоть не самый короткий, но надежный путь для пешеходов без карты и компаса. Бродить лесами, обходить деревни и реки требовало много времени и вынуждало отклоняться от восточного направления. Идти по насыпи железной дороги было удобно и легко, хотя опасно. Только благодаря ночной темноте немцы смело двигались на восток. За шесть дополнительных суток четверо дошли до Нарвы. За эти шесть суток они испытали все, что может выпасть на долю людей в матросской форме без оружия, идущих к своим сквозь чужой вооруженный лагерь. Они испытали и холод, и голод, и многократный страх смерти. Они несколько раз были на волоске от гибели или повторного плена, слышали в двадцати метрах от себя немецкую или эстонскую речи и звон оружия, рев немецких машин или мотоциклов. Каждую ночь их обгоняли немецкие поезда, нагруженные военной техникой и живой силой с оружием в руках. Встречались обходчики и охрана железной дороги, каждый раз приходилось скрываться в выемках насыпи или прятаться в кустах посадок. Почти не приходилось говорить, чтобы не услышали враги русской речи. Все дни коченели от холода в ноябрьском промозглом лесу. На тридцатые сутки мечта дойти до линии фронта начала казаться им несбыточной. Одиночество тяготило их больше всего, и они говорили между собой: «Хотя бы встретить какую-нибудь группу партизан или разведчиков, пробившихся с боями, и идти с ними». Этот разговор чуть не стал последним их разговором, потому что через полчаса они, поднявшись из крутой лесной балочки, в упор столкнулись с десятком немецких связистов. Встреча была неожиданной, но четверо чутко, как звери, притаились в кустах, пока мимо них прошли тянувшие провода. Пришлось малость пережить страх, но, улучив момент, они перебежали шоссе на дорогу, по которой шел почти непрерывный поток немецких машин, углубились в лес еще километра на два, наломали еловых веток и залегли в гуще елок.

Пошел дождь, спать было мокро и холодно, хотя они тесно прижались друг к другу, чтобы согреться. Вдобавок их мучил голод, утром кончилась последняя еда и раздобыть больше не пришлось. Всем к вечеру не спалось. С наступлением темноты пробежали через шоссе и вышли к железной дороге, впереди показалось много огней, по которым определили, что там город и станция. Железная и шоссе на дороге вели к Нарве.

Шесть раз сходили с насыпи и пережидали, пока пройдут вражеские поезда, два раза прятались кустам от охраны пути и один раз уходили в поле от обходчика, у которого собака подняла лай, учуяв чужих. К городу подошли на рассвете, когда над землей стелился густой туман. Хотелось до утреннего света пройти через станцию и на той стороне города сделать дневной привал. Но не всегда сбывается задуманное и желаемое. Перед станцией нужно было пройти через железнодорожный мост или переплыть через реку Нарву.

– Задача, брата, сложная. Мост наверняка охраняется, а реку переплыть – нужна лодка, – сказал Николай своим спутникам.

– Нужно пройти по берегу реки, там наверняка найдется рыбацкая лодка. В тумане переплывем на ту сторону незаметно для охраны моста. Проходить через мост рискованно.

– А я предлагаю рискнуть – пройти через мост. Может, не охраняется, – настаивал на своем предложении Рауль.

Его поддержали Кирилл и Олег.

– Тогда иди ты вперед разведкой на мост, а мы пойдем за тобой через двадцать метров сзади. Если заметишь охрану на мосту, немедленно возвращайся, не подымай шума, чтобы не оказаться замеченным охраной, – распорядился Николай. Рауль и остальные согласились.

Над рекой туман стоял гуще, чем на подходе к ней. На расстоянии десяти метров можно было разглядеть силуэт часового на мосту и трудно было отличить его от будки. Рауль шел медленно, нагибаясь, присматривался вперед. Показалась в тумане будка часового. Он остановился и пристально смотрел, где часовой. Еще сделал два шага вперед. Вдруг часовой заорал по-немецки: «Стой!» Рауль бросился назад. Раздался выстрел.

– Всем бежать за мной! –скомандовал Николай и сам побежал с насыпи в выемку, где был еще гуще туман. Позади раздавались ружейные выстрелы. Благодаря туману матросам удалось скрыться от преследования команды – охраны моста. Когда прекратилась стрельба и матросы ушли по берегу реки на надежное расстояние, все остановились и рассмеялись.

– Ну, Рауль, как, рискнул? Видел часового? Нагнал он тебе, да и нам, холода в заднее место, – шутил Николай.

– Я даже не заметил часового, видел только будку, а он, подлец, возле будки стоял с нашей стороны, меня увидел, да как

заорет и давай стрелять. Если бы не туман – мог убить, – успокаивал себя Рауль. – Теперь он поднял весь караул, и они будут нас разыскивать. Нам нужно спрятаться в надежное место. На ту сторону речки нам уже сейчас не перебраться: нет пока лодки и скоро будет светло. Придется день провести на западной части от города на этом берегу реки.

– Тогда, братцы, заберемся в камыши и будем дрыхнуть до вечера, – больше делать нечего, – закончил мысль Олег...

Глава 11

На выстрел часового из караульного помещения выскочили первыми солдаты, а за ними фельдфебель, возглавлявший охрану железнодорожного моста. Солдаты стреляли в туман, не соображая, зачем, но фельдфебель скоро запретил им, явился к часовому на мост.

– На меня пытался напасть русский матрос. Я в него выстрелил, но он скрылся в тумане. Он был не один, с ним была группа. Это я определил по бегу левее моста. Они убежали по берегу реки, – так доложил часовой начальнику караула. Фельдфебель решил, что это русские десантники по уничтожению моста и немедленно позвонил по телефону в комендатуру города. В комендатуре поверили фельдфебелю, зная важность моста и интенсивное движение по нему немецких поездов на восток, и немедленно снарядили карательную группу для захвата десанта. Одновременно удвоили караул по охране моста. Карательная группа с собаками явилась к мосту и разыскала следы убежавших.

Прошло два часа времени после выстрела часового. Но еще часа два назад ничто, казалось, не предвещало непогоды, разве это облачное небо вверх, которое нынешней осенью в Прибалтике всегда было облачным. Не успел сесть как следует туман – пошел дождь со снегом. Редко мельтеша в воздухе, снежные крупинки косо неслись по ветру с тихим, невнятным шорохом, быстро засыпая иссушенную траву, жухлые заросли осоки на заболоченном берегу, в которые тщательно зашли наши спутники, стараясь скрыть свои следы. Осока и трава на этом мшистом болоте была большая, и они пошли напрямик, не разбирая дороги. Местами они неглубоко

проваливались в мох, но до воды не доставали. То ли от снегопада, то ли от раннего туманного утра. Пространство вокруг всё больше мрачнело, хмурилось, наполняя тревогой и без того беспокойные души спутников. Дойдя примерно до середины болота и выбрав самую высокую осоку, все четверо остановились. Без слов было каждому ясно, что это место, подходящее для укрытия от немцев. Однако Николай предложил:

– Здесь, наверно, остановимся. Вроде самое подходящее место. Как ваше мнение?

Все промолчали.

– Молчание – знак согласия, я так вас понимаю?

– Так, – ответил Рауль.

– Нас немцы сегодня будут искать, – продолжил разговор Николай. – Хорошо, что пошел снег с дождем. Наши следы, должно, смоятся, и собаки могут не пойти по нашему следу. Это в нашу пользу.

– Что же тут хорошего, – с досадой сказал Олег. – Все мокрые, как черти, грязные, да еще и голодные.

– Вдобавок к тобой сказанному и спать сегодня не придется по тем же причинам, – добавил Кирилл, выжимая от воды рукава бушлата. – Зато мы моряки, така наша доля...

Подобрав вокруг в кучку траву и осоку, ребята сели спинами друг к другу, взаимно обогреваясь своим собственным теплом, слушали и присматривали все четыре стороны местности. Сидели молча. Лишь изредка, чтобы оторваться от дум, они перекидывались отдельными словами, пустыми и ненужными в этот час. Лица были беспокойные и строгие, как и все это утро. Опять они затихли. Каждый с усилием напрягал слух, то слегка приподнимая голову, то настораживая ухо. Вокруг более и более крепла тишина, особая тишина, которой славятся болота. Изредка, не нарушая ее, пролетали, хлопывая крыльями, вороны. Среди дня с запада потянулись большие косяки «юнкерсов». Их трудно было поймать глазом в вышине осеннего небосвода, но унылый, надрывный вой их моторов судорогой схватывал душу. Над болотом внезапно за «юнкерсами» с высоким диким свистом пронеслись сухие, хищные «мессершмитты».

– Эти подлюки полетели бомбить Ленинград, – не удержав злобы, выразился Кирилл.

– Пусть летят! Им там дадут в морду и по затылку! Там им такое огневое пекло устроят, что они взвоят смертельным воем! Летчики плакать будут! Горючими слезами плакать, что прилетели в Ленинград! Кровью умываться будут, сволочи!

Колесников говорил это с такой силой и лютой злобой, что на его щеках даже выступил румянец, а в расширенных горящих глазах засверкали слезы... Контузия давала о себе знать...

За день, сильно дохнув холодом, осень побила все, что ещё жило, хоронясь от нее на полях, лучах и болотах, – похитила последние краски лета. Куда ни глянь – всюду мертвая пустота.

Вдруг Рауль заметил, как в поредевшем бурьяне что-то метнулось.

– Братцы! Немецкая овчарка вышла на нас!

– Тише. Где? – все метнули взглядом в его сторону.

– Вон! На склоне пригорка, – почти шепотом произнес Рауль. – Стоит и смотрит на нас.

Когда невидимое метнулось в сторону, то все увидели лису, пробиравшуюся через кочки между осокой.

– Голодной курице просо на уме, а тебе, Рауль, овчарка, – его упрекнул Олег за испуг.

К вечеру сильно похолодало. Земля, скованная стужей, была тверда. И все на ней, мертво окоченев, хрустело и шуршало под ногами: и побитые травы, и мох, и опавшая листва. Чуткое ухо издалека могло определить, что лесным бездорожьем бредут люди. На болоте в камышах сквозило такой стужей, что пронизывало до костей. Матросы отворачивались от нее, спрятали в воротники бушлатов лица, натягивали на уши бескозырки, горбившись в своей промокшей одежде, жались друг к другу, чтобы спастись от холода. Больше времени сидели молча, кашляли, глухо задыхаясь, надрытая простуженную грудь.

– Уходить нам нужно, братцы, с этого болота и сквозняка в лес. В лесу посуше и потеплее. При таком ветре в лесу совсем будет тихо. Здесь сифонит, как в трубу, насквозь простынем, заболеем, чего нужно опасаться в нашем деле, – предложил Николай после очередного приступа кашля.

– Я думаю, нам следует перебраться вон в тот лесок, что виднеется на бугорке, до наступления темноты, чтобы засветло осмотреться, как и где лучше переплыть речку, обойти станцию и в город, – высказал свою мысль Рауль.

– А что если нам осмелиться и ночью зайти на железнодорожный узел, сесть на какой-нибудь поезд и проехать до Ленинграда, – предложил Кирилл. – Так будет быстрее.

– Плохо ты думаешь! Это, наверное, ты перемерз, а мозги на холоде не соображают, – заметил Олег.

– Разве можно в нашей форме появляться на людном месте? На станции полно немцев, охраняющих составы и пути. Потом, сесть на поезд, который охраняется немцами, почти невозможно, по пути следования могут поезд разбомбить наши самолеты или взорвать партизаны. Зачем нам так рисковать, когда еще два-три дня ходу, и мы перейдем к линии фронта, – стараясь разубедить Кирилла, Олег доказывал, растирая посиневшие от холода руки.

– На таком холоде, да плюс голод, действительно плохо работает голова, – согласился Кирилл. – Давайте сейчас пойдём в лес! Всё равно скоро вечереть будет. Здесь так сквозит, что не хватает терпения.

Кирилл поднялся, а за ним остальные, поскольку разницы никакой не было – сейчас или часом позже, всё равно нужно было уходить из этого осточертевшего за день места. Выходя на участке, где были почаще кочки и пореже камыш и осока, они видели в правой стороне поля с потемневшими от дождя стожками, с голыми деревьями на пригорках. Подальше за косогором лес, куда им и нужно было пройти через поле. Шагали все вместе и очень быстро, когда пересекали поле. Только поравнялись с потемневшими стожками соломы, как из-за стожков застрочили автоматы. Матросы прижались к земле и слышали, как над ними свистели пули. У каждого в голове мгновенно появилась мысль – немецкая засада! Снова плен! Страшно! Стрельба прекратилась, но послышался лай собак. Немецкие овчарки набросились на матросов. Только Олегу «повезло». На него не набросилась овчарка, поскольку их было три. Пока овчарки сидели на спинах матросов и рвали зубами их бушлаты, десяток солдат окружили матросов и только тогда отозвали собак. Обер-ефрейтор заорал на матросов: «Встать! Руки вверх! Марш вперед!» Деваться было некуда, пришлось исполнять команду врага...

С первых минут повторного плена Николай, как и остальные трое, находился в состоянии крайнего угнетения. Но вдруг ему снова стало безразлично, расстреляют или не расстреляют их немцы, доведут до нового лагеря или пристрелят в дороге. Ему снова

захотелось во что бы то ни стало спастись, и не просто спастись, а выжить, чтобы потом убивать немцев...

Вечерело. В глубине леса уже стояли густые сумерки. Немцы, хотя их и десять было, не решились вести пойманных через лес, а повели по опушке в обход леса, что было значительно дальше. Зато они шли быстро и пойманных тоже торопили, подтравливая собаками. Николай чувствовал, что с каждым шагом ему становится трудней, но шел и шел изо всех сил, какие еще были в нем, борясь с хворью и голодом. Иногда в глазах так темнело, что он терял из виду своих друзей и идущих впереди немцев. Но он шел, его не покидала мысль: при удобном случае бежать.

Николай был человек прямого, ясного ума, простых и твердых решений. Поняв однажды, что он должен уйти на восток к своим, он сразу и накрепко подчинил себя этой мысли и неотступно следовал ей. Проходя по местам, где хозяйничали гитлеровцы, он всем сердцем понял, какое неизмеримое горе нависло над родной страной. Он ужаснулся, увидев, как могут быть злы и беспощадны фашисты. Теперь он чувствовал, что из его души точно выветрилась та тишина, которая держалась в ней с раннего детства. Теперь он чувствовал, что в его душе так же шумно и тревожно, как и в родном краю. Эти перемены начали сказываться во всём: он стал меньше сговорчив и добр, среди товарищей держался смелее, разговаривал настойчиво, а иногда даже дерзко, делал все быстро, напористо и беспокойно, — так и поднимала его та буря, что медленно копилась в его душе...

Глава 12

На пути следования к городу немцы не разрешали четверым шептаться и разговаривать, а сами громко говорили и смеялись, одновременно строго смотрели за конвоируемыми.

В городе вели по проезжей части улиц, больше отвлекались на пешеходов, идущих по тротуарам и на встречные автомашины. Благодаря этому и городскому шуму матросам удалось договориться, как отвечать немецкому начальству на допросах.

В комендатуру привели, когда уже в здании горел электросвет. Ober-лейтенант после доклада обер-ефрейтора велел пленных ввести

к нему, предварительно надев на них наручники. Впервые в жизни, как и остальные трое, Николай стоял перед врагом – немецким офицером в наручниках на руках. Офицер, увидев сквозь очки матросов в военной неистрепанной форме, сразу подумал, что это не лагерные пленные. Плохо, на ломаном языке он спросил по-русски:

– Кто вы ест? Расскажи правду, вашу роль здэс?

Он кидал свой взгляд то на одного, то на другого, а потом остановился на Николае и, не сводя с него глаз, продолжал разговор:

– Я знаю, что такое русский диверсант. Вас бросил сюда русский самолет взорвать мосты. Скажи, сколько ваших диверсантов сбросил, где они и где ваше оружие?

Николаю очень хотелось ответить этому очкастому фашисту: «Сам ты вонючий диверсант, боишься, гад, что мост взорвут!» Но он подумал про себя, что нужна выдержка и говорить нужно хитро и спокойно, как договорились.

Трудно было Николаю держаться на ногах: ныли все суставы, но непомерную усталость и тяжелую боль заглушало в нём ощущение какого-то особенного счастья и гордость. Он не мог понять, когда и почему появилось это ощущение, но точно знал, что он испытывает его впервые в жизни. Он смотрел в упор на врага и говорил на равных:

– Мы не диверсанты, а русские моряки с острова Даго. Ваши войска временно захватили остров, многих взяли в плен, а мы четверо бежали на лодке с острова без оружия, и вот идем к своим родным в Ленинград. Там наши отцы и матери, братья и сестры. Вы были б на нашем месте, тоже делали так – бежали на свою родину. Если вы, офицер, добрый человек, то мы просим нас отпустить домой. Мы без оружия, для вас, вооружённых, уже не опасны, тем более здесь, в глубоком тылу.

– Нам не опасна вся Красная Армия даже с оружием, – широко улыбаясь, ответил офицер. – Мы скоро разломаем! Москау будет наш!

Николаю хотелось смеяться и задать офицеру вопрос: а зачем на нас надел наручники, значит, боишься Красную Армию даже без оружия? Но он повторил просьбу отпустить домой.

– Нет! – крикнул офицер. – Домой не пойдет! Ты потом будит партизан! Я пошлю всех на лагерь. Будешь работать великой Германию!

Николай посмотрел на ребят, а они на него. Они заметили, что теперь Николаю трудно было узнать. Это был совсем не тот

красивый, задумчивый и тихий парень. Это был человек с огрубевшим, суровым выражением лица и темным, настороженным взглядом – такой бывает у людей, которые видели смерть, но узнали, что не всегда она всесильна.

Даже офицер заметил возле Николая недовольствие. Он со злостью повторил свое решение: «Да! Пойдешь лагерь! Работать! Сильно работать великой Германия!» Он приказал стоявшим у дверей с автоматами солдатам увести матросов из кабинета. Рауль тут же просил офицера распорядиться их покормить: «Мы трое суток ничего не ели и не курили. Просим нас покормить и дать курить». От офицера матросов завели в комнату с небольшим окошечком с железной решеткой. Кроме пола, стен и потолка в комнате больше ничего не было. В комнате сыро и темно. Сквозь решетку дуло холодом и чуть-чуть пробивался свет от наружного электросвета.

Через час пришли четыре солдата с автоматами и увели матросов в светлую столовую. Там сняли с них временно наручники, накормили гороховым супом и дали по одной сигарете, после чего надели наручники, увели в знакомую комнату. Ложиться на пол в наручниках было очень неудобно: свой собственный кулак даже нельзя положить вместо подушки. Поэтому каждый сидя прислонился к стенке и уснул, пока в желудке грел гороховый суп...

Утром матросов вывели из карцера к крытой автомашине. Они поняли, что их повезут в лагерь и, может быть, далеко, поэтому Рауль скованными наручниками руками показал фельдфебелю, что ему нужно освободиться от накопленного за ночь. Фельдфебель понял необходимость Рауля и велел солдатам отвести матросов в сортир. После сортира на матросов вновь надели наручники, посадили их в кузов автомашины и велели полулежа находиться в задней части кузова. В передней части сидели два солдата и третий – собаковод с овчаркой. Фельдфебель, старший конвоя, сел к шоферу в кабину машины.

Ехали долго. Матросам путь показался в два раза длиннее, чем он был на самом деле. Их кидало в конце кузова, от тряски болели бока, кости, но они не плакали, хотя их ожидало впереди большое горе. Так как им запретили по дороге разговаривать, каждый лежал в кузове и всю дорогу думал о себе, о родных, о прошлом, а больше всего о будущем, страшном, тяжёлом, которое потом сложилось у них по-разному...

Глава 13

Автомашина убавила скорость, но тряска в кузове увеличилась. Чувствовалось, что машина идет по бульжной мостовой города. Матросы поняли по скорости, по тряске, по шуму, что заехали в город, но какой, это было загадочно. Каждый беспокоился, только бы не в Валгино. Там их опознают полицаи и за организацию побега расстреляют или повесят.

Вдруг машина остановилась и раздался сигнал. Послышался разговор немцев, а потом заскрипели железные ворота. Машина тронулась, проехала немного, развернулась и остановилась.

– Стало быть приехали на место, – негромко произнес Николай, а у самого по телу пробежали мурашки. Все промолчали, наверняка испытывали тоже страх. Открыли задний борт машины. Фельдфебель взмахнул рукой, дав знать матросам и солдатам, что нужно разгружаться. Пока матросы спускали ноги с кузова, солдаты уже сзади толкали их ногами, а овчарка сильно рычала. Когда все спустились с машины, фельдфебель лично снимал наручники. Солдаты стояли позади матросов и держали автоматы на уровне живота. Фельдфебель ушел за лагерным начальством в казарму.

Матросы стояли среди большого двора, окруженного двухэтажными казармами с четырех сторон. Раньше это был военный городок – в казармах жила раньше эстонская воинская часть. С начала захвата немцами эстонской столицы в городке разместили городской лагерь военнопленных. Ограда казарм и площади за казармами пригодились для удержания и охраны русских пленных, после ее реконструкции по-немецки. На площади, севернее казарм, где раньше проходило построение и занятия воинской части, теперь строили пленных для исполнения всех немецких процедур...

Пока солдаты курили, а матросы рассматривали казармы и ограду, с парадного хода светлой южной казармы вышло лагерное начальство в сопровождении уже нам знакомого фельдфебеля. За начальством появились полицаи, впереди которых шел унтер-офицер.

«На допросе повторять ту же самую легенду, что и в Нарве, – предупредил шепотом Николай троих. – Если будут допрашивать всех вместе, то говорить буду я – так будет лучше». Никто не возразил. Самый старший по званию офицер-гауптман – он был самый

высокий ростом и старше всех по возрасту – спросил через немецкого офицера-переводчика:

– Кто есть у вас офицер?

Николай ответил:

– Мы все рядовые матросы.

– Мне известно, что вы бежали на лодке с острова Даго. Это правда?

– Да! Мы бежали с острова, чтобы не попасть в плен, – ответил Николай.

– Значить, вы бежали от плена, от немецких солдат, это равносильно что из лагеря. Вы понесете наказание как беженцы – по двадцать палок и двадцать одни сутки карцера, – пересказал переводчик последние слова гауптмана.

Гауптман, что-то приказал унтер-офицеру и ушел с переводчиком и еще одним офицером с перевязанным глазом в казарму. Щеголь унтер-офицер, получив право расправиться с матросами, расписался на каком-то листе конвоя, и те сели в машину и уехали со двора. Пока немцы о чем-то говорили и по-дружески прощались с унтер-офицером, Рауль спросил полицаев:

– Какой это город и сколько пленных в лагере?

Мордастый полицай в новенькой красноармейской одежде и брезентовых, недавно пошитых сапогах ответил:

– Не торопись, все узнаешь, больно видно любопытный. Сначала для любопытства отпустим тебе двадцать горячих по мягкому месту, а потом повалешься в карцере три недельки. За это время все станет тебе известно...

После ухода автомашины с конвоем унтер-офицер с полицаями увели матросов в казарму, в одну из комнат первого этажа. В комнату зашел немецкий врач в белом халате и через мордастого полицая пояснил: «Вы должны раздеться догола, я буду вас смотреть, нет ли среди вас евреев». Полицай стали торопить матросов и быстро отбирать у них снятую матросскую форму. На голых надели наручники.

Врач кругом обошел каждого и велел по одному привести в другую комнату. Первым повели Рауля.

– Ты самый любопытный, тебе первому сделаем вливание. Пошли со мной к врачу, – сказал полицай, толкая Рауля в спину.

– Там что, уколы дают или кровь берут? – спросил Рауль.

– Ты обратно интересуешься преждевременно? То и другое, – ответил полицей, ехидно улыбаясь.

В комнате, где обещал полицей вливание, Рауль увидел посреди не комнаты табурет, а на стене висели резиновые палки полицей. Рауль поначалу не понял, какая ему предстоит операция, но когда ему полицей предложили лечь животом на табуретку и мгновенно один полицей сел ему на плечи, а другой на ноги, то он сразу вспомнил, для чего висят на стенке резиновые палки.

Мордатый полицей с насмешкой произнес: «Для твоего любопытства получай, голубчик!» – и начал бить Рауля по мягкому месту и поясице. Рауль сначала молчал, а потом застонал от боли. Терпение было на пределе. Отсчитав двадцать ударов, полицей бросил палку на пол и велел Раулю встать. Тот сначала свалился с табуретки от боли, полежав на полу, поднялся, но выпрямиться в полный рост не смог. Так, согнувшись в поясице, начал одеваться в тряпки, которые ему бросил под ноги полицей. Брюки, гимнастерка, пилютка, деревянные колодки и рваная солдатская шинель были очень грязные, и несло от них противным запахом – до тошноты. Когда Рауль «обмундировался», его вывели во двор и велели ожидать троих. Он прислонился к стенке казармы и почувствовал, как по телу поползли вши из одежды, снятой с умершего пленного.

После Рауля вводили в комнату Николая, Олега и Кирилла, делали им то же самое, и поочередно полицей выталкивали каждого во двор.

– Вот шакалье эти полицей, – заговорил Николай, подойдя к Раулю, склонившемуся на стенку с поникшей головой.

– Бьют сволочи со всей силой. Нет чтобы сдержать руку или меньше раз ударить. Здесь нет немцев для контроля, все делают свои – предатели. Придет и на этих гадов казнь.

– Жди, пока на них придет, а нам уже пришла, – уныло ответил Рауль. – Придет и на них! Дождемся!

Когда все четверо приняли одинаковую кару, по приглашению полицей пришел унтер-офицер и повел плохо одетых в карцер. Это была трансформаторная будка с металлической дверью, на которой был нарисован череп и две кости крест-накрест, что означало опасность для жизни. Трансформаторы из будки были выброшены, так как лагерь освещался от передвижной электростанции. Пока унтер открывал дверь, полицей пояснил:

– Сидеть в карцере вам 21 сутки. Первый раз получите пищу на третьи сутки, а потом будете получать один раз в двое суток. Никаких прогулок, только что выходить будете за получением пищи. А если понадобится оправляться, то там есть приямок. В общем житуха в карцере скучная – будете в конце похожие на тот знак, что на двери, – это каждого из вас фотография.

Унтер открыл дверь, толкнул каждого в спину рукой, а ботинком по ногам и что-то прорычал по-немецки. Последнего, Кирилла, сильно ударил дверью и закрыл ее на замок.

– Ну, братцы, пропадем здесь, – почти шепотом сказал Олег. – Каюк нам!

– Не хнычь! Не наводи паники, и так тошно, – ответил Олегу Николай.

– За двадцать одни сутки не умрем, раз будем получать пищу. В шахте бывают завалы, и люди живут без пищи по двадцать суток. Правда, они там пьют родниковую воду.

Садиться битым местом на бетонный пол было больно, поэтому каждый лег на правый бок вдоль стенок. В помещении трансформаторной было сыро, холодно и темно. Свет попадал в верхнюю щель двери и через вентиляционную трубу крыши. Запах был тяжелый от приямка, куда оправлялись попадающие в карцер узники. Некоторое время все молчали и только охали от боли.

Первым заговорил Николай:

– Я думаю, что теперь мы можем свободно говорить. Никто здесь нас не подслушивает. Карцер находится отдельно на площади, далеко от казарм. Часовых никаких нет, потому что площадь огорожена и на вышках стоит охрана. Когда нас ввели сюда, я все рассмотрел. На эту площадь, наверное, выгоняют пленных из казарм для проверки, а может быть, и на развод на работу.

– Я заметил, на площади стоят столбики с дощечками, на которых написаны номера. Это, наверное, указаны места для рабочих бригад при построении, – подключился в разговор Кирилл.

– Выйдем с карцера, тогда все узнаем, а сейчас чего гадать, когда не хочется даже разговаривать, – проговорил Олег.

– Нет, Олег! Нам нужно сейчас говорить, и как можно больше, – возразил Николай. – За разговором быстрее время летит и боль меньше чувствуется. Во-вторых, не нужно падать духом, нужно крепиться и эти двадцать одни сутки прожить как можно веселей при нашем положении.

Колесников понимал, что ребят нужно поддерживать морально в этот трудный час... Он продолжал:

– Я думал, что немцы умные, особенно офицеры, а оказывается, есть и бараны. Все, кому мы ввали о нашем побеге, нам поверили. Стало быть, им врать можно. Жестокие только все гады. Надо ж придумать такое тяжелое наказание за побег. Бить резиновой палкой по заду. А что он виноват? Виновата голова и ноги, их и бить надо. А бьют как ловко: ударит, да еще и потянет палку, как смакует удар, а нам аж чешется, на душе становится приятно, что смеяться хочется слезами. Я хотел просить ещё десяточек.

Ребята все засмеялись.

– Наверное, тебя легко били? – после смеха спросил Рауль.

– Конечно, легко! Полицей даже не вспотел. А ты вспотел?

– Я вспотел, даже немного потекло под табуретку.

Ребята еще больше рассмеялись, хотя поняли, что Николай это сказал для смеха, придумал на себя поклеп.

– Изверги! Предатели родины эти полицаи! Легче побои переносить от немцев. Враги, палачи! Чего можно было ожидать от них? Омерзительно чувствуешь себя, когда над тобой издевается, тебя мучает «русский», потерявший человеческий облик, добровольно ставший цепным псом фашистов.

– Тяжело чувствуешь, когда издеваются и немцы. Вот этот вшивый унтеришка. Его можна соплей перебить, а он толкает, бьет ботинком, да еще и дверью. Было б в другом месте, один на один, я бы его, змея, одной рукой задавил бы, – со злостью сплюнул Кирилл.

Много говорили еще каждый о жестокости немцев, о злости к ним советских людей, о расплате за все. В разговоре меньше чувствовались недавние побои, быстро шло время. В карцере стало совсем темно, не видно стало света даже в дверную щель и в трубе.

– Наверно, закончился день, наступила ночь, – заметил Рауль.

– Давайте попробуем уснуть. Может быть, меньше мне будет хотеться жрать или присниться что-то вкусное.

Все согласились с предложением Рауля, кое-кто повернулся на другой бок, и замолчали – то ли спали, то ли каждый о чем-то думал, вспоминал. Невзирая на пережитое за день и неудобство нового жилья.

Николай старался уснуть, ибо только сон мог успокоить организм, сменить адское настроение. Он, закрыв глаза, считал в уме

до двух тысяч, пока уснул. Это был чудесный сон. Чудесен он был тем, что в нем не было никакой выдумки воображения, а с исключительной точностью воспроизводился один случай из недолгой его встречи с Марусей в селе Пустовийты во время отпуска перед войной. И ничего особенного не происходило ни тогда, когда они были вместе, ни сейчас во сне. Была весна – май. Они шли извилистой дорожкой вдвоем на речку в Пустовийтах. Шли в обнимку, как ходят в деревне; он молчал, а Маруся пела песню. Вся прелесть этой прогулки заключалась именно в том, что они шли вдвоем, обнимая друг друга, а вокруг простирался высокий полуденный мир, полный ласкового солнца. Николай увидел во сне все, что видел когда-то наяву: и веселую рябь тронутых ветерком хлебов, и скользящие по ним тени грачей, и яркую ласковую зелень перелесков вдоль речки, и сверкающее небо... И очень хорошо он слышал голос Маруси. Она пела о любви, и песня ее так сливалась со всем миром, сквозь который они шли, что у него стесняло грудь от восторга жизни. Маруся была такой красивой, какой Николай не видел прежде наяву. Ему хотелось ее целовать и целовать без конца – какой-то бес так и толкал его к Марусе, хотя это был сон. И Николаю хотелось, как и тогда наяву, без усталости шагать рядом с Марусей, рядом с ее песней...

Глава 14

Подъем в таллинском лагере каждое утро проходил с шумом и треском. На оба этажа казармы одновременно вбегали немцы с овчарками и резиновыми палками и набрасывались на лежавших на полу сонных пленных. Пленные мгновенно вскакивали, на ходу одевались, хватали котелки или самодельные банки, бежали во двор к кухне. На лестницах и в дверях на выходе из казармы их встречали и провожали немцы ударами палок по чему попало: кому по голове, по спине, по рукам, кто закрывал ими голову, – били почти каждого, пока выбежит на улицу во двор. Слабым и задним доставалось больше бед, так как их били солдаты и кусали собаки. Каждый пленный старался избежать последней участи, в связи этим коридоры лестницы были переполнены под нажимом задних. Были слу-

чай, когда люди падали на ступеньках лестницы и их затаптывали ногами до смерти. От шума пленных, лая собак и солдат проснулись наши узники карцера. Сквозь щель в двери и вытяжную трубу в помещение падал свет, а вместе с ним сквозило холодом. Растирая застывшие от холода ноги и руки, в карцере тоже поднялись.

– Наверно, уже утро, в лагере зашумели люди, – с какой-то неуверенностью промолвил Рауль. – А у нас только первые сутки, впереди еще двадцать мучительных дней и ночей. Скорей бы третьи сутки, хоть что-нибудь дадут поесть. Тяжело достанется нам карцер.

– А после карцера, думаешь, манная каша с неба будет? Немцы преподнесут тебе счастье на блюдечке с золотой каемочкой. Жди от них добра! – с укором ответил Раулю Николай. – Видишь! Ждет он хорошего! Слышишь, какой шум на улице: немцы орут, собаки лают, пленные бегут, матерятся, кто-то плачет, наверно, не от хорошего, и так, очевидно, ежедневно.

Топот ног, стук деревянных колодок, разговоры пленных стали слышны близко подстанции. Очевидно, полицаи кричали номера бригад и приказывали строиться. В карцере молчали, прислушивались, что делается на дворе, каждый хотел услышать знакомый голос. Потом, с уходом бригад на работу, шум постепенно утих на площади и стало слышно крики полицаев, их команды оставшимся в лагере строиться на поверку. Так ежедневно все двадцать одни сутки пришлось узникам карцера слышать, но не видеть, что происходило каждое утро на площади таллинского лагеря.

Наконец дождались третьего утра. После обычного шума, а потом затишья на площади послышался разговор у дверей карцера. Сравнительно долго открывали замок дверей и медленно в дверях появился уже знакомый унтер-офицер и два незнакомых полицаи. Унтер показал рукой и сказал по-немецки узникам, чтобы они быстро выходили. Его команду повторил полицай. Все четверо медленно стали на ноги и, придерживаясь друг за друга, вышли из подстанции. Болели ноги, кружилась голова, от яркого дневного света глаза наполнялись слезами. Полицай вручил каждому банку из черной жести для получения пищи и велел следовать за ним к пищеблоку как можно быстрее, пока унтер не приказал бить палкой. Повара были все пленные, нельзя сказать наглые, но и не доброжелательные. Зная, что привели получать баланду голодных из карцера,

не соизволили налить в банку побольше или погуще. Когда Рауль попросил налить полную банку, повар зашипел:

– Давай проваливай, а то добавлю черпаком по калчану.

Баланду пили через край из банок, а черствый хлеб пополам с опилками все спрятали в карман шинели. Когда съели баланду, им налили в невымытые котелки кипяток и увели в карцер. Такой завтрак повторялся девять раз за двадцать одни сутки карцера. Голод, холод, темнота и тоска вымотали ребят до крайности. Каждый сильно похудел, ослаб, кружилась голова, болели руки и ноги. Еле дождались конца срока карцера... В середине декабря последний раз их вывели из карцера. На улице кругом было бело – снегом покрыло крыши домов, улицы, площадь и двор лагеря.

По указанию унтера полицай отвел всех четверых в казарму на второй этаж и указал им место рядом с больными и слабыми людьми, которые были освобождены от работы в городе, – их использовали полицайи внутри лагеря на уборке территории, помещенный казарм, подсобных работ в пищеблоке и других работах, придуманных полицаями...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Казармы построены добротно: толстые стены из красного кирпича, высокие потолки с архитектурной отделкой из мозаики и лепки, широкие простенки с высокими двойными окнами. Полы на обоих этажах деревянные, когда-то были хорошо покрашены, а стенки оштукатуренные и побеленные. В настоящее время полы и стены были грязные, поцарапанные. Воздух стоял тяжелый и вонючий, так как окна не открывались. Большинство больных и слабых пленных лежали на полу на своей собственной ветхой и грязной одежде, некоторые бродили по участку казарм, где было их место. Большая часть казармы была свободна.

На полу лежали остатки одежды, банки и котелки для пищи – все это было уложено рядами в каждой бригаде их дневальными, которые охраняли бригадные вещи и участки от больных.

Расположившись на указанном полицаем месте, наши четверо знакомых подошли к сидевшим на полу троим военнопленным.

– Где, ребята, взяты в плен? – спросил Николай, осматривая всех троих.

– А вы что, новенькие? Разве не знаете, что в этом лагере все пленные с островов? – нехотя ответил самый молодой.

– Да мы, можно сказать, первый день в этой казарме, не считая 21 суток карцера, – с какой-то гордостью ответил Олег. – Сегодня нас выпустили из карцера, и вот здесь мы расположились, – Олег указал рукой на место, где лежали их шинели. – Мы даже не знаем пока лагерного начальства, полицаев, а также порядков.

– Скоро узнаете всех сволочей, а лагерную жизнь освоите постепенно, – пояснил очень худой и обросший седыми волосами. По его лицу и движениям тела можно было определить его слабость. Давно немытые руки и шея у него были грязные. Это заметил Николай,

когда тот полез левой рукой чесать затылок и вытащил в пальцах несколько вшей.

– Среди вас нет с острова Эзель, с 37 инженерного батальона? – спросил Николай, горя желанием встретить хоть одного знакомого.

– Мы все с Эзеля, но другой части. С инженерных батальонов здесь в лагере много. Есть и с 37 батальона, но все они на работе. Может быть, там среди больных кто есть, но вы туда не ходите, там есть тифозные. Вот скоро придут бригады с работы, тогда встретите. Можешь пойти ближе к воротам, где заходят бригады с работы и там скорее всех увидишь, – посоветовал Николаю старик.

После разговора с больными все четверо вышли из казармы во двор для знакомства с обстановкой. Недалеко от выхода стояли длинные умывальники, сделанные из труб.

– Пошли помоемся, – предложил Кирилл. – Надо же приводить себя в мало-мальский вид.

– Не мешало б побриться, – сказал Николай, но тут же подумал, где в лагере возьмешь бритву. – Ладно, на первый раз помыться нужно, и то бодрей себя почувствуешь.

В умывальнике воды не оказалось, наверное, отключили, чтобы не замерзла. Пришлось ребятам мыться снегом. Это заметил полицейай и быстро подошел к ним. Он осмотрел их и спросил:

– Вы из карцера, кролики?

– Да! – грубо ответил Рауль.

– Пошли со мной на кухню. Там наберем теплой и зальем в умывальник. Сами помоемся и скоро бригады пойдут с работы, тоже будут мыться.

– Нас сегодня еще не кормили, а уже заставляешь работать, – глядя в упор на полицейая, сказал Николай. – Там на кухне есть что-нибудь поесть?

– Есть! Уже сварили ужин. Вперед будут получать пищу рабочие бригады, а потом все неработающие. Я вам обещаю двойную порцию супа, если натаскаете воду в умывальник.

– Это приятный разговор, – согласился Рауль. – Пошли, ребята! Сами помоемся теплой водой и заработаем суп дополнительно.

Воду носили ведрами с котла кухни и заливали в бак умывальника, пока он стал полный.

– Теперь можете помыться и приходите с котелками на кухню, я сегодня там дежурный.

Свое обещание полицаи выполнил. Ребята получили и съели по две порции горячего брюквенного супа, заправленного шпинатом.

Заканчивая есть суп, Николай просил Кирилла:

– Ты, пожалуйста, захвати мой котелок-банку в казарму, а я пойду к воротам встречать рабочие бригады, может быть, встречу друзей, так как хочется повидаться со своими батальонами.

Когда Колесников подходил к воротам, там уже стояли немцы и готовились к шмону подхитившей по ту сторону ворот бригады. Пропуская по четыре пленных в воротах, немцы тщательно обыскивали, снимали головные уборы, осматривали деревянные колодки на ногах, шмонали по карманам, щупали за спину и рукава. Пока немцы обыскивали, Колесников мог достаточно осмотреть каждого обыскиваемого. Хотя и трудно было опознать бывшего знакомого, так как все сильно похудели, обросли и пооборвались, но Колесников надеялся близких знакомых узнать, или, может быть, его кто опознает, хотя он тоже был трудноузнаваем: за время карцера сильно похудел, оброс черной бородой, а одежда на нем рваная и тоже грязная. Тесные колодки на ногах больно жали, и он, переступая с ноги на ногу, внимательно смотрел на проходивших в лагерь. Те также смотрели на него, понимая, что он ищет кого-то. Около часа пришлось ему стоять в сторонке и пропускать на своих глазах несколько бригад. Вдруг в переднем ряду подошедшей к воротам бригады он заметил парня, который держался рукой за бороду.

– Неужели Костя? – он прошептал. – Это его привычка держаться за бороду, – вспоминал Колесников старшину. Сердце забилося, и его чувство не подвело. Когда четверых после обыска пропустили в лагерь, Николай подошел им навстречу и по медленной широкой походке, по сутулой фигуре, по голубым глазам, когда тот взглянул на него, он узнал.

– Мазурец! Костя! – он радостно позвал. Тот сначала остановился, посмотрел еще раз в глаза, и оба одновременно бросились в объятия.

– Колесников! Николай! Родной мой дружище! – шепотом произнес Костя, а сам прижимался на всю силу.

Отойдя подальше от ворот, они не выпускали друг у друга руки, глядели в глаза, и оба заплакали. Они плакали так, как плачут бессиленные мужчины – тихо, не двигаясь с места и не двигая ни одним

мускулом лица; слеза за слезой медленно катились из обоих глаз у каждого. Костя еще раз обнял Николая, заплакал, как может плакать потрясенный дорогой встречей мужчина: горло его судорожно сжималось от подступивших слез, а плечи ходили ходуном от рыданий. Николай, чувствуя своим телом рыдания Кости, стал сквозь слезы просить его успокоиться и предложил пойти в казарму.

– До казармы еще далеко, давай рассказывай сейчас, на пути к казарме, – отпуская Николая из объятий, просил Костя. – Как и когда ты оказался здесь?

– Это правда или сон, что мы вместе? – вытирая обе слезы и уже улыбаясь сквозь слезы, спрашивали они друг друга.

– Я в этом лагере уже 21 сутки просидел в карцере. Сегодня вышел. Нас сидело четверо за побег, – начал рассказывать Николай.

– Вас четыре матроса? – переспросил Костя.

– Да! Нас поймали и привели в лагерь матросами.

– О вас знает весь лагерь, в том числе и я. Много ходит разговор о вас, когда узнали от полицейав, – опережая Николая, сообщил Костя. – Ты, наверно, очень голоден? – и Костя пощупал живот друга. – Зайдем вперед на кухню, я получу ужин и дневной паек хлеба, поедем, а тогда будем долго говорить. Я тебя теперь никуда не отпущу от себя. У нас много есть о чем говорить. Ведь я считал тебя погибшим. Как хорошо, что ты живой и что мы уже вместе.

– Ладно, Костя! Иди, получай ужин, я здесь тебя обожду.

Костя чуть успел последним получить вместе с бригадой ужин. С пайкой хлеба и супом Костя подошел к Николаю, и пошли вместе в казарму на второй этаж, где располагалась бригада.

– Нас тоже поместили в этом зале, – Николай показал Косте свое место.

– У тебя есть ложка? Давай хлебать суп, – предложил Костя, а сам разломил пайку хлеба весом 250 граммов на две части и подал Николаю.

– Чем богат, тем и рад!

– Спасибо, Костя! Кушай ужин один. Мы у полицейя уже успели заработать двойную порцию супа, и я поел перед твоим приходом с работы. Так что я сыт... Кушай один.

После ужина два самых близких друга вышли из казармы на улицу, уединились и до самого отбоя в лагере говорили откровенно, чистосердечно, с взаимным доверием всех секретов. Николай

рассказал Косте, как оказался в плену, как оказался среди моряков, как бежал из Валгинского лагеря и как поймали.

– Я очень боялся попасть обратно в Валгино, там наверняка нас бы казнили. Там жуткий лагерь: голод, разгул полицаев, ужасная смертность. Придет зима – там все замерзнут на улице. А как у вас здесь?

– Тоже нечем похвалиться, – ответил Костя, подымая воротник шинели, поскольку к вечеру значительно на улице похолодало. В начале организации лагеря смертность была массовая. Мертвецы лежали в казармах на полу – не успевали вывозить и закапывать. Сейчас тоже умирают, но их выносят на улицу, вон там лежат под снегом. Хотя в казармах нет от мертвецов вони, а то был невыносимый смрад... Бригада хоздвора возит целыми днями трупы в братскую яму. Сами похоронники шатаются, если берут, но тянут страшную поклажу. Похоронная бригада получает дополнительную порцию баланды утром.

– А как живые существуют? – спросил Николай, которому быстро надоело слушать о мертвецах.

– Живые существуют, пока живые. Кто может – работают под автоматами на разных работах. Кто не может – стараются не умереть – прячутся от немцев на чердаке, в коридорах, под лестницами, в казармах в куче тряпок. После развода на работу немцы раскидывают спрятавшихся, избивают, выгоняют на площадку и занимаются с ними физзарядкой, комиссуют...

– Что значить комиссуют? – поинтересовался Николай.

– Это процедура, которой занимается немец в черной форме «СС».

Он отбирает из строя самых слабых пленных и заставляет каждого бежать по кругу площади. Кто не пробегает одного круга, того помещают на первый этаж первой казармы – там вроде лазарет слабых, – и они там умирают. Каждый боится этой комиссовки и лазарета, бежит сверх своих сил, падает, ползет на четвереньках до конца круга. Немцы смеются, им развлечение, а нам горькие слезы – смерть или жизнь... Кормят в основном один раз, вечером, когда приходим с работы, дают баланду и эрзац-хлеб пополам с опилками. Утром дают чай-кипяток, закрашен разной травой без сахара. Некоторые не ходят за ним, лучше попасть на работу, там иногда можно кое-что достать или украсть из еды, если попадешь

на пристань на разгрузочно-погрузочные работы. Едим вечером все, а то ночью украдут.

За едой говорят про всякую всячину. Про бога, и если он есть, его должно судить за то, что он допустил на земле такое бедствие. Кто вспоминает родителей – говорят про будущую встречу с ними. Кто про колхозы рассуждает, что немец распустит и будут опять появляться кулаки и бедняки... Один у нас в бригаде, высокий парень, декламирует стихи. Я даже от него запомнил вот такой:

– Однажды в логово врага ворвутся

Живые наши с мертвыми в одном строю,

От ненависти стены взорвутся,

И лишь тогда все мертвые поселятся в раю!

– Он что, сам пишет или декламирует чужие? – поинтересовался Николай. – Ты меня познакомь с этим парнем.

– Хорошо! Я тебя с ним познакомлю завтра.

– Как хорошо, что мы с тобой, Костя, вновь вместе. Ты мне расскажи, как ты попал в плен, кто еще из батальона есть в лагере, как они ведут себя и кому можно доверяться? Я имею в виду, что меня могут продать немцам как коммуниста и политработника. Кого мне остерегаться?

– На твои вопросы буду отвечать последовательно, – улыбаясь и хлопая по плечу Николая, ответил Костя. – Отбой ко сну в лагере в десять вечера, так что времени хватит. Буду говорить по порядку вопросов... После нашего последнего свидания с тобой в госпитале я находился в своей родной шестой роте. Рота занимала оборону на правом фланге линии обороны батальона, куда немец бросил силы, чтобы прорвать оборонительную линию и выйти в тыл батальона. Израсходовав все патроны и гранаты, мы дрались с фашистами врукопашную. Капитана Калужского убило снарядом, а командира роты Сальникову оторвало руку. Васю Литвиненко прошил немец из автомата. Мне с небольшой группой красноармейцев удалось пробиться через набежавших немцев и уйти в кустарник в тыл немцев. Там нам попала землянка, и мы в ней скрылись от немцев. Думали в ней переждать до ночи, потом по тылам немцев выйти к пристани и на чем-нибудь переплыть на Большую землю. Землянка оказалась на опушке леса, плохо замаскированной, в которой недолго, но упорно, как говорится, насмерть, держались красноармейцы. Вокруг нее были выбоины от снарядов, воронки

от бомб, избитые, израненные, обезглавленные или вывернутые взрывами деревья. На опушке перед землянкой, у брустверов неглубоких окопчиков, лежали вперемешку трупы красноармейцев и немецких солдат. Было их так много, что громоздились они один на другой. Они лежали в тех же позах, в каких застигала людей в бою смерть. Все говорило об упорстве и ярости бушевавшего на опушке леса боя, о том, что товарищи дрались, позабыв обо всем, кроме того, что нужно остановить, не пропустить врага. Недалеко у опушки, возле обезглавленной снарядом толстой сосны, валялись немцы с размозженными черепами, с разбитыми лицами. В центре поперек одного из врагов лежало тело огромного нашего парня, без шинели, в одной гимнастерке без пояса, с разорванным воротом, и рядом винтовка со сломанным штыком и окровавленным избитым прикладом. Герой дрался до последнего дыхания... В землянке, кроме соломы, ничего не было, мы в ней залегли. Через некоторое время пришли немцы на опушку убирать свои трупы. Трое из них направились к землянке, придерживая на взводе автоматы. Увидев нас в землянке, один из них выхватил гранату и хотел ее бросить в нас. Нам пришлось выйти и сдаться. Сопrotивляться было нечем. Оказались в позорном плену. Вместе со мной попали сержанты Алеша и Саша, красноармейцы Федя Сергеев и Иван Будник.

– Они здесь, в лагере? – с нетерпением перебил Николай.

– Да. Ты их можешь встретить даже сегодня. Кроме них, в лагере находится Саша Нечаев, командир отделения четвертой роты, и еще несколько человек из нашего батальона. Все дружат со мной, ты можешь их не бояться – все надежные ребята, не подведут. Много из нашего батальона попали во второй лагерь – на аэродром. Туда угнали раненых командиров – майора Сараева и комиссара Ковригина. Я встречался с бригадой пленных на работе в порту, и они рассказывали, что майор и комиссар отказывались выходить на работу и их немцы расстреляли. Вообще, в том лагере большинство – комсостава, и немцы заморили их голодом, издевательствами. Из нашего лагеря часто провожают туда на аэродром бригады работать. Ты старайся не попадать туда. Вот после карцера ты можешь попасть в штрафную бригаду, а ее гоняют на аэродром или переносить эстонских мертвецов на кладбище. Очень страшно.

Тебе нужно первые дни прятаться на чердаке или под лестницей, как другие пленные, и не выходить на развод, пока немного

окрепнешь после карцера, а я переговорю с бригадиром, чтобы тебя взял в нашу бригаду. Мы ходим на более подходящую работу, и конвой у нас посмирнее.

– Работать на немцев, мало того – непосредственно на военные нужды фашистов? Этому не бывать! Я решил бежать, во что бы то ни стало, бежать из лагеря даже при самых малых шансах на успех, – резко ответил Николай на предложение Кости.

– Бежать с этого лагеря еще никому не удавалось, а вот с работы и я собираюсь. Так что ты не ерпенься, а выходи на работу, и вместе будем соображать. Конечно, теперь из Эстонии бежать трудно. Беглецу не приходится рассчитывать на добрых людей...

– Все равно нужно бежать, – убежденно ответил Николай.

– Я согласен бежать с тобой вместе, только нужно поговорить с нашими ребятами, может, они тоже согласны. Больше людей – лучше. Человека четыре-пять. Большой группой сложно уйти от конвоя, а пробираться по тылам немцев еще трудней. Я буду подбирать надежных.

– Подберем вместе, – ответил Костя.

Глава 2

В казарме уже горел электросвет, когда друзья вошли в нее. Костя пожелал Николаю спокойной ночи и пошел в бригаду, а Николай – на свое место, где сидели его друзья по побегу и карцеру.

– Кажись, нашел Николай друзей по батальону, – заметил Кирилл, увидев веселое, улыбающееся лицо Николая.

– Да, нашел самого близкого и верного. В лагере еще есть наши батальонцы, но я их пока не встретил.

– А мы своих, наверное, не встретим – говорят всех матросов угнали в Валгино, в Таллине не принимали.

– Ты как, собираешься завтра идти на работу? – поинтересовался Рауль у Николая, когда тот ложился уже на отдых.

– Нет! Я работать на фашистов не собираюсь, буду симулировать, прятаться от развода. А вы как решили?

– Мы тут поспрашивали, поговорили с некоторыми пленными и подумали втроем – лучше ходить на работу. Говорят, что на работе

спокойнее, чем тут терпеть полный день всякие гонения от полицейев и немцев.

– Решайте, как вам лучше, а я пока воздержусь от работы, покантуюсь.

Друзья Николая долго не могли уснуть, говорили о работе, как попасть в одну бригаду, в конце обсудили решение Николая и сожалели, что он не согласился с ними пойти работать в бригаду.

Проснулся Николай до подъема. В казарме свет еще не зажегали, но движение отдельных пленных уже началось. Двое прошли в проходе и один из них зацепился за вытянутые ноги Николая.

– Черт! Вытянул ноги, как дома в кровати! – выругался последний.

– Ладно, не шуми! – успокоил второй. – На чердак нужно пробраться тихо, до подъема и незаметно.

Николай понял прошедших, поторопился пойти за ними, так как он сам не знал ходов. Он быстро сложил свои вещички, поднялся и последовал в темноте за ними. На лестнице, которая вела на чердак, было темно, а на чердаке еще темнее. Только изредка в отверстия, где была худая крыша, падал не то утренний свет неба, не то освещение двора. На чердаке было холодно, и Николай пожалел, что не захватил с собой шинель.

Незнакомцы ушли в одну сторону чердака, а он в другую, подалее от входа, в конец крыши. Там залез в самый угол и сел на шлак, насыпанный на потолок казармы для утепления. Одному было боязно первый раз на чердаке, но скоро он услышал, как еще несколько человек прошли по потолку и тоже где-то притаились. Скоро после них во дворе лагеря слышались возгласы немцев, лай собак. Потом слышно было, как в казарме шумели, кричали пленные, бежали вниз по лестницам, на них орал немцы и лаяли овчарки. Потом доносились звуки команды с площади построения и наконец обратно – шум пленных на лестницах и в казарме, что означало возвращение неушедших на работу. Сидевшие на чердаке около двух часов начали спускаться в казарму.

Николай последовал их примеру. Он дошел в казарме на свое место и увидел, что его друзей нет. Не было ни шинелей, ни банок. «Стало быть, ушли на работу», – подумал он. Наконец забрал свою банку и пошел вместе с другими за чаем, так как чай неработающим давался после развода на работы. После «чаепития» было

построение, считали, отбирали на лагерные работы, больных смотрели пленные врачи и докладывали немецкому врачу.

Для Николая этот день прошел благополучно. Он вместе с неработающими после поверки зашел в казарму и провалялся до вечера без знакомых. Лежа на спине, на заломленных за голову руках, думал обо всем, – о прошлом и будущем, о погибших и живых товарищах, о знакомых и любимых девушках, а чаще всего много раз повторялась мысль, как вернуться на любимую родину и помочь в этот трудный для нее год.

Мыслить он любил и умел, он в этом получал глубокое удовольствие, забывался, не ощущал даже голода, от которого все время сосало во рту, горле и желудке, когда мысль напоминала о еде. К вечеру от мыслей заболела голова, и он уснул. Когда после короткого сна открыл глаза, серые сумерки уже сгущались в казарме. Возвращались с работы рабочие бригады, в казарме становилось все шумнее и многолюднее.

Тут он вспомнил о Косте, которого так хотелось ему повстречать и ещё раз посоветоваться, как выбраться из этого проклятого плена, и как можно быстрее до наступления холодов. Ведь зимой бежать еще трудней... Костя тоже много раз на работе за день вспоминал друга, даже говорил с бригадиром, чтобы забрать в бригаду. Бригадир дал согласие, и теперь Костя думал, как уговорить друга ходить на работу. Заботясь о Николае, Костя за день на работе добыл от немецких солдат несколько окурков сигарет и два кусочка натурального хлеба. Это ему удалось сегодня, поскольку бригада занималась погрузкой автомашин на платформы поезда, следовавшего на восток. Немецкие солдаты, уезжая с машинами на фронт, относились к пленным значительно мягче, чем конвойные, на просьбу пленных давали докурить сигарету или отдавали кусочки хлеба, оставшиеся от обеда. Некоторые умышленно поручали пленным помыть водой котелок, в которых оставляли немного супа для русского. Косте даже повезло помыть сегодня два котелка и съесть почти порцию супа. Поэтому он решил кусочки хлеба и свою порцию баланды вечером отдать Николаю, а окурки сменять в лагере на что-нибудь съедобное у курящих пленных.

Пройдя проходную и получив вечерний паек, он поторопился в казарму к Николаю. В казарме в это время включили освещение, и Костя быстро увидел друга. Он сидел, охватив голову обеими

руками и сжав ее так, точно хотел раздавить меж ладонями. Лица его не было видно, но во всей этой позе было такое тяжелое отчаяние, что жалость к этому сильному, упрямому человеку теплой волной подкатывалась к горлу Кости. Он тихо подошел к нему, обнял большую его голову и стал гладить, пропуская меж пальцев жестковатые от недавней стрижки волосы. Николай поймал руку Кости, узнал друга, не глядя в лицо, быстро поднялся, весело улыбаясь.

– Как я рад, что ты рядом. Несколько раз за день я вспоминал тебя, ожидал твоего прихода.

– Я тоже думал о тебе, и кое-что приберег для угощения. Давай садись и покушай настоящего хлеба и мою порцию баланды, – подавая кусочки хлеба и свой котелок, сказал, улыбаясь, Костя.

– А ты что ел?

– Я сыт вот так, – и Костя повел рукой по горлу для убеждения друга. – Ешь все это один.

Николай жадно нюхал и кусал настоящий хлеб и через край котелка пил баланду, часто посматривая на друга. Костя радовался, что его забота о друге с благодарностью принималась другом, что видно было по его глазам и теплой улыбке.

– Спасибо, Костя! Я почти наелся. Хлеб очень вкусный, ржаной. Правда, русский ржаной хлеб вкуснее, ароматнее, особенно деревенский из русской печи. Хотя б одну булочку на двоих, да натереть луком с солью и прихлебывать горячими щами.

– Ты, я вижу, не забыл еще вкус, – шутил Костя. – Котелок мыть не надо, получишь свою баланду и перед сном еще поешь. У меня есть несколько чинариков – окурков, я напросил у солдат, пойдем на лагерный базарчик и у курцов сменяем на хлебной паек. Они за хороший окурочек отдают половину порции хлеба или всю баланду.

– Меняют, потом попадают в лазарет и кончают голодной смертью – называется, докурились, – осуждал таких вслух Николай.

– Да, так бывает у многих, – подтвердил Костя.

Они вместе пошли получили Николая вечерний паёк и порешили оставить ему на завтра. По пути Костя рассказал Николаю все события на работе, а тот ему о своем прошедшем дне. По возвращении зашли на первый этаж казармы, где в полный разгар шумел базарчик, сменяли окурки на две порции хлеба и пять штук вареных в мундире картошек. Николай интересовался торговлей базарчика, так как он это видел впервые. На базарчике ходили советские

деньги, которых некоторые имели много и не очень их ценили. За порцию хлеба платили 25-30 рублей, за баланду – 10 рублей.

Продавалась и покупалась на базарчике одежда, портсигары, ремни, обувь. Портные скупали рваные шинели, гимнастерки, перешивали на куртки, жилеты, а гимнастерки – на майки и трусы и тоже торговали на базаре. В общем, все мастеровые проявляли свои таланты и боролись за жизнь.

– Откуда в лагере столько советских денег? – спросил он у Кости.

– Также попали в лагерь вместе с пленными. Немцы деньги не брали при шмонах... Часы, кожаную обувь, другие хорошие вещи немцы отбирали, а деньги оставляли пленным. Вот их и скопилось в лагере для внутреннего рынка. На деньги играют в карты, и хорошие игроки уже накопили порядочные суммы. За счет денег живут в лагере эти картежники. Правда, таких немного, но есть, – осведомил Костя Николая.

– Ты, Костя, своим рассказом подал мне хорошую мысль. Я умею отлично играть в карты. Эти знания у меня нажиты во время беспризорничества. Стоит только сыграть в карты, вспомнить махинации, потренироваться малость, и я буду выигрывать деньги. А, Костя? Идея! Мы сможем покупать на базарчике еду, подправить свое здоровье и прибарахлиться, – шутил Николай, толкая друга в бок. – За деньги можно готовить побег.

– Это надо еще выиграть. Здесь знаешь, какие асы-картежники? Скорей проиграешь, чем у них взять банк. Все бывшие воры, заключенные, всю жизнь играют, так что смотри. Я не советую тебе заниматься игрой, лучше ходи на работу. Я уже договорился с бригадиром взять тебя в нашу бригаду.

– Нет, Костя! Работать на немцев я не буду. Я способен только мстить им – убивать гадов или еще что-то подобное.

– А как же ты думаешь делать побег? Это можно совершить только с работы. Из лагеря ещё здесь никто не убежал. Все равно тебе нужно выходить в состав бригады, которую выводят на работу. Поскольку я собираюсь бежать с тобой вместе, нам нужно быть в одной бригаде, вместе готовиться, подбирать удачное место и использовать подходящий случай для побега.

– Может, ты, Костя, правильно говоришь и я послушаюсь тебя, но пока я должен изучить жизнь лагеря, его охрану, подобрать

надежных людей, обдумать все тонкости. Для побега нужна одежда, обувь, питание на первые дни. Это можно приобрести в лагере на базарчике за деньги. Для этого я попробую поиграть в карты с хваленными. Они где собирают шалман?

– На втором этаже в нашей казарме, – неохотно ответил Костя. – Пойдем, я тебе покажу, они наверняка играют.

В конце правого крыла шла азартная игра. Друзья подошли близко...

– Вот они, любители карт, – взмахом головы показал Костя. – Ты интересуешься игрой, то оставайся, а я пойду отдыхать. Мне ещё нужно зачинить рукавицы.

– До завтра! – ответил Николай. Окинув глазом игроков и посмотрев на небольшую сумму денег в банке, Николай определил, что он вполне может с такими играть. Нужны для начала деньги. Украдкой от Кости он спустился вниз на базарчик, продал свой вечерний паек – баланду и хлеб – за 35 рублей. Чтобы не узнал об этом Костя, он быстро вернулся в свое логово, постелил шинель и лег на спину, заложив руки за голову.

Теперь он думал о завтрашней игре и сон не шел ему в голову. Он припоминал, как играл десять лет тому назад в обществе беспризорников со слабыми и сильными игроками, какие были удачи и огорчения, что только спокойствие и хорошее запоминание карт приводит к успеху. Кроме этого, нужно знать игроков, их реакцию при удачной карте, нужно занять напарников при игре для махинаций. С этой мечтой он уснул.

Глава 3

Как и прежде, Колесников повторил утро следующего дня.

Только сегодня он чувствовал себя значительно спокойнее на чердаке, как бывает, когда идешь уже по проторенной дорожке. Вернувшись в казарму после «чаепития», он направился в правый угол казармы. Там уже собирались игроки, но игру не начинали, поскольку должны зайти полицаи в казарму за рабочими на кухню и за похоронной бригадой для вывозки мертвецов из лазарета. Большинство играющих были в контакте с полицаиами, и, несмо-

тря на то, что они физически были здоровее других пленных, их полицаи не вовлекали во внутрилагерные работы. Как полицаи, так и картежники были выходцами из преступного мира. Бывшие воры, убийцы, грабители, сынки раскулаченных и прочие негодные элементы до войны были в заключении, а в войну сдались в плен. В лагерях эти элементы дружили между собой, взаимно помогали и жили за счет честного люда. Если под контролем немцев привлекались они к работе, то полицаи их устраивали поварами, кладовщиками, в сапожных и портных мастерских, в хлеборезках, в лазаретах и в казармах дневальными – на блатных работах в лагерях. Собиравшиеся игроки большинство, а может быть и все, знали друг друга, угощали закурить, причем целыми сигаретами или полной закруткой табака, что считалось роскошью в лагере.

Николай никого пока не знал, и с ним никто не якшался. Он стоял в одиночестве и изучал присутствующих. К компании подошел высокий, белобрысый, со шрамом на щеке, уже в годах мужчина и стал здороваться со всеми за руку. Вся компания сразу переменялась, затихла. Только незнакомые продолжали шумно беседовать. Пришелец со всеми познакомился, назвал свое имя при пожатии руки. Здороваясь с Николаем, он почему-то задержал его руку, посмотрел в глаза и спросил:

– Новенький? Захотел поиграть? Давай, мы люди не гордые. Всех с деньгами принимаем к своему шалашу.

Скромно улыбаясь, Колесников ответил:

– Хочу попытать счастье.

Иван Семенович, так звался пришелец, сразу умел в разговоре подбирать свой особый ключик. Он хорошо уже знал, с кем о чем потолковать. «Видать, бывалый проходимец», – подумал про себя Николай. С первым он заговорил о конях и об охоте, которую они оба, видно, очень любили и были большими знатоками. С молодым рыжим и высоким парнем, любившим вникать в суть войны, задорно поспорил о современных способах применения кавалерии, причем не без страсти доказывал, что авиация и танки – это, конечно, славная штука, но что конь себя не изжил и еще покажет, и если сейчас хорошо подремонтировать кавалерийские части, да подкрепить их техникой, да в помощь старым командирам вырастить широко и смело мыслящую молодежь – наша конница еще удивит мир. Он поднял палец кверху и повторил: «Да, удивить весь мир! Посмотришь!»

Николай провел глазами с ног до головы Ивана Семеновича и подумал: «Наверно, кавалерист, раз так спорит и одобряет конницу». По телосложению он подходил на конника. Как после выяснилось в более близком знакомстве Николая с ним, он действительно служил в кавалерии и был пленен на острове Эзеле.

После ухода полицаев, похоронной бригады из казармы Иван Семенович обратился к компании:

– Пора, братцы-кролики, и нам братья за дело. Видите, полицаи нас даже не беспокоят, прошли мимо – создают условия. Это моя работа. Кто смелый? Прошу садиться в круг! Нужно кому-то стоять на атаке на случай появления немцев в казарме. Кто из новеньких пойдет? Через час заменим.

– Я пойду, – отозвался Николай, одновременно подумал, что он этим самым обратит внимание всей компании на себя и заслужит доверие.

– Отлично! Иди! Я потом подошлю смену, и ты сможешь сесть в круг, – пояснил Иван Семенович. Часа полтора пришлось Колесникову караулить у двери казармы, но немцы так и не появились. Пришел сменщик.

– Иди играть! Да смотри в оба. Не садись, пока играет Иван Семенович. Он всем не дает выиграть. С ним играют только сильные или вошедшие в азарт игры. Таких он любит чистить.

– Я тебя понял! Спасибо за информацию. Пойду, посмотрю. Интересно.

Николаю хотелось изучить игроков. По приходу к месту игры он остановился возле Ивана Семеновича, который в это время держал банк. Всем шести играющим он раздал по одной карте, и игра пошла в последний круг. У четверых был перебор, и они пополнили банк. В кругу лежали советские деньги в сумме пятьсот рублей. Последний игрок был крепкого телосложения, со смуглым лицом кавказского происхождения, говорил с грузинским акцентом:

– Иду на все гроши! Давай две карты!

– Нет, не дам! Покажи свою сумму. Если погашаешь, разрешу, – заявил Иван Семенович.

Грузин вытащил из карманов пачки денег, положил рядом с банком, со злостью проговорил:

– Не веришь на честную игру? Считай!

– А ты не злись и не смотри на меня орлиными глазами! Я не боюсь! Видал похлеще! – ответил Иван Семенович грозному грузину. – Две карты просишь? Получай, пожалуйста!

Он так спокойно и уверенно подал две карты, как будто их видел заранее. Все играющие и вокруг сидящие и стоящие болельщики притихли и следили за грузином. Тот дрожащими руками приподнимал все три карты к глазам и медленно выдвигал углы карт. Потом зло глянул на банковщика, сказал:

– Бери себе!

– Себе не вам – банк не дам! – Резко открыл две карты и объявил: – Очко! У тебя перебор! По глазам вижу.

Грузин бросил карты и вскочил с места. Казалось, он набросится на банкира и зубами вцепится ему в горло. Но тот спокойно сидел и складывал аккуратно в пачку деньги, не считая. Потом поднялся и сказал рядом стоящему Николаю:

– Садись на мое место, оно счастливое! Я пойду во двор прогуляюсь, – улыбнулся игрокам и ушел. Правда, никто ему взаимно не улыбался, но многие завидовали. Еще двое поднялись, и на их место сели новые с деньгами. Таким образом, получился новый круг. Николай располагал суммой 35 рублей, не рисковал заявлять больше десяти рублей и все время старался запоминать колоду карт. За несколько кругов игры он почти запомнил всю колоду и уже наперед угадывал, какая идет следующая карта. Пришла его очередь банковать. Он почти не тасовал колоду, раздал карты играющим. Свою положил под низ колоды. Двоим дал выиграть по десятке, двое проиграли по три червонца, а последний положил в банк пятьдесят целковых. Николай снял банк в сумме пятнадцать червонцев. На этом закончилась игра, поскольку от дверей послышался сигнал «Атас!». Через две-три минуты зашел фельдфебель и два полица, велели всем выйти на площадь для построения.

Глава 4

Вечером, не дожидаясь Кости, Николай ушел в лагерный базарчик. С выигрыша купил картошки, соленой рыбы и ушел на мусорную свалку, где разрешалось пленным разводить огонь и варить пищу. Он пристроился к уже действующему костру, поставил

на огонь свой котелок и рад был, что угостит сегодня Костю ухой. Костя, придя с работы, пошел искать друга в казарму, но его там не оказалось, и он решил уйти за ужином. На обратном пути в казарму он встретился с Николаем, который шел уже с готовой ухой. Друзья ушли в казарму кушать. Свои порции баланды оставили на поздний ужин. За ухой друзья рассказали, как у кого прошел день.

В Костиной бригаде конвоиры сильно избили пленного, и его с работы принесли на руках в лазарет. Там среди больных он видел сержанта Алексея.

– Очень худой Алеша. Я его не узнал, так плохо он выглядит. Если бы он меня не позвал, я мог пройти мимо. Я ему сказал о тебе, и он просил повидаться. Без тебя я ничего ему не пообещал...

– Пойдем сегодня же, сейчас, – предложил Николай.

– Я отдам ему сегодня свой паек и каждый раз с выигрыша буду ему помогать. Нужно поднять парня на ноги. Согласен? Тогда пошли в лазарет, пока там разрешают больным выходить на улицу. У них на час раньше отбой, чем общий лагерный, – сказал Костя. – Оставим ему немного ухи – баланду не дают.

Среди чуть сверкающих белизной стен отовсюду слышались протяжные стоны, оханье, храп спящих, бред тяжелобольных. Прочно в лазарете воцарился тяжелый, душный запах окровавленных бинтов, тряпок, воспаленных ран, заживо гниющего человеческого мяса, который не в силах было истребить никакое проветривание. Вместо кроватей в лазарете были сплошные досчатые нары, а вместо матрасов – солома. Не хватало посуды. В ходу были мятые алюминиевые миски и котелки. Больше половины окон были забиты фанерой. Сырость и холод помогали быстрее умирать людям и размножаться вшам.

Костя и Николай подошли, где лежал Алеша. Стояли молча. Николай с недоумением оглядывался, должно быть, ослепленный темнотой. Раз-два взглянул он на лицо Алексея, который то открывал, то закрывал глаза, никак не верил в неожиданное появление друзей и все боялся, не окажется ли все это бредовым видением.

– Колесников! – сказал Алеша, силясь подняться на руках.

Николай с плохо скрытым испугом смотрел на него.

– Колесников, не знаешь? – шептал сержант, чувствуя, что его всего начинает трясти. Николай смотрел на живой скелет, обтянутый бледной кожей. Он протянул руку вперед.

– Алешка, друг, Алешка! – Потом на секунду оторвал от себя руку, жадно посмотрел в лицо, точно убеждаясь, действительно ли это боевой друг, и снова крепко прижал к себе руку. – Живой, родной! Как я рад! Я считал тебя погибшим...

– Пока живой, но, наверно, скоро умру, – через силу произнес Алексей. Лицо его передернулось, он закрыл глаза, из которых потекли крупные капли слез. Друзья чуть удержались от своих слез, глядя на плачущего друга, минуту молчали. Николай не знал, чем успокоить Алешу, подбирал в своем уме подходящие добрые слова:

– Не надо, Алеша, плакать, береги силу и нервы, не думай о смерти, не бойся ее и борись за жизнь. Мы с Костей тебе поможем подняться на ноги, выйти из этого адского лазарета. Я каждый день буду приносить тебе дополнительное питание.

Он понимал, что берет на себя трудное обязательство в лагерных условиях, но решил другу помочь. Алеша вытер ладонью слезы, открыл глаза, приподнялся на локтях в сидячее положение и чуть веселее посмотрел на добрых друзей, сказал:

– Если поможете мне уйти от смерти, я вас никогда не забуду, всю жизнь буду вам благодарен и обязан. Ведь отсюда еще никто не выходил здоровым, все лежат и ожидают смерти. Умиранут и еще лежат по 3-4 суток, пока нестерпимо завоняют. Только тогда их увозят из лазарета. Это делают санитары умышленно, чтобы получать на мертвых паек и сами его съедают или продают на базарчике.

– А кто им дает на мертвых паек? – удивился Николай.

– Как кто? Немцы! Они поверку делают в лазарете по ночам. Мы лежим и открываем ноги, а немец идет и считает. Мертвым санитары тоже открывают ноги, и немец засчитывает как живых, и выдают на всех пайки. Здесь не санитары, а фокусники: из мертвых делают «живых», а из живых – мертвых, – уже шутил Алеша.

– Мы тебе принесли немного покушать ухи, ты можешь встать и поесть? – подавая котелок, спросил Костя. – Если тебе трудно сидеть, то покушай лежа.

Друзья смотрели, как Алеша жадно ел и за каждым разом лизал ложку. Хотя они и сами не очень были сыты, но понимали, что Алеша голоден и доволен дополнительной порцией. Остатки в котелке Алексей выпил через край и облизал губы.

– Спасибо вам, ребята! От теплой ухи веселее в животе и немного согрелся, а то нам чай и баланду приносят холодную, а может, санитары разбавляют водой – уж очень все жидкое.

– Мы будем носить тебе горячую пищу, и быстрее поправишься. Из лазарета тебя вытащим.

– Если это совершится, как я буду рад. Спасибо вам!

Николай с Костей потрогали Алексея за плечи, поправили на ногах шинель, сказали ему «До завтра!» и ушли из лазарета. Алеша посмотрел им вслед, остался доволен встречей и скоро уснул...

Глава 5

По воскресеньям пленных на работу не гоняли. Только были случаи, когда отдельные бригады, обслуживающие воинские части или команды, иногда вызывались на срочные работы. По воскресеньям не требовалось прятаться от работы на чердак, спокойнее утром все выходили из казарм на поверку, немчура не травила пленных овчарками и не избивала на лестницах резиновыми палками.

Солдаты, довольствуясь выходным днем, уходили в город, были в лучшем настроении. Командование лагеря пьянствовало и в пьяном настроении устраивало «спортивные состязания» пленных, чтобы повеселиться самим и развлечь свои семьи. На эти зрелища приглашалось городское население, особенно молодые немецкие потаскухи и холуи – заядлые эстонские антикоммунисты. Все это кодро размещалось на возвышенной стороне лагеря с наружной стороны ограждений и через колючую проволоку смотрело на площадь лагеря.

В лагерь заводили на площадь одну или две покалеченные войной лошади и разрешали пленным их съедать. Голодные люди набрасывались на этих лошадей, толпой валили их, заживо рвали на куски. Все кодро зрителей смеялось, веселилось, а пленные создавали трагедию, так как многие в этой свалке платились жизнью.

В некоторые воскресенья кодро зрителей по разрешению немцев приносило с собой продукты: хлеб, картошку, свертки с рыбой и прочими продуктами – и бросало через проволоку в лагерь. Люди бросались на заброшенное в лагерь, давили друг друга, рвали

из рук и дрались из-за кусочка хлеба или рыбы. Причем на это шли те пленные, которые уже были сильно истощены, физические слабые, худые и опухшие от голода. Их борьба и драки были неуклюжими, комичными, отчего глупые зрители смеялись.

Развлеченное зрелищем и водкой командование лагеря, чтобы продлить зрелище, отбирало самых слабых пленных и устраивало состязания: в конце площади клали булку хлеба или на веревке подвешивали рыбину и выпускали несколько пленных. Кто первый добежит к хлебу или по шесту залезет до рыбины, тот заберет добычу. Слабые люди бежали или лезли по шесту, падали, и это зрителей веселило. Во всех этих и подобных состязаниях участвовали пленные, очень голодные, слабые, которые потеряли уже самолюбие и надежду на жизнь. Основная масса пленных вела себя достойно советского человека, не поддавались повадкам немцев, с гордостью и самолюбием мужчины переживали трудности.

Выходной день и свободное время в рабочий день использовали для личных дел, ремонтировали одежду, стригли головы и бороды друг другу, по возможности отмывались от грязи и вшей, играли в шашки и шахматы, которые делали сами пленные тайно от немцев. Некоторые доставали разным путем книги и читали вслух в своих рабочих бригадах. Многие умельцы делали свои изделия: рамки для фотокарточек, мундштуки для сигарет, портсигары, плели из корней корзинки, делали разные игрушки, чтобы на работе продать конвоирам за сигареты или какие-то продукты питания.

За всеми этими делами велись произвольные беседы, спорные разговоры на разные темы. Правда, никому от слабости не хотелось говорить, но было невозможно и молчать, слишком уж много накопилось у каждого на душе. Разговор был похож на воду, которая со стуком каплями падает с крыши после дождя. Многие говорили между собой:

– В неудачах войны виноваты командиры. Чему их только учили в академиях? Удивительно много бестолковщины среди них, а из-за этого беспорядок на фронте! – за спиной Николая кто-то высказался тонким удивленным тоном.

– Просто удивительно! Не думали не гадали о такой неудачной войне, – печально сказал кто-то другой.

– Если бы не думали не гадали, еще бы ладно, – после молчания отозвался Николай. – А то ведь и гадали, и думали, а на поверку – ералаш!

– Теперь ищи-свищи, кто виноват, – холодно и резко ответил чей-то злой голос. – В общем, шапками закидаем, на чужой территории, малой кровью... Ура и так далее, – продолжал он.

– На чужой территории еще будем, зарубите себе это на носу вы там, в темноте, не вижу, как вас по званию и отчеству! – сердито отозвался Николай. – Но что верно то верно: ералаш большой и, главное самим же придется его расхлебывать!

Эти слова вызвали целый хор ответных замечаний среди сидящих и лежащих. Кто-то заметил, что мы, русские, долго запрягаем, зато потом быстро ездим. Но поговорка не встретила сочувствия. Люди спорили друг с другом, но в их голосах одинаково дрожали злость и обида. Они были подавлены не только очевидным беспорядком в начале войны, но еще больше тем, что где-то на родной земле идут бои, дерутся их отцы и братья, а они попали в плен, и неизвестно, как из него вырваться.

– Меня вчера чуть не расстреляли гады! Назвали саботажником на работе, – сказал скуластый детина, лежавший на боку с Костей рядом. – Наган в зубы сунули, как лошади. Сволочи! Я кулаки сжал, но подумал и сдержался.

– Наган есть кому в зубы сунуть, – после молчания сказал Костя. – Только бывает, что не тому суют...

Костя толкнул Николая локтем, чтобы тот доказал его мысль, но тот промолчал, а потом ему тихо ответил:

– Шут их знает, может, тут есть какие-нибудь стукачи. Среди незнакомых не следует проявлять патриотизм, донесут коменданту, скажут: коммунист, политрук, и всё, погибнешь за нюх табака. Давай лучше попробуем уснуть, пока вши не начали бегать. Они оба замолчали и уснули.

Глава 6

С наступлением холодных дней осени, а потом зимы жизнь пленных в лагере усложнялась дополнительными трудностями: плохая одежда, деревянные колодки на ногах без теплых портянок мучили людей холодом и болью. По десять часов работали в дождь и буран, на морозе, полураздетых и голодных людей изматывали страдания

и болезни. Увеличилась в лагере смертность. От ста двадцати до ста восьмидесяти человек хоронили в день.

В лагере значительно уменьшилось количество пленных, хотя и часто прибывали этапы новых партий людей.

Немцам не хватало рабочих для заготовки леса, его погрузки на баржи и пароходы, отправляемые в Германию. В зимнее время требовалось много пленных для очистки дорог от снежных заносов. В лагере стали выгонять на работу всех слабых и даже больных из лазарета. Играющим в карты некоторое время удавалось прятаться от работы на чердаке до одного случая, а случилось следующее. Николай до холодов прятался на чердаке в одном углу, лежа на шлаке. Когда стали морозы и задули по чердаку холодные ветры, ему на шлаке стало невтерпёж. Он стал залазить на стропильные связи, придерживаясь за скобы, которыми крепились стропила, просиживал там утренние два часа. Для этой цели он приобрел на чердаке еще две скобы, зацепил их за доски крыши так, чтобы удобно было сидеть. В пятницу после большого снегопада потребовалось много пленных на чистку снега. Всех живых в лагере, даже полицаев, ставили под конвой и гнали на работу. Активный фельдфебель, который горячо командовал дворовыми делами, по своей инициативе или по доносу полез на чердак искать дезертиров.

С карманным фонарем он стал шнырять по чердаку. Что-то бормоча по-немецки, он шел по направлению к Николаю. Подошел в угол, стал освещать фонариком низ чердака. Осталось ему поднять фонарь кверху и увидеть над головой висячего Николая, который уже обдумал схватку с врагом. Он понимал, что если фельдфебель его обнаружит, то последуют наказания: побои, карцер, а может быть, и смерть для страха другим. Он подумал: есть случай отомстить врагу за мучения. Сознательно отцепился правой рукой вместе со скобой от стропила, покрепче сжал скобу в кулаке, быстро наклонился и сильно клюнул немца по голове острием скобы. Тот сначала вроде присел и тут же шлепнулся на шлак, не издав никакого звука. Только электрофонарик отлетел в угол. Николай немедля соскочил вниз, перешел на другую сторону чердака, закопал скобу в шлак и направился к лазу чердака. В это время несколько пленных уже успели спуститься с чердака и забежать в казарму. У лаза торопилось двое, из которых одного Николай узнал — Иван Семенович. Он смело подошел к лазу и, как только скрылась

голова длинного Ивана Семеновича, посмотрел в сторону горевшего фонарика в темноте и спрятался в казарму. Сердечко колотилось, в висках шумело, а лицо то загоралось, то холодело, такое чувство испытал сейчас Николай. Он скользил глазами по залу казармы, не находил себе места и не вступал ни с кем в разговор.

Через несколько минут в казарму стали заходить пленные с площади, для которых не хватило конвоя и инструмента для чистки снега. В казарме стало многолюднее, на душе у Николая полегчало. Однако ему казалось, что на него смотрят и в чем-то подозревают, хотя об убийстве фельдфебеля никто не говорил до следующего дня.

Вечером, встречая Костю, Николай сам предложил ему поговорить с бригадиром:

– Надоело мне прятаться от работы. Целыми днями не дают фрицы и полицаи покоя в лагере, то снег чистить, то дрова пилить и колоть для кухни заставляют. Лучше, наверно, уходить с вами на работу. Ты, Костя, поговори с бугром (так называли бригадиров), пусть возьмет меня в бригаду.

– Я рад твоим намерениям, – даже повеселел Костя. – Пошли вместе к бугру и поговорим. Он тебя возьмет. Вчера ему шеф гаража говорил, что нужно бригаду увеличить до 60-70 человек. Как он поужинает, так и подойдем.

С бригадиром разговор был коротким. Он посмотрел на Николая, спросил:

– Ты бежать из плена не собираешься?

– Нет! Куда зимой побежишь?

– А то я отвечать за тебя не желаю. Что умеешь делать?

– Все могу: могу сапожничать, могу токарем, слесарем, знаю все строительные работы.

– Тогда подойдешь для нашей бригады, в гараже пригодится делать разные работы. Приноси свои шмотки и ложись на место чetyреста третьего, пока он в лазарете.

– Как хорошо! Теперь будем все время вместе и днем, – радовался Костя.

Всю ночь Николай не сомкнул глаз, он думал о случившемся, боялся... Что будут делать фашисты, когда обнаружат убитого фельдфебеля? Скобу он спрятал в шлак. Собака по запаху следа может не найти, поскольку на чердаке было несколько человек – следы разные, да еще и завтра некоторые полезут на чердак. Кто был сегодня

на чердаке, никто в темноте его не видел, как ударил фельдфебеля. Он успокаивал себя мыслью, что его не обвинят в убийстве. Со временем он успокоился и в мыслях появилась гордость за совершенное. Утром он вместе с бригадой попил чай и ушел на работу.

Разнообразие за оградой лагеря в пути следования и на работе в гараже отвлекали мысли Николая от убийства, но, следуя вечером обратно в лагерь, он задумался. Хотелось сказать Косте, но потом решил молчать.

Ворота лагеря были закрыты, и все бригады стояли за оградой лагеря. К воротам подошло много солдат для усиленного шмона. Немцы орали на пленных, обозленные, заставляли раздеваться догола, даже снимать колодки. Все отбирали, даже продукты, и возвращали каждому только одежду уже прощупанную и перетрясенную. После шмона по одному пропускали в лагерь.

– Что-то случилось? – слышно было вопросы среди пленных.

Большинство говорили о возможном побеге. Николай один знал, что случилось и сразу догадался, почему такая заваруха. «Значит, нашли на чердаке труп», – подумал он.

Ужин пленным не дали. На следующий день на работу не повели. Целый день держали в строю на площади, голодных, на холоде, даже больных из лазарета, и требовали сознаться в убийстве.

– Три, пять дней будете стоять на холоде, голодные, пока не покажете убийцу славного немецкого фельдфебеля! – кричал комендант через переводчика. – Если не покажете убийцу – расстреляем десятого в строю! – орал переводчик по словам коменданта. Строй окружили солдаты с овчарками и грозились затравить ими пленных, если не выдадут убийцу. Но строй молчал. Некоторые испугались угроз коменданта, готовы были показать на убийцу, но не знали его. Многие думали, что комендант пугает, день подержит на площади, а в ночь запустит в казармы, не стоять же им самим вот так с ними. Только несколько смельчаков думали:

– А, гады, испугались, забегали! Надо вас, фашистов, чаще убивать. Правильно кто-то смелый сделал – убил паразита!

Николай чувствовал себя хорошо, не боялся угроз. До позднего вечера свирепствовали фашисты над пленными: гоняли по площади, выдергивали и избивали, травили собаками, стреляли с вышек ограды из пулеметов по верху строя. Много нагоняли страха, но не оживили этим фельдфебеля, не умертвили смельчака.

Трое суток не выводили бригады на работу и не кормили пленных. Вся фашистская свора лагеря занималась похоронами. На четвертый день выдали пищу и повели бригады на городские работы. Много было в лагере разговоров, все интересовались, кто убил фрица, но Николай никому не сознался, хотя в душе чувствовал гордость...

Глава 7

Бригады пленных вели в Таллинский порт для погрузочных работ. Как обычно, местное население всегда останавливалось на тротуарах и ротозеяло. Кто глядел с жалостью, кто со страхом, а многие эстонцы с насмешкой проходили мимо колонны несчастных людей и кричали вслед: «Русские черти! Где ваш Сталин? Кричите «ура» за Сталина!» Подростки под эти насмешки взрослых кидали в пленных комками снега, камнями и даже тухлыми яйцами. Конвоиры эти поступки позволяли, а пленные возмущались.

– Вот сволочи! Без немцев наверняка вслух хвалили Сталина, а теперь, видишь, хвост подымают, перед немцами выслуживаются, – с гневом сказал Николай идущему рядом летчику своей бригады.

– Чего там говорить. Среди эстонцев еще много подлецов. Когда в порту, после отступления наших из Таллина остались раненные матросы, то эстонцы палками добивали матросов, упрекая за Сталина. Я думаю, что даже наш коренной советский народ и тот любил Сталина по-разному: беззаветно и с оговорками, любясь и побаиваясь; иногда даже не любили. Вот в такой бесшабашной войне есть его личная и всего правительства вина...

Вот пример по нашей авиации округа. Был у нас такой генерал-лейтенант Козырев – командующий истребительной авиацией округа. Его сам Сталин вызвал и произвел из полковника в генералы. А в сущности, он умел командовать только эскадрилью, а не округом. Это подтвердилось с первого дня войны самым ужасным образом, и не только с ним одним. Причиной таких поражений послужили вот такие молниеносные возвышения.

Ему, как и некоторым другим, генеральские звания не принесли умения командовать тысячами людей и сотнями самолетов. Когда

началась война, от его плохого командования половина самолетов оказалось не в боевой готовности, по его приказанию свои самолеты сожгли на земле, а летчики, отчаянно взлетевшие под бомбами противника, погибли, не успев набрать высоту. Сам Козырев рисковал жизнью, мотался на истребителе, пока погиб.

– Правильно ты говоришь – присоединился со своим мнением впереди шагавший усач, когда летчик закончил. – Наш командующий обороной островами Эзель и Даго – тоже генерал – продал больше двадцати тысяч армии, а сам удрал к немцам. Теперь заделался комендантом Таллина – видели его пленные в легковой автомашине в немецкой форме. Говорят, что и в ту войну Германии с Россией на острове Эзель по его приказанию напоили всех солдат водкой и уложили спать. Немцы высадили десант на остров и всех русских сонных порезали. Так вот таких генералов не расстреливали и в тюрьму не сажали, а многих хороших военных специалистов и командующих до войны расстреляли и загнали, где Макар телят не пасет...

Николаю разговор летчика и усача был не по душе, ему хотелось их поправить, но события в лагере его насторожили – лучше помолчать, пока не изучишь всех людей в бригаде. Он готов был им сказать: «Да, война нас застала врасплох, не успели перевооружиться, многие сначала плохо командовали, растерялись. И Сталин, и все правительство, может быть, с какой-то беспечностью отнеслись к тому, что вот-вот начнется война. Но я верю в нашу армию, в свой народ и наше правительство, что немцев разобьют...» Но сегодня лучше помолчать. Еще будет время поговорить с ними в таком духе...

Скоро дошли в порт, где стоял немецкий пароход под погрузку. Гражданское население подвозило на лошадях сосновые бревна с пристани, а заключенные-пленные носили на плечах в трюмы и на палубу парохода. За пять-шесть дней пароход загружался и уходил в Германию. На его место становился следующий. Немцы старались максимально вывезти лес из Прибалтики.

Бригада, в которой работали Костя и Николай, ходила в порт на погрузку только в выходные дни. В течение недели бригада работала в большом гараже, где немецкие солдаты готовили автомашины на фронт, а пленные их мыли от грязи и грузили на платформы или разгружали с железнодорожных платформ прибывшие автомашины

с фронта на ремонт. Иногда в автомашинах пленные находили продукты питания, остатки курева, чем охотно пользовались. Косте и Николаю тоже попадались такие находки, и они поддерживали свое здоровье и помогали Алексею в лазарете на протяжении двух месяцев, пока тот поправился силой и вышел на работу в их бригаду. Ближе к весне, а точнее пятого марта, они перетащили в свою бригаду еще одного своего друга – Сашку, сержанта родом из Красноярска. А случилось это после разговора Николая с Александром, когда тот пришел однажды вечером к Алеше:

– Ты, Саша, родом откуда?

– Из Сибири. С Енисея, – ответил Саша.

– В Сибири чем занимался?

– Известно, в колхозе... промышлял в тайге.

– За белкой?

– Больше за белкой, – почему-то неохотно отвечал Саша.

– Ее у вас там, на Енисее, много?

– Тьма! – одним словом ответил сержант, как будто не желая разговаривать. Колесников подумал, что тот чем-то недоволен и решил заговорить с ним поближе.

– Коммунист?

– Да, с прошлой весны. Ты разве забыл, как принимали в батальоне?

– Не говори, Саша, не забыл. Я умышленно спросил, захотел знать твой ответ.

Саша вокруг оглянулся и тихо прошептал:

– Ты вот тоже коммунист.

– Да! Был, есть и буду, – с гордостью ответил Николай.

– Вот скажи мне... – Саша оглянулся назад, затем спросил громче: – Отчего это у нас немцев так боятся, а? Что такое? В чем дело? Мы коммунисты – будем откровенными.

– А кто боится?

– Да многие.

– Ну нет, – спокойно возразил Колесников. – Таких, Саша, совсем мало. Нет против немцев особого страха, не видать.

У кого заячья душа, тот, понятно, и своей тени боится – увидит ее, без памяти шуганет в кусты.

– Отчего же... чуть что – паника?

– Отступаем.

– А это, Саша, из-за танков и самолетов. От одного их воя, черт возьми, оторопь берет. А ведь у нас их мало. Техники у нас мало. Колесников немного подумал, продолжил: – Обожди, Саша! Все, что надо, будет! И танки, и самолеты! Все! Обожди только.

– Я верю, что будет, да вот сколько наши отходят, сколько земель и добра бросили, сколько нужды терпим...

Оба на время замолчали, так как думали об одном. Рядом сидевшие Костя и Алексей глядели на них и одновременно оба спросили:

– Ну что замолкли? Сказать нечего?

Колесников после молчания сказал:

– Я не верю, что немцы и дальше будут бить нашу армию, наш народ так, как в первые дни и месяцы войны. Я верю в нашу армию, в свой народ и наше правительство, что фашистов разгромят. Эта вера живет в моем теле. Когда Сталин говорил по радио, то он не называл положение трагическим. Он говорил о неудачном начале этой громадной и страшной войны, призывал скорее преодолеть трудности, организовать ополчение народа на оккупированной территории, вести партизанскую войну, в его речи чувствовалась не слабость, а сила...

– Конечно, – помолчав, сказал Николай, мы перед войной и хвастались, и кое-что преувеличивали, в том числе свою готовность к войне, это теперь совершенно ясно. Но это не значит, что мы под влиянием первых неудач должны преуменьшать свои потенциальные силы. Они в Советском Союзе громадные... Было в нашей стране чудовищное недоразумение – ежовщина. Много опытных, грамотных военачальников загнали на Колыму. Но это была ошибка и глупость. Но если они честные, они вернутся в строй Красной Армии и своим примером докажут, что Советская власть для них святое дело, что с ними многими совершена нелепость, они составят одну из потенциальных сил. В Красной Армии есть много замечательных, грамотных, смелых и верных командиров. К примеру, наш командир и комиссар батальона. Они были такие командиры, за которыми бойцы идут в огонь и в воду, такие, чьи мертвые тела, жертвуя жизнью, выносят из боя, такими, чьи приказания выполняют и после смерти. Они были такими командирами, какими надо быть, чтобы вести борьбу даже в плену... Нужно, братцы, бежать из плена и по новой бороться с немцами. Ты как думаешь, Саша? Говори, не бойся! Мы все свои, и трое уже согласны.

– Вместе с вами согласен, – ответил Саша шепотом и снова оглянулся назад, хотя вокруг никого близко не было.

– Тогда переходи в нашу бригаду и будем вместе готовить побег с работы.

– Я думаю, что мы втроем уговорим бугра. Ты только приходи к нам каждый вечер, чтобы бригадир видел, что ты наш друг. Так была достигнута договоренность четверых о побеге. Нужна была только продуманная и незаметная подготовка. В условиях лагеря это сложно и опасно.

Глава 8

После похорон убитого на чердаке фельдфебеля в лагерь прибыла команда эсэсовцев. Старшие офицеры СС вели расследование, а младшие обучали немецких солдат строгости и жестокости по отношению к русским. Итогом работы команды СС в лагере явилось: заменили коменданта и больше половины солдат, которых, по разговору полицаяв, якобы отправили на восточный фронт. Новый комендант – длинный, сухой, с одним глазом офицер – был нервно-психой и сумасшедший, а новая команда солдат ему соответствовала по характеру. Всех полицаяв, за исключением двоих, разжаловали и направили в рабочие бригады – то ли для шпионажа, то ли за плохую службу. Прибыли полицаи из других лагерей, протудированные и натравленные до предела. Режим в лагере стал невыносим. С подъема до отбоя в лагере устраивались разные шмоны, избиения пленных без всяких причин, с отказом воды по два-три дня, особенно после кормления соленой селедкой или килькой.

Утро начиналось с того, что в казармы забегали немцы и полицаи с резиновыми палками и начинали подъем. Тех, кто не успевал подняться на ноги, били палками. Потом открывали двери и толкали, выгоняли на улицу. На лестницах этажей и на выходе на улицу стояли фашисты и бежавших били резиновыми палками по чему попало.

Поскольку задних в казармах травили овчарками, то каждый узник старался вперед выскочить на улицу. Таким образом, в дверях и на лестнице создавалась пробка и немцам было удобно разгуливать палками по плененным головам. Каждое утро несколько человек плен-

ных уходили на работу с разбитыми головами, с окровавленными лицами или выбитым глазом. Так длилось до первого мая 1942 года.

– Меня поражает наша терпеливость, – сказал Николай Косте однажды на построении. – Жизнь пленных трудная, невыносимая, нас изверги бьют каждое утро, а мы терпим безответно. Неужели среди нас нет смелых, отважных, чтобы проучить этих пиратов?

– А что сделаешь? Все слабые, бессильные, к тому же запуганные. Тогда фельдфебеля кто-то стукнул, то его, может быть, уже нет в лагере – отправили в этап или сам постарался уехать из лагеря.

Слова Кости задела Николая за живое. Проснулось самолюбие.

– А мы с тобой тоже запуганные? – в упор спросил Николай друга. – Я, Костя, хочу с тобой поговорить об одном деле, но это наедине.

– Ладно, потом, в удобное время, – ответил тот.

Целый день Костя думал, о чем Николай хочет с ним говорить, а тот все обдумывал, как Костю уговорить на согласие, как убедить его, что все будет исполнено чисто, без плохих последствий. На работе им не пришлось поговорить, так как бригадир поручил им работу в разных местах, а по пути в лагерь говорить об этом задуманном Колесниковым было нельзя.

Только после ужина они уединились и начали разговор:

– Я, Костя, тебя считаю верным другом и на тебя надеюсь.

– Заверяю тебя в этом, что ты не ошибаешься, – ответил друг и подал Николаю руку, которую тот крепко пожал.

– Задумал я проучить гадов за то, что они избивают пленных каждое утро. Нужно убить хоть одного фрица, и они побоятся потом становиться на лестницах и в дверях с палками.

– Да! Мыслишки у тебя сложные. Как это ты думаешь сделать? Расскажи. Может, я соглашусь на твой риск.

– Очень просто! – заулыбался Николай. – У меня есть спрятанный нож под лестницей, я его стырил на кухне, когда чистили брюкву, еще до убийства фельдфебеля. Нож подходящий, только кабанов колоть и можна фрицев. Так вот я придумал так: утром подъем, темно в коридорах и на улице. Бежим, как всегда, толпой по лестнице, в дверях пробка. Этот бугай, что стоит и бьет нас в дверях, старательно шлепает палкой всех, кто повыше. Я нагибаюсь в толпе, а ты едешь на моей спине. Он тебя бьет, ты голову закрываешь руками. В это время я снизу ножом ударяю в живот или его мочевого

пузырь и с толпой выскакиваем из двери на улицу. Он заорет и упадет, когда мы уже будем на улице. Подозрение упадет на тех, кто будет рядом с ним. Мы с тобой будем чистые...

– Рядом с ним могут оказаться немецкие холоуи, ну и пусть отвечают, – с удовольствием отозвался Костя.

– Если он упадет, то его толпа затопчет ногами, если он после ножевой раны останется живой. Но я постараюсь вогнать в него нож с протяжкой, чтобы распороть пузо этому кабану.

– А куда денешь потом нож? – заботился Костя.

– Оставлю его в животе фашиста. Он вымажется его кровью, потом его затопчут ногами и никакая собака не нападет на след. Ну а если попадусь, так сменяю жизнь на жизнь фашиста.

– Я согласен с твоим планом, хотя это опасно и страшно. Зато будет наш подарок к Первому мая...

Долго друзья не могли уснуть. Каждый думал о задуманном, но разговор больше не возобновляли. Ночью Николай пошел в туалет первого этажа, посмотрел на то место в дверях, где будет утром стоять немец. На обратном пути забрал под лестницей спрятанный нож, сунул его в рукав и пришел на свое место. Беспокойство за нож не дало ему уснуть до подъема. А вдруг утром немцы устроят шмон и найдут у него нож – последует строгое наказание...

Подъем утром прошел, как обычно: шумно, с побоями и травлей собаками. В дверях и на лестницах скопление пленных, давка. Солдаты усердно бьют несчастных палками до усталости. Колесников и Мазурец готовы исполнить свой план. Продвигаясь к выходной двери, Николай придерживает рукой спрятанный в рукаве шинели нож. У дверей он нагибается, а Костя прикрывает его своим телом. Солдат заносит над головой палку для удара, Костя закрывается руками, но удара не последовало. Палка падает из рук фашиста на плечи другого узника, а за ней валится и ее хозяин. На секунду в дверях остановка, но от нажима задних толпа пленных пробкой вылетает из двери на улицу. Остановки нет. Друзья от волнения схватились за руки и бежали на площадку без оглядки. Только на месте построения бригады они остановились, посмотрели на дверь. Там продолжали бежать пленные, как обычно.

Двое бригадников, подошедших к бригаде после наших друзей, говорили: – Наверно, кто-то из пленных свалился в дверях, мне под ноги попало что-то мягкое, наверно, задавили.

Второй собеседник посмотрел на свои, а потом на ноги рассказчика, ответил:

– Наверняка завалили до крови – у тебя правая колодка в крови.

Тот посторонился стирать кровь на колодке рукавицей. Николай искоса смотрел на него и торжествовал в душе: пролилась кровь еще одного врага!

Глава 9

Как обычно, после шумного подъема и изгнания пленных из казарм на площадь гитлеровские молодчики выходили последними на линейку построения для оцепления. Досыта наигравшись резиновыми палками, они весело наперебой хвастались один перед другим, как били всегда пленных. Сегодня было все иначе. Храбрые молодчики дрогнули, когда увидели в дверях затоптанного, в крови своего самого сильного сержанта. Они струсили отойти от казармы и стояли в недоумении возле убитого. Когда появилось лагерное офицерье, солдаты вытянулись в струнку и один из них доложил, показывая на убитого. В офицерах тоже появился страх.

Комендант дал какое-то приказание, солдаты подняли убитого, и все вместе с офицерами скрылись за проходной лагеря. Пленные удивлялись случившемуся и радовались, что развода на работу не будет. Через полчаса появились за оградой вооруженные автоматами солдаты, оцепили лагерь. На вышках включили свет прожекторов, хотя уже на улице было светло, и навели на построенных пленных пулеметы. В проходную вызвали обер-полицаяв. Прошло еще полчаса, а конвоирование на работу не начиналось.

Ворота прохода из лагеря не открывались. Вернулся из проходной обер-полицай, собрал всю свою свору, и начали из бригад выдергивать разжалованных бывших полицейав, а вместе с ними несколько подозрительных пленных, выбранных из строя, увели в казарму. Только после этого начался развод на работу.

Конвой бригад был усилен дополнительными автоматчиками и овчарками. Выводили бригады через ворота спокойно, без окриков на бригадиров, а эсэсовский офицер в черном мундире стоял у проходной унылый и не лаял, как овчарка, на старших конвоиров.

Рабочий день бригад сегодня закончился засветло, на два часа раньше возвратились в лагерь. Такое было дано указание командованием лагеря старшим конвоирам. По возвращении бригад в лагерь сразу выдали хлеб и баланду, выгнали полицаи всех из казарм на общее лагерное построение. Построили по линейке в десять рядов, и обер-полицай дал команду «Смирно».

Пришел вольнонаемный эстонец-переводчик и объявил пленным:

– Опытный оперуполномоченный офицер СС в короткий срок сумел разоблачить убийцу немецкого сержанта. Все заговорщики из лагеря вывезены и расстреляны. За одного немецкого солдата расстреляно десять русских. Так будет и дальше, если среди вас окажутся глупцы на такие поступки. Комендант лагеря велел мне передать вам предупреждение, что, если повторится подобный случай, все вы будете строго наказаны! Помните это!

На этом закончил свою нескладную и неубедительную речь и ушел из лагеря. Строй пленных стоял и молчал. Полицаи ходили вокруг и прислушивались к разговорам, но все молчали. Может, в уме и ликовали, что фашисты струсили применить ко всем жестокость, но высказать это вслух каждый боялся. Только после роспуска строя, уже в казармах некоторые стали говорить:

– Струсила немчура! Знай наших! Почаще их нужно к ногтю, как вшей, – они и паек добавят и бить перестанут.

Многие сомневались, что сержанта убили бывшие полицаи. Но мы были довольны, что вина пала на них и бывшие верные слуги получили плату от своих господ. Спустя некоторое время выяснилось в разговорах с конвоирами, что у оперуполномоченного создалось подозрение на бывших полицаев потому, что на них было письменное донесение, якобы они недовольны новым командованием лагеря, что их разжаловали бесчестно, и они собираются проучить немцев. Выяснилось, что на допросе полицаев очень били, грозили повесить публично, если не выдадут убийцу. Не выяснив личности, командование решило всех допрашиваемых увезти из лагеря. Что было с ними дальше, никто не знал, так как конвоировали сами эсэсовцы в закрытой машине. Месть русских за избиение дала свои результаты. Очевидно, комендант и оперуполномоченный решили поступить разумно. За убийство сержанта они не стали наказывать и обозлять всех пленных лагеря. Также было отменено

избивать пленных по утрам и травить собаками. Даже стали варить погуще и вкусней баланду. Вновь разрешили с работы в лагерь проносить продукты питания.

В бригаде Николая, как и в других прикладах, велись разговоры:

– Спасибо тому парню – молодцу, который убил сержанта. Он позаботился за нас всех, рискуя своей жизнью.

– За него богу нужно молиться, – сказал пожилой седой человек, доедая из котелка баланду. – Если бы я знал его, всю неделю отдавал бы ему свою пайку хлеба.

Были и другие местные разговоры в адрес смельчаков. А смельчаки слушали похвальные слова, гордились в душе своим смелым поступком, но не сознались в убийстве даже своим друзьям – Алексею и Саше, с которыми готовили побег после майских праздников.

Глава 10

На дворе уже буйствовала весна. Она проникала в казармы через форточки прохладным и влажным дыханием талого снега, возбужденным чириканьем воробьев. Она заглядывала в казармы через окна, освещенные солнцем. На ветках тополя набухали почки, облитые желтоватым клеем. Весна настойчиво напоминала о себе веселым дробным биением крупных капель о жестяные карнизы окон. Позже ветки тополя выбросили бледно-желтые клейкие листочки, из-под которых выбились мохнатые красные сережки, похожие на гусениц. Они сильно пахли, и их аромат врвался в открытые форточки, перебивая тяжелый казарменный дух. Воробьи совершенно обнаглели. По утрам птицы устраивали на карнизах окон шумные сборища. Как и всегда, весна размягчала сердца людей, будила мечты.

– Эх, вот теперь бы с ружьишком да куда-нибудь на вырубку! Как, Алеша, а? В шалашике на заре посидеть бы в засаде... больно хорошо! Знаешь, утро розовое, ядреное да с морозцем, а ты сидишь – ухо остро! И над тобой садится – хвост веером – и другой, и третий...

Алексей с шумом втягивает в себя воздух, точно и впрямь у него потекли слюнки, а Саша не унимался:

– А потом костерик, палатку постелишь, чайку с дымком да хорошую чарочку, чтобы каждому мускулу тепло стало, а? После трудов-то праведных...

– Ой, не говори, Саша, – ответил Алеша, проводя рукой по затылку.

– А в наших краях об эту пору, знаешь, на что бывает охота? Ну не поверишь – на щуку, вот те Христос, не слыхал? Знатное дело! Баловство, конечно, а не без прибитка. Щука-то, как в озерах лед треснет да речки разольются, все к берегу льнет, нерестится она. И для этого дела лезет ну только что не на берег – в траву, в мох, что полой водой покрыты. Заберется туда, трется, икру сеет. Идешь бережком – и вроде поленья. Ан это она. Из ружья вдаришь! В другой раз и в мешок всего добра не соберешь. Ей-богу! А то еще...

– И вправду говорят, что рыбаки брехуны, – вмешался в разговор Николай, который чинил рукав гимнастерки и прислушивался, о чем говорят друзья весной.

– Да у вас в Улан-Удэ и озера не озера, и, наверно, щук нет.

– А я не про Улан-Удэ рассказываю, а про свою деревню, где родился, – оправдывался Алеша.

– А вот у нас охотятся на зайца очень умно. Берут вечером срезают сосну и на свежий пенек посыпают нюхательный табак. Зайцы ночью подбегают к пеньку, нюхают и чихают, при этом ударяются мордочкой об пенек и падают замертво. Утром приходишь, а их целая куча – столько, что в мешок не заберешь, – заканчивая рассказ, Николай рассмеялся.

– Охотники тоже умеют врать, – подметил Костя, хлопая Николая.

– Тогда разрешите и мне соврать. У нас без ружья охотятся на медведя. Берут лист фанеры и молоток и идут на него. Медведь, стоя на задних лапах, бросается передними на охотника. Охотник подставляет лист фанеры, медведь пробивает его когтями насквозь. Охотник молоточком когти загибает – и медведь пойман.

– Ты тоже, дружок, загнул без молотка, – сказал Саша, и все засмеялись.

Потом друзья разговор незаметно сворачивали на фронтовые дела, принимались гадать, что делается сейчас на фронте. Часто обсуждали сведения о фронте, которые поступали в лагерь вместе с новыми пленными. Иногда приглашали к себе в бригаду нового пленного, угощали куревом и просили рассказать, где и как

воевал, что пишут в газетах. Рассказывал Петька-шофер – так он себя всем рекомендовал при знакомстве. По разговору можно было понять, что он сам не участвовал, но, должно быть, повторял слышанный разговор. Задвинув на затылок танкистский шлем, размашисто говорил:

– Под Ельней у немцев было до восьми дивизий – целая армия, и им, в общем, крепко дали духу, но под конец малость сплоховали «соседи» и подвели. А то можно было бы всех немцев запечатать в бутылку.

– Значить, все-таки упустили? – огорченно спросил Саша, когда шофер вздохнул.

– Не то чтобы вовсе упустили, но технику они повытаскивали... Я же говорю, трофеи не особые, но нам бы пригодились.

Все слушали Петьку, смотрели на его веснушчатое красное лицо, поросшее рыжей бородой, радовались тому, что немцев под Ельней поколотили, да еще восемь дивизий, но одновременно воспринимали как личную обиду, что не довели дело до конца, не «запечатали в бутылку». Уж всем слушателям хотелось, чтобы немцев окружили, взяли в плен – побывали в их шкуре фашисты. Потом после молчания кто-то спросил:

– Большие были потери под Ельней?

– Да как сказать... – неопределенно ответил шофер из танковой бригады. – У кого как, да и опять же, если людские взять потери или материальной части, тоже как считать...

Колесников слушал рассказ, понял, что потери были большие, но шоферу не хочется говорить об этом.

– А авиация как? – спросил Костя.

– Видишь, в авиации у немцев лучше, – сожалея, отозвался шофер, поправляя под шлемом свои рыжие волосы. – Последнее время совсем мало летали наши.

– Ну а как если взять потери? – упрямо переспросил Николай. – Вот у вас, скажем, в бригаде, сколько вас было с начала войны и сколько осталось, как ты попал в плен?

– Так ведь как сказать... – снова уклонился шофер. – В первых боях людей потеряли, потом из окружения пробивались, опять потери были. Правда, и к нам по дороге прибавились... Так что тут так на так. Потом переформировались – опять новый счет. Потом под Ельней бой: кто оказался раненный в плену, кого убило,

а невредимые продолжали воевать... Как тут считать? Я вот, например, с первых дней войны в бригаде.

– А много ли таких, как ты?

– Не считал, не знаю! – огрызнулся шофер.

И Колесников снова подумал: «Не много».

– А письма сейчас на фронте как получают? – спросил он Петьку.

– Да как сказать... Письма идут не скажу быстро, не скажу медленно, а в общем, смотря у кого, где родня и как срабатывает полевая почта.

«В общем тяжелое пока положение на фронте нашей армии», – подумал про себя Колесников. После таких рассказов и неточных сведений от вновь прибывших пленных в лагерь друзья уединялись и в подходящем местечке вчетвертом обсуждали, сколько правды в рассказах, и высказывали свои предположения о дальнейшей войне с Германией. Все были уверены, что наш народ одержит победу. Тут же убеждались в необходимости побега из лагеря перейти фронт, влиться в ряды Красной Армии и сражаться с ненавистным врагом или же это делать в партизанском отряде. Одновременно обсуждали и планировали свой побег, учитывали все необходимое для побега, обговаривали, какие могут постигнуть случайности, и поручали каждому отдельные задания в подготовке побега.

Глава 11

Весна уверенно входила в свои права. Светлое и теплое солнце ласково покрывало нашу планету. Быстро раскрывались почки на деревьях, и рождался свежий зеленый лист. Радовались весне птички, распевая свои песни на разные голоса. На полянках, лужайках вылазила трава густой щеткой. Пленные группами и в одиночку выходили из казарм, садились на зеленую траву и грели на солнце свои кости. Воздух был чист и густо насыщен запахом трав и разогретой земли. За оградой энергично и весело трещали в траве кузнечики, а где-то высоко в небе голосисто звенел жаворонок над этим скорбным лагерем.

В одной из групп пленных, забыв про лагерное горе и опасность, молодой паренек стал напевать приятным, чистым голосом очень

любимую в те дни на фронте песенку тоскующего в своей землянке о далекой милой.

– А «Рябину» знаешь? – вдруг перебил его старик. Юноша кивнул головой и послушно завел старую песню. Усталое, худое лицо старика подернулось грустью.

– Не так поешь, сынок. Это тебе не частушки, это настоящая песня. Ее надо с сердцем петь, – и он подхватил тихонько совсем негромким, но верным голосом. За ним вся группа русских людей запела народную русскую песню:

– Что стоишь, качаясь,
Горькая рябина,
Головой склоняясь
до самого тына?..

Другая куча людей вела разговор о войне.

– Весна пришла! Опять немец попрет! – сокрушенно подумал вслух молодой пленный еще в почти новенькой шинели, угловато коробившейся на нем. Худой седоусый мужчина в замасленной фуфайке хмуро посмотрел на бойца с высоты своего роста.

– Прет? А зачем пускаем? Известно, прет, коли от него пятимся. Вояки! Вон куда – аж под самую Москву пустили! – в тоне его слышались боль и скорбь, точно сына корил он за большой непротистительный промах.

– Да, провоевали изрядно, – вздохнул кто-то и горько покачал головой. – Э-эх! Кто-то виноват в этом!

– Зачем кого-то ругать? Кто виноват? Мало ли нас полегло. Силища-то какая прет, почитай вся Европа на танках. Удержи-ка ее сразу, – напирал на седоусого старый человек в морском кителе.

– Коли подумать как следует, должен весь мир в ножки кланяться тем, кто воюет с немцем. Какие страны немец за недели танками затапывал! А наш народ почти год воюет – и ничего, и бьем, и сколько уже его набили. Еще одна зима – и немцу капут! Добьют наши!

– Да знаю, знаю, не агитируй меня, бога ради! Ум-то знает, а сердце-то болит, душа разрывается, – хмуро отозвался седоусый. – Ведь по нашей земле фашисты идут, наши семьи, дома терзают...

– Нет, вот вы, видно, военный моряк, вы скажите: хорошо это? Вот год уже мы деремся с фашизмом один на один, а? А союзники, а второй фронт где?

– Что ж, и правильно. Один на один воюем. Ничего, и одни еще справимся. Еще наш народ никакие пришельцы не побеждали. Наполеон тоже был под Москвой, а как драпал!..

Еще одна группа пленных, расстелив на траве свои шинели, улеглась кверху животами и горевала по дому, по своим семьям:

– Пришла весна, сеять хлеб надо, овощи садить, а кто будет это делать в колхозе? Остались там одни бабы да дети со стариками. Не под силу им все поле поднять, – грустил худенький, сухонький мужичишка, задирая ногу на ногу.

– Не бабы, а женщины, наши жены. Бабами сваи забивают, – поправил мужичка помоложе парень, поворачиваясь на живот. Без слов понятно, что трудно, тяжело без нас, мужчин, но землю будут засеивать полностью. Хлеб, продукты стране нужны, фронт кормить надо. День и ночь бедные женщины будут работать, дети со стариками помогут, а землю в колхозе засеют...

– Хорошо вам рассуждать о своих, если там нет немцев! А вот как думать мне? – нервно высказался и широкоплечий, но худущий средних лет мужчина. Нашу деревню прошлый год захватили немцы. Все, наверное, разграбили и колхоз распустили. Как теперь жена и дети? А их у меня четверо. Ох, как им тяжело...

Колесников, Мазурец, Алексей и Александр тоже расположились на солнечной стороне казармы, защищенной от ветра, подальше от других и затеяли картежную игру на щелчки вместо денег. За игрой они вели тихо разговор о самом больном – побеге.

– В первом побеге я убедился, что лучше бежать в штатской одежде, – начал разговор Колесников. – Но где ее достать в этих условиях? Обувь нужно нам приобрести кожаную, в худшем случае брезентовую, в колодках не убежишь. Босиком тоже плохо, еще пока холодно, а лесом вообще нельзя, порежешь ноги.

– Одежду нам нужно приобрести хоть военную, но потеплей и попримичнее. Не бежать же в этих вшивых лохмотьях, – с пренебрежением Мазурец показал на гимнастерку Алексея.

– Ты вот старшина, так давай нас обмундируй, – шутил Алексей. – А то никакой заботы о подчиненных.

– Хватит болтать! Давай подставляй лоб, – бросая карту, сказал Алеше Саша. – Вот пять горячих тебе влуплю, чтобы знал, как играть в карты!

– О побеге, ребята, нужно хорошенько думать и как следует подготовиться, – улыбаясь Алеше, сожалея ему, сказал Николай. – Сапоги пошьем всем брезентовые. Я договорюсь с сапожником нашей бригады, чтобы он нам всем пошил в гараже, и там припрятчем. Он там шьет для немцев и нам заодно выкроет время и материал. Я ему хорошо заплачу, только мне нужно неделку вечерами поиграть в карты. Костя будет подбирать одежду. Недавно приняли в лагерь новых пленных, у них почти новое обмундирование.

– А за что у них купишь? – глядя на Николая, скромно спросил тот.

– Можно за деньги или за курево. Это я тебя обеспечу, обещаю.

– А что нам делать? – смущаясь, спросили одновременно Саша и Алеша.

– Думайте, как и где бежать. Это самое важное. Свои мысли высказывайте ежедневно, будем обсуждать и выбирать лучшие варианты и время.

– Разве лучше тебя мы придумаем? – ответили они. – Ты уже бежал, имеешь опыта, а мы что.

– Получите по двадцать палок по мягкому сидению да просидите в карцере двадцать одни сутки, будет ли у вас опыт, – рассмеялся Николай. – Бежать будем с гаража с работы в конце мая или в начале июня. Будет уже постоянное тепло, зеленый лес и омелеют реки, войдут в берега. Итак порешили? Все согласны?

– Да! – ответили трое.

– Давай, Костя родной, последний раз карты, да пойдем отдыхать – спать, – предложил Алексей. Так закончился этот день.

Глава 12

Друзья успешно осуществляли задуманное. Николай играл в карты, платил сапожнику за сапоги. Костя торговался с пленными, покупал у них новое обмундирование. Алексей с Сашей изучали, как подаются платформы под погрузку или разгрузку на территорию гаража, как потом отправляются по железнодорожным путям, где стоят в это время часовые. Вечерами собирались и обсуждали свои дела за день.

– Я подобрал подходящее обмундирование, но требуется табак или сигареты. За деньги не продают, – доложил однажды Костя друзьям.

– Ну что ж, будем доставать курево, – согласился Николай.

На работе он стал больше промышлять, чем работать. Однажды к конторе гаража со двора подъехала легковая машина, из которой вылез толстяк офицер с крестами на груди и на шее. Шофер закрыл за ним дверку машины, проводил его до крыльца, что-то спросил, и толстяк вместо ответа махнул рукой. Шофер тоже имел офицерские погоны, но знаки отличия Николай не видел, в каком он звании – не определил. Для него это не играло никакой роли.

Зато он заметил в машине на заднем сидении пакеты, свертки и бумажные кульки. Когда шофер подогнал машину к гаражу, взял из-под заднего сиденья машины ведро и ушел в гараж, Николай быстро оказался возле машины. Ему сразу в глаза бросились упаковки с сигаретами. В голове блеснула мысль: «Целая упаковка сигарет! Клад! Рискну!» – что будет потом, он не задумался. Нужда была на первом плане.

Он присел за открытой дверкой машины, достал на сидении правой рукой упаковку сигарет, сунул под рубашку, встал и быстро отошел.

Ноги и руки дрожали, душа радовалась, а сам он пленной сутулой походкой без оглядки ушел в гараж. Нужно было прятать кражу. Но куда? Кругом пленные. Зашел в мастерскую сапожника, как будто узнать, когда будет готова последняя пара сапог.

– Как дела, Иван Иванович? – так звали все пленного сапожника, поскольку он был уже пожилой и носил большую бороду.

– Ты спрашиваешь про свои сапоги или вообще?

– И то и другое, – ответил Колесников.

– Вообще жизнь никудышная, а в отдельности – твои сапоги начну шить после обеда. До обеда мне нужно еще отремонтировать две пары немецких ботинок. Солдат обещал дать сигареты и булку хлеба, если закончу к обеду. А ты чем будешь платить за четвертую пару? Денег мне не надо, за них ничего почти не купишь. Солдаты за наши деньги не продают, а на базарчике в лагере все дорого. Советские деньги обесценились: много в лагере, а продуктов нет.

– Я тоже заплачу тебе сигаретами, если быстро пошьешь.

– А где ты их возьмешь? За сапоги я беру три пачки.

– Дам четыре, только ты мне помоги у тебя припрятать. Мне сегодня повезло. Мы разгружали утром автомашины с платформ, разбитые на фронте, и в одной легковушке под сидением я нашел целую упаковку сигарет – двадцать пачек. Никто из пленных об этом не знает. Я пришел к тебе, Иван Иванович, спрятать, чтобы потом частями принести в лагерь и с тобой расплатиться за сапоги. Ты имеешь авторитет, а солдаты шмон в мастерской не делают, я в долгу не останусь, – пообещал он сапожнику.

– Ладно! Места не жалко! Положи вон туда, в ящик под старую обувь, и уходи, а то скоро должен зайти солдат.

Николай ушел от сапожника доволен и был рад, что сапоги скоро будут готовы и сигареты в надежном месте...

Он подошел к Косте, ничего не сказал про сигареты, стал помогать ему мыть грязную грузовую автомашину, которую только что притащили на буксире в гараж. Немец-шофер легковой автомашины, залив масла, которое принес из гаража, сел в машину и подъехал на старое место к конторе, где высадил офицера. Николай, помогая Косте, внимательно наблюдал за легковой. Через некоторое время на кольце конторы появился толстый офицер. Он взмахнул рукой и что-то сказал шоферу. Тот быстро вылез из машины, открыл заднюю дверцу, сложил пакеты, свертки и кульки на плащпалатку и понес в контору. За ним ушел офицер, не закрывая дверь. Вдруг выбегает к машине шофер, нагибается к машине и что-то ищет. Николай догадался сразу, что тот ищет. С пустыми руками шофер побежал в контору. Потом опять вернулся к машине вместе с толстяком. Тот на шофера орал, а шофер стоял, молча вытянув руки по швам. Колесников наблюдал за немцами, думал: «Надвигается туча, пронесет ее или будет гроза?» На крыльцо вышел немец – начальник гаража, очевидно, услышал лай толстяка, который тут же, оставив шофера, переключился на начальника. Тот козырнул толстяку и пошел в контору. Через несколько секунд к толстяку из конторы подбежал на полном галопе начальник конвоя. Тот на него рывкнул, погрозил кулаком, и тот, как ошпаренный, сорвался с места и побежал колотить в висячий кусок рельсы, что означало сигнал на построение пленных.

Вся бригада прекратила работу и под руководством бригадира построилась на поверку. Пленные были все в недоумении.

– Что случилось? Почему нас построили, не дожидаясь обеденного перерыва? – спрашивали друг друга.

– Ну, сейчас пузатый фашист разгуляется! Видишь, как расширепел? Аж слюной на всех брызжет! – обратил внимание Кости Николай. – Чем-то недоволен гад! Я догадываюсь. Сейчас будет допрашивать, но кого, посмотрим.

Все военные и гражданские служащие гаража вышли из конторы к строю пленных. Эстонец-переводчик подошел ближе к строю, перевел психоз пузатого военачальника.

– В машине господина офицера, – он указал рукой на машину, а потом на чурбака в немецком мундире, – похищен пакет сигарет. Костя быстро посмотрел на Николая. Тот ухмылялся.

– Господин начальник, – продолжал переводчик, – знает и предполагает, кто из русских их похитил. Он хочет, чтобы похититель добровольно сознался и вернул сигареты. За такую честность никаких наказаний не последует. Офицер поднял руку выше головы и указательным пальцем ткнул в небо. Сказав переводчику по-немецки много слов, повернулся к строю пленных и ждал, пока закончит переводчик:

– Господин-офицер говорит, что этот русский, должно быть, смелый парень и не побоится выйти из строя и вернуть сигареты. Если это будет сделано, он посчитает это храбростью и вознаградит храбреца пачкой сигарет.

Николай подумал: «Можно похвастаться храбростью перед всеми, но это ловушка – нема дурных». Он переступил с ноги на ногу, а Костя незаметно для других схватил его за руку.

– Не смей! – прошептал.

Из строя никто не выходил. Офицер топтался на месте, а все его сторонники притаили дыхание в ожидании дальнейших событий. Офицер, убедившись, что его хитрость провалилась, стал бегать перед строем, орать так, что слюна изо рта брызгала на пленных, и начал выдергивать некоторых из строя, приказав начальнику конвоя их охранять. Когда возле начальника конвоя оказалось десять человек, офицер потащил за руку переводчика и велел перевести: «Если вы не скажете, кто стащил с машины сигареты, каждый из вас будет раздет догола и получить здесь перед строем по двадцать палок. Кто первый скажет, тот будет много вознагражден». Когда из строя офицер вытащил сапожника и тот стоял возле начальника

конвоя и смотрел в сторону Николая, тот подумал: «Неужели продаст?» Шли минуты. Десятка молчала.

Чурбак после короткого молчания приказал через переводчика десятке раздеться. Тут сапожник сдрейфил и указал на Николая. Многие произнесли слово «сука!» в адрес сапожника. Конвойный вытащил Колесникова из строя и сапогом толкнул его к офицеру. Толстяк поднял небрежно голову Николая, сунул ему под подбородок пистолет, как рычаг, затем поднес пистолет к лицу Николая, сказал: «Ну?! Где сигареты?» Переводчик повторил. Николай наклонился и с силой дунул в ствол пистолета так, что свистнуло, и посмотрел в глаза офицера.

– Храбрец! – строго сказал офицер, оглянувшись на переводчика. Морда его обрела настороженное, напряженное выражение.

– Так где сигареты? Будешь говорить? – ткнул дулом пистолета в нос.

Мышцы Колесникова дернулись, кулаки сжимались, он удерживал прерывистое дыхание.

– Офицер! Коммунист! – свирепея, кричал толстяк.

– Я поступаю гуманно, но есть предел всему! – Он зажал пистолет в кулак и со всего размаху ударил Колесникова в ухо. Тот пошатнулся, но устоял. Тогда он отвернулся и приказал шоферу и начальнику конвоя раздеть пленного и всыпать ему палок. Те били, не жалея пленного. Шофер, выслуживаясь перед своим начальником, перестарался, после 20 ударов произвел еще два лишних. Боли у Николая слились в одну боль.

Чурбак, усевшись на крыльце, курил и молчал, пока били Николая. Лицо его покрылось брезгливыми морщинами, не то стало угрюмым, старчески озабоченным... Даже когда сапожник поднес ему упаковку сигарет, он безответно принял и не отблагодарил. Избитого Николая одели трое его друзей и отвели в гараж, где он пролежал на выброшенном сидении из автомашины до вечера. По окончании рабочего дня Николай пришел с бригадой в лагерь. Всю дорогу его поддерживали под руки и помогали идти Костя и Алексей. Только перед сном он заговорил с Костей:

– Скажи этому сапожнику, пусть сапоги пошьет за те сигареты, что вернул пузатому офицеру. После этого я прошу ему его трусость. Меня, наверное, переведут в другую бригаду, на тяжелую работу. Бугор постарается от меня избавиться.

– Да, Николай, наверно, ты несчастливый, – жалел друга Костя.
– Счастливый тот, кто спит на прекрасной женской, ласковой руке! Моя подушка – мой кулак, из года в год! Ничего! Переживем и это! Улыбнется еще счастье, Костя, и на нашей улице будет праздник! – кривясь от боли, сказал Николай. – Побег нужно готовить ради этого!

Глава 13

Как и предполагал Колесников, на следующее утро бугор заявил ему:

– Тебя из бригады исключили! Больше в гараж работать не пойдешь! Не сумел удержаться в бригаде – пеняй на себя! Сам виноват!

Старший полицай подошел к бригаде, забрал Колесникова и увел в бригаду, которая работала на лесозаводе. Новая бригада, незнакомые люди, бессонная ночь, боль от вчерашних побоев тягостно отразились на настроении Николая. До самого лесозавода шел он молча. Только уже на лесозаводе при распределении на работы он заговорил с бригадиром:

– Меня вчера на работе сильно избили немцы, отчего я сегодня болею. Прошу тебя, поставить меня на легче работу до выздоровления...

– Все новенькие в бригаде начинают свое крещение с запани. Бери багор и пойдешь таскать из воды бревна. Работа хоть тяжелая, но денежная! – с пренебрежением отнесся бугор на его просьбу.

На первый раз пришлось повиноваться. В течение десяти дней Колесников наравне с другими таскал из воды бревна. С работы приходил всегда уставший, мокрый, но с уверенной мыслью, что с лесозавода бежать удобнее, чем с гаража, о чем ежедневно внушал друзьям и советовал им переходить в его бригаду. Друзьям не хотелось идти работать на лесозавод, зная о тяжести труда из рассказов Николая, но он в спорах доказывал преимущество в возможностях убежать:

– Во-первых, лесозавод находится на окраине города, далеко от лагеря. В случае побега конвой долго не получит помощи из лагеря, отчего нам легче добраться к цели. Во-вторых, не больше километра

от завода имеется лес, в котором удобно и надежно скрыться от погони немцев. В-третьих, территория завода большая, завалена штабелями леса и пиломатериалов, за которыми удобно маскироваться при побеге. Охрана стоит редко, и видимость для них паршивая. Поверка бывает только в обед, и если убежать после проверки, то конвой узнает только в конце работы, при построении для ухода в лагерь. Бугор тоже не скоро обнаружит, так как бригадники разбросаны по всему лесозаводу. Так что условия для побега значительно лучше, чем в гараже.

Разговор на эту тему продолжался несколько дней. Колесников сумел убедить друзей, и они в течение недели поочередно перевелись в бригаду лесозавода, где всегда был дефицит в рабочих из-за частой болезни пленных...

Весна встретила с летом теплыми солнечными днями. Первые дни июня были похожи на последние дни мая. Жаркое солнце обогревало землю, а вместе с ней и все земное. Легче жилось и легче дышалось. Даже в неволе, при ежедневном голоде и страхе перед вооруженным врагом пленные чувствовали свободнее. Многие мечтали о побеге на родину, о встрече с родными, о возвращении в Красную Армию или в партизаны для продолжения борьбы с коварным врагом, который еще больше насолил каждому за время плена. Но побег – сложная процедура, не каждому удастся, и не все решаются. Побег – это риск, который сулит свободу и счастье или смерть, в лучшем случае несчастье и мучения. Чаще всего настигала вторая часть риска. Когда Колесников предложил вторично бежать матросам Раулю и двум старшинам, те ответили: не будем рисковать.

В середине июня в нашей четверке все было подготовлено к побегу. Купленная одежда и пошитые сапоги были перенесены на лесозавод и припрятаны в штабеле бревен. Намеченный день пришел. Немцы, как всегда, построили всю бригаду, пересчитали пленных и, убедившись, что все в наличии, разрешили бригаде расположиться на отдых у штабеля бревен на солнечной стороне, а сами собрались в кучу возле повара за получением горячего обеда, привезенного из части.

Пленные, пригревшись на солнышке, кто сидя, а большинство лежа, дремали, используя обеденный перерыв для отдыха. Конвойные, получив горячий паек, гремели ложками в котелках, смаковали, громко разговаривали и смеялись. Некоторые от горячей пищи

и жаркого солнца вспотели, сняли кители и сидели в майках, поглаживая пузо. За обедом не очень следили за пленными, а только изредка посматривали, поскольку в течение почти года не было случаев побега.

Колесников с друзьями расположились на отдых с краю бригады в конце штабеля. Никто из них не дремал, а следил за движениями немцев. Первыми незаметно заползли за штабель Николай с Костей. Через минуту то же сделали Алексей с Сашей. Оказавшись все четверо за бревнами, быстро пошли к месту, где была спрятана одежда. Захватив одежду в руки, бросив колодки и одев сапоги, побежали к лесу без оглядки. В это время один из немцев заметил, что в конце штабеля оказалось пустое место, где раньше лежали пленные. Он обратил внимание на это других конвоиров. Начальник конвоя прервал обед и построил бригаду на поверку.

Дважды пересчитал – четверых не хватало. Бригаду окружили и велели сидеть. Один конвойный с собаководом побежали за штабель в поиски. Увидев брошенные с ног колодки, они посмотрели в сторону леса и увидели четверых беглецов. Застрочил автомат конвойного, залаяла овчарка, пущенная по следу, но друзья уже были далеко. Услышав стрельбу, ребята быстрее побежали к лесу. В лесу разделились попарно и разошлись в разные стороны, путая следы от собаки. Как было условлено, ночью они должны выйти к железной дороге, идущей от Таллина до Нарвы, встретиться у семафора за станцией и потом вместе следовать до Ленинграда. Николай с Костей углубились в лес, спустились вниз и попали на болото, заросшее камышами и кустарником.

– Это прекрасно, Костя, что болото. Пройдем по воде, зайдем подальше в кусты и скроем след. Собаки на воде нюхом не учуют след, а немцы не полезут в болото.

– А как Алеша с Сашей? Где они укроются от погони? – заботливо беспокоился Костя.

– В лесу скроются, если сообразят. Главное, запутать следы от собак, а для этого лучше всего проточная вода или пыльная дорога, если след посыпать табаком. Должны сообразить – не маленькие. Завтра утром или ночью встретимся, и они расскажут, как укрылись, – успокоил Николай Костю.

Оба молча, проваливаясь до колен, удерживаясь за ветки кустов, продвигались вглубь болота. Пройдя порядочное расстояние, вы-

йдя на более твердое место, остановились, посмотрели друг на друга, вздохнули и сели на ветки куста. Немного отдышались, заговорили шепотом:

– Я весь по пояс мокрый.

– Я тоже. В сапогах полно воды с грязью. Давай снимать сапоги, так для ног будет легче, и сапоги немного просохнут. Дальше не пойдем, пока не потемнеет, – предложил Колесников.

Глава 14

Стрельба конвойного не достигла беглецов, расстояние уже было в пользу русских. Собаковод вернул свою овчарку и вместе с автоматчиком вернулся к начальнику конвоя с докладом:

– Четверо убежали в лес! Нам уже их не догнать!

Начальник конвоя позвонил по телефону в лагерь. Тревожная весть взбудоражила лагерное начальство. Десять мотоциклистов с автоматами и пятью собаками выехали на место побега. Тыкая собак мордами в брошенные колодки пленных, собак пустили по следу, а сами на мотоциклах последовали за ними.

Добежав до леса, собаки бросились в разные стороны. Мотоциклисты разделились на две группы, тоже поехали в разные стороны за собаками.

Две собаки, а за ними мотоциклисты добежали к болоту и остановились. Собаки крутились на месте, лаяли, а мотоциклисты начали стрелять в сторону болота. Лай собак, гул мотоциклов и стрельба доносились до двух друзей, которые сидели под кустом на болоте и сушили сапоги. Потом это доносились к ним с другой стороны болота, то ближе, то дальше по мере передвижения немцев. Но на болото так никто и не пришел – ни собаки-овчарки, ни кобели-солдаты. К вечеру не стало слышно лая собак, трескотни автоматов и мотоциклов.

– Ну, слава Богу, пронесло мимо! – шепотом сказал Костя...

Вторая группа мотоциклистов, оставив машины на опушке леса, бежала за собаками в глубь леса. Около часа они путались за собаками между деревьями, придерживая на животах автоматы. Собаки, чую свежий след и ожидая вблизи добычу, бежали все быстрее и

усиливали свой лай. Солдаты, чем дальше уходили в лес, тем больше теряли свою храбрость, трусливо всматривались между деревьями и крепче цеплялись за автоматы. Перевалив еще через одну возвышенность, на склоне горы собаки настигли двоих до предела усталых людей. Прыгая на спины русских, собаки рвали на них одежду, сбивали усталых с ног. Отбиться от собак и бежать дальше было невозможно слабым и уставшим. Скоро окружили Алексея и Александра немцы. Старший дал по ним над головой очередь из автомата. Пришлось вторично идти в плен. На опушке леса возле мотоциклов ребят избили, связали и на мотоциклах привезли в лагерь. Вечером после ужина на общем построении лагеря ребят раздели полицаи, по указанию коменданта публично дали по двадцать горячих палок и чуть живых бросили в карцер. Такое нормативное наказание было для всех беглецов, кто пытался неудачно бежать из лагерей.

Перед роспуском пленных из строя в казарму комендант лагеря через переводчика объявил:

– Двоих пленных, которые бежали вместе с этими, застрелили в лесу за оказанное сопротивление немецким солдатам. Их тела съедят в лесу звери. Они не заслуживают похоронения!

Олег, толкая Кириллу в бок, с иронией в адрес коменданта громко высказался:

– Мели, Емеля, твоя неделя! Если бы тех двоих поймали и застрелили, то их тела обязательно приволокли бы в лагерь на показ. А то наверняка двое тю-тю и след простыл! Ищи ветра в поле!

– Это ты говоришь правильно. Убитых беглецов привозят в лагерь и ложат у ворот, чтобы все видели, уходя на работу, – подтвердил усатый украинец.

Напрасно старался комендант с переводчиком правдоподобно соврать, никто из пленных на этот раз не поверил им. Многие интересовались, спрашивали у бригадников лесозавода, кто и как сбежал. Всю неделю велись разговоры в лагере о побеге, и многие одобряли поступок убежавших, желали счастливого пути. Олег, Рауль и Кирилл, когда точно узнали, что убежал Колесников, завидовали ему и рассказывали пленным о его смелости, честности и преданности Родине.

– Этот парень – умница. Он пройдет к своим! Смелости ему не занимать. Убийство немцев в лагере – его почерк! – так говорили они о Колесникове.

Глава 15

Мазурец и Колесников поглядели на дали, утонувшие в синей мгле, на усыпанное звездами небо, на полную луну, поднимавшуюся над горизонтом выше леса, на млечный путь, протянувшийся через небосвод, и постепенно в их души входило умиротворение, спокойствие и блаженство.

– Твои слова, Костя, дошли до бога – пронесло немцев мимо нас. Что ж, дружище, будем выходить с болота! Холодно становится от сырости. Пора двигаться в задуманный путь.

Костя схватил друга за руку, когда тот уже поднялся с места, и стал обувать сапоги.

– А если немчуря притаилась в засаде и выжидает нас? Может быть, еще посидим до полуночи? – дрожа от холода и страха, говорил Костя. – Не может быть, чтобы фрицы сидели в лесу ночью так тихо. При этой тишине мы все равно услышали б их присутствие.

– Обувай сапоги! Пойдем, на ходу согреемся, а то ты весь дрожишь от холода. Или от страха?

– И то и другое, – ответил тихо Костя.

Медленными шагами, не шлепая по воде, измеряя палками глубину и жесткость болота, шаг за шагом друзья выходили из болота – в сторону луны. Под светом луны они вышли из леса на дорогу, по которой ехало две запоздалых подводы. На передней телеге сидела немолодая женщина и правила лошадей. На второй подводе никого не было, и лошадь, привязанная длинным поводом к передней телеге, везла пустую телегу. Женщина ехала из города в сторону, куда нужно было идти ребятам, чтобы выйти за город к семафору железной дороги. Ребята как-то не задумываясь, без слов посмотрели друг на друга, поняли свои мысли и, когда мимо них проехала первая телега, они сели на вторую и посмотрели на хозяйку.

Женщина оглянулась еще раз на ребят, увидела, что они сели на телегу, ничего не сказала и быстрее погнала лошадь. При свете луны она плохо осмотрела своих неожиданных спутников и была довольна, что не одна в поле в такое позднее время. Ребята тоже очень были довольны, что быстрее и легко удаляются от города в нужную им сторону и, сидя на телеге, отдыхают от усталости. Лошадки бежали трусцой, телеги негромко громыхали по накатанной грунтовой дороге. Через некоторое время на дороге появился свет.

Две фары автомашины быстро приближались навстречу телегам.

– Что будем делать? – второпях задал вопрос Костя. – Может быть, в машине немцы или хозяйка обратится за помощью к тем, кто в машине.

– Посмотрим. Пока сиди не тушуйся. Если машина будет останавливаться или хозяйка остановит подводы и пойдет навстречу машине, тогда будем бежать в поле, а пока ложись на телегу, а я пока наброшу на себя вон ту подстилку, что взадку телеги.

По приближении автомашины женщина свернула лошадь на обочину дороги, а за ней сошла и вторая лошадь, и поехали шагом. Она посмотрела на заднюю подводу и на ее пассажиров и продолжала править передней лошадей по обочине, пока не прошла мимо автомашина. Машина была грузовая, и полный кузов немецких солдат. Ребята немного струсили, когда автомашина убавила скорость, объезжая подводы, но, когда прошла уже мимо, Костя сел рядом с Николаем, хлопнул его по плечу и обрадовался: «Опять повезло! Теперь едем до того леса, что виднеется впереди!» Когда подводы свернули с дороги вправо на проселочную дорогу в сторону хутора, не дойдя до леса, ребята спрыгнули с подводы и помахали хозяйке руками: мол, прощай, большое спасибо! Женщина взаимно махнула им рукой и погнала лошадь рысью. Грохот телег все удалялся и удалялся от наших спутников, а они, сворачивая с дороги, шли на восток к видневшемуся на горизонте лесу. При свете луны казалось, что лес близко, а дошли к нему только к утру, когда луна уже давно зашла сначала за тучу, а потом совсем спряталась за лесом. Лунная сторона стала темная, противоположная снизу отсвечивала синевой, и все делалось синее и светлее. Ребята шли к светлой стороне, зная, что это восход солнца, а им и нужен восток. Лесом дошли до того места, где зимой готовили дрова для лагеря и грузили на железнодорожные платформы. В этом месте ближе к семафору и была договоренность встретиться с Алешей и Сашей.

Они пересекли железную дорогу, которая влево пошла на Таллин, а вправо на Нарву, пошли широкой лесной просекой ближе к семафору и засели в кустах ожидать своих друзей. Просидели порядочное время. Часов у них не было, но за это время прошло по железной дороге на восток два грузовых эшелона, а в сторону Таллина один поезд с порожняком. Алеша с Сашей не подошли и звуков не подали.

– Неужели немцы поймали ребят? – беспокоился Костя.

– Все может быть. В таком лесу можно уйти от преследования солдат, но от собак трудно. Это нам повезло, что попало болото.

– А ты, Николай, рискованно полез в болото, я бы сам никогда не пошел бы скрыться в такое место. Ведь в сухом лесу легче бежать.

– Легче, да опаснее, как видишь! Учись, Костя, пригодится!

– Наверно, они не подойдут? Давай пойдем вдвоем. Может быть, встретим их по пути в лесу. Вчетвером было б веселей идти! Жалко! Все же они наши друзья, доверились в беде и опасности на побег, – с грустью заговорил Костя, натягивая до колен голенища брезентовых сапог.

– Безусловно, жалко ребят, хотелось как лучше, а получилось плохо...

Утро было солнечное, лесное. Шли густым лесом, спеша удалиться от Таллина, где могли их разыскивать немцы. В лесу было тихо, только легонько поскрипывали от ветра деревья да слышались собственные шаги.

Эта тишина казалась страшной. Они так отвыкли от тишины, что она казалась им опасной. С трудом передвигая ноги, Николай уверенно шел вперед, знал, куда он идет, и был готов идти вот так много дней вперед. У него болела от усталости после болота спина, шея, плечи, болело все, что могло болеть. Костя шел вслед за ним, надеялся на него, что он ведет верно, на восток, к своим без карты и компаса.

Привал сделали около людского жилья, впервые за день попавшего в лесу. Очень устали и очень хотелось есть. На краю не распаханной под огород пустоши, чем-то уже засеянной, стояла старая изба. Тут же неподалеку был и колодец со спущенным в него ведром.

– Наверно, в колодце висит ведро с молоком, – догадываясь по опыту, сделал вывод Колесников. – У эстонцев многие летом хранят молоко в прохладных колодцах. Когда я первый раз бежал, то мы с ребятами вынимали из колодцев молоко, и так питались.

– Не мешало б и сейчас ведерочка молочка, да с мягким хлебом попить досыта. Чертовски хочется жрать, – сознался Костя.

– Наверное, нужно попытаться в этом доме достать кушать. Ты посиди здесь, а я пойду! – рискнул Николай. Оставив друга в кустах, он пошел в избу. Она состояла из двух комнат, дверь во вторую была закрыта. В первой комнате в углу висела божница с бедными, без риз иконами. На широкой лавке сидел строгий старик – чинил

лошадиную упряжку. Лицо его было изрезано морщинами, глубокими, как трещины, а на худой шее на медной цепочке висел нательный крестик.

Маленькая, яркая женщина, наверное, дочь или сноха, пекла на сковородке картофельные блины. Николая она встретила поклоном, после чего он поклонился ей и показал на руках, что хочет есть, поскольку он не мог сказать по-эстонски. Старик сразу заметил, что Николай не немой, а русский и сказал ему по-русски:

– Ты просишь, чтобы тебя покормили?

– Да! Я прошу, нельзя ли чего-нибудь собрать нам покушать. Я не один. Там в лесу мои товарищи, – он сказал «мои товарищи», чтобы хозяева подумали, что их много и дали побольше продуктов.

– Чем же угостить теперь, молочком только да вареной картошкой, – старик сокрушенно развел руками. Вот с печки вытащим блины, первую сковородку тоже можно взять.

Он сказал что-то по-эстонски женщине. Та вытащила из печки чугунок с уже заранее, наверно для себя, сваренной картошкой, потом налила с бадейки молоко в кувшин. Картошку с чугунок высыпала в матерчатый мешочек, блины сложила в бумагу и все это подала Николаю.

Он все взял в руки, посмотрел ласково в глаза женщине и вежливым приятным голосом произнес:

– Большое вам спасибо за помощь! Русские этого не забудут!

– Кушайте на здоровье!

– Идите с богом! – ответил старик Николаю вслед. Костя смотрел из кустов на избу, переживая за друга и с нетерпением ожидал, когда тот вернется. Какие только мысли не появлялись в его голове: может, в доме полицаи эстонский и Николая арестуют? может, какой враг русских сообщит немцам или полиции – придется убежать от погони, а силы наши измотанны?

Когда Николай вышел из избы с грузом в руках, Костя забыл об осторожности, бросился ему навстречу. Николай шел медленно, улыбался и похвастался другу «Сейчас покушаем, как в ресторане, – вкусно и досыта. Во избежание опасности на всякий случай уйдем подальше в лес». Он передал Косте кувшин с молоком, и быстро удалились от людского жилья... На выбранном месте остановились, вкусно поели. Жадность аппетита еще требовала еды, но друзья решили: есть будем понемногу, но чаще, чтобы не заболеть.

Во время еды прислушивались к лесной тишине. Не обнаружив никаких посторонних звуков, ребята успокоились, убедились, что им не грозит здесь опасность, легли спать.

– После сытного обеда не мешает поспать! – шутил Костя. – Наши предки делали то же самое!..

Свежий лесной воздух, тепло ласкового солнца, удовольствие от еды и чувство свободы быстро укачали спутников. Прижавшись друг к другу, они спали так сладко, как спит человек после возвращения домой из дальней командировки, или ребенок, попивший молочка из груди матери...

Восемнадцать суток шли ребята по эстонской земле, в основном ночью, осторожно, прислушиваясь к каждому шороху в лесу, скрываясь от каждого силуэта на опушках или на берегах рек. Ориентиром направления пути была железная дорога. Железнодорожные мосты обходили стороной, вплавь и брод пересекали речки. Жилые поселки станции проходили ночью, одновременно добывали там питание. Вдохновленные успехом побега, приближенные к заветной цели, испытывая чувство свободы, получше питаясь, ребята поправились и чувствовали себя бодро.

Глава 16

Восемнадцатое утро пути двух лесных обитателей было теплое, но туманное. Восхода солнца еще не было, или же его не видно было из-за густого тумана. В лесу пели разные птицы, каждая свою песенку на свой мотив. Сильнее всех пел маленький соловей. Под его трели ребятам легко было идти по лесной дороге. Весь природный лес был искорежен немецкой авиацией, будто прошел над ним ураган неслыханной свирепой силы. У многих деревьев были сбиты вершины. Иные деревья замертво лежали на земле, как богатыри на поле брани. Два могучих вяза, точно санитары под руки, выносили к опушке тяжело раненный молодой дубок. Несколько домиков, стоявших у леса, были раскиданы бомбами до последних венцов; могучие русские печи рухнули, засыпав кирпичной крошкой ограды. Рядом у самой вершины искалеченной березы висел неизвестно каким чудом занесенный туда измятый и ржавый лист

кровельного железа с какой-то крыши. Всюду по лесу и вокруг него зияли воронки, виднелись остовы сгоревших машин, валялись тяжелые оси да колеса. Даже зима нисколько не сгладила следы боя. Ребята остановились, осмотрели местность.

– Вот это был бой! Наверно, наши дрались с фашистами за эту первую русскую деревню, – с гордостью сказал Костя. – Стало быть, мы вышли на русскую землю!

– Теперь можно на родной земле легче вздохнуть!

– Даже умереть не страшно! – и Николай крепко пожал руку Кости. Тот в ответ обнял его и сильно похлопал по спине. Это была радость людей, дошедших до родной земли.

– В этих местах наверняка есть народные мстители, которые платят немцам за их вот такие злодеяния?

– Должно быть, есть! Может быть, по пути к Ленинграду встретим в лесу. Ты как, не возражаешь остаться воевать в партизанах? – ответил Колесников вопросом на вопрос Кости.

– Если встретим партизан, то обязательно пойдем с ними. Это, считай, нам повезет! Быстрей начнем по-новой бить фашистов на своей земле.

– В таких местах шныряют и каратели, выслеживают народных мстителей. Нам нужно смотреть в оба глаза и на день забираться поглубже в лес, – как будто предостерегая Костю, высказался Николай.

– Все равно на своей земле свободнее и быстрее можно двигаться, можно расспросить, поговорить с надежными людьми, попросить поесть. Наша одежда не так будет бросаться в глаза прохожих, так как красноармейскую одежду носит мирное население. Вообще свои люди всегда помогут в беде, – с удовольствием и душевной радостью высказался Костя.

На день они зашли поглубже в лес, нашли местечко, где была высокая, мягкая трава и остановились на отдых. В душе была какая-то приятная тревога, а в голове каждого расширились местные воспоминания, от которых не могли долго уснуть. Костя рассказывал Николаю о своей деревне, о колхозе и закончил рассказ воспоминаниями о любимой девушке:

– Черная, остроглазая, яркая и смешливая властительница дум всей семьи нашей. Одевалась она по-городскому, была соблазнительно сложена, умела напускать на себя грусть и веселье, вечерами

пела в парке. Встречалась со мной на улице или в колхозном парке. При людях, в колхозном клубе, она потупляла взор, то обжигала меня быстрым взглядом. Однажды я со стучавшим сердцем облапил ее в коридоре колхозного клуба, она убежала, а на следующий день подошла и шепнула: «Если любишь, то скажи мне ласково по-человечески». Я был ошеломлен ее словами. Стал встречаться с ней чаще на лугу. Днями бродил усталый, побледневший и даже исхудал так, что даже мать заметила перемену в сыне. Христина заявила мне о своей беременности через три месяца после нашей встречи на лугу. Она не спрашивала, что делать. Зло и как будто обвиняя меня она требовала обеспечить жизнь ее и будущего ребенка... Я не смог это сделать – ушел на службу в армию. Как и где она теперь с ребенком?.. Немцы давно захватили нашу область. От села, может быть, осталось то, что видели мы с тобой утром... Как хочется узнать о ее судьбе, о родном крае, о родных!

– А моя жизнь, Костя, как дальняя дорога! – начал рассказ Николай. – В свои двадцать два года я много успел повидать, испытать и немного сделать, при этом половину здоровья успел потерять из того запаса, что отпущен человеку, но только любовь и преданность к родине сохранил полностью. По молодости городские юноши и девушки стремятся учиться в вузах, видят в этом легкое будущее, успех в жизни, обязательно престижную должность, исключительно красивую работу. Я на это смотрю по-иному. Учиться в вузах обязательно нужно. Образованный человек становится способным инженером, успешно работает на производстве, увлекается историей родного края, литературой, искусством. Его знания, энергия, инициатива в будущем пригодится народу и своей родине. Вот для этого, я думаю, нужно и буду учиться, если буду жив. Наука открывает нам мир удивительных людей, быть может, не слишком известных при жизни, но замечательных по своему характеру, моральному облику. Раскрывая их внутренний мир, изучая их деятельность, заставляешь себя сверять свою деятельность с жизненными устремлениями и поступками замечательных людей, учишься честности, благородству и высочайшей требовательности к себе. У образованного, культурного инженера необыкновенно широкий круг интересов, из года в год повышается работоспособность, он сохраняет свежесть и непосредственность мышления, производительность труда. Грамотный, культурный человек – современный человек в ритме вре-

мени... Все дело в высочайшей целеустремленности в отношении к труду, в умении беречь время, а это делает образованный человек.

– Ты, Николай, говоришь, как по книжке читаешь. Недаром тебя в замполиты назначили, – шутил Костя.

– Прошу не перебивай мысль, я не кончил, – тоже шутил друг.

– Надо сказать, что очень большую воспитательную работу нужно проводить в семье, в школе, в комсомоле, если говорить о подготовке молодежи к трудовой деятельности. Ведь есть подвиг в усилиях, помноженных на годы, счастье каждодневного преодоления... Значительные достижения в любой работе приходят в результате подвига повседневности, высоконравственного отношения к труду. С этой задачей могут справляться только грамотные, сознательные родители и педагоги. Люди нравственно культурные, сознательные труженики вырастают в семьях, где царит глубокое уважение к книге, где на первом месте учеба-наука. С развитием науки героем в современности все чаще становится ученый-инженер. Призвание есть счастье человека. Желание и умение найти и реализовать свои способности. Круг духовных интересов и нравственности личности, счастья труда и честью выполненного долга перед людьми... Все эти вопросы взаимосвязанны и актуальны в мирное время. Потому что истина нравственности лежит в сфере совпадения личных интересов и потребности человека с общественными интересами. И там, где стремление выполнить свой долг добровольно, подсказано самим сердцем, там человек реализует себя полностью, испытывая при этом чувство радости и счастья, полный причастности к жизни. Нравственность есть отношение силы разума к силе чувств. Чем сильнее чувства и чем ближе к нему разум, тем больше человек в его человеческом деле. Учеба – это большой труд, в котором завоевывается радость, серьезность, увлечение, страстность. Вот почему я хочу учиться в вузе.

– Ты мне прочитал целую лекцию, от которой захотелось спать. Я уже даже задремал, – сознался Костя.

– Эту лекцию читали нам в институте, и я попробовал ее вспомнить, рассказывая тебе – проверил свою память, – тоже согласен Николай. – Если нам повезет преодолеть все преграды на нашем пути побега, если мы доберемся живыми до своих, я после победы над Германией постараюсь продолжить учиться в строительном институте...

– А ты надеешься на победу над Германией? – после длительно-го молчания спросил Мазурец, интересуясь мнением друга.

– Гарантирую! В победу я верю, как сам себе! Поэтому я и мыслю, планирую жизнь дальше после победы. А жизнь, я думаю, будет красивая!

– Эх, дожить бы до этой победы! – глубоко вздыхая, произнес Костя.

В такой интересной беседе друзья забыли об отдыхе и спохватились, когда солнце высоко было над лесом.

– Давай разговор оставим на завтра, нужно нам уснуть и как следует отдохнуть, – предложил Костя, поворачиваясь на другой бок.

Глава 17

Первым проснулся Николай, когда солнце село за лесом. Хотелось кушать, но запасы исчерпались еще утром. Он разбудил Костю, и вместе пошли на опушку леса, чтобы засветло рассмотреть местность в сторону востока. Пройдя небольшое расстояние, перевалив через два холма, они увидели небольшую деревушку. Она раскинулась на низком холме, темно-зеленые сады были облиты красным светом заката, над крышами изб курились дымки, а по гребню холма на фоне заката паслись лошади. Деревенское кладбище подступало совсем близко к дороге. Деревня была маленькая, а кладбище большое – целый холм был в крестах, обломанных, покосившихся, старых, вымытых дождями и снегами. Эта маленькая деревня и это большое кладбище и несоответствие между тем и другим – все вместе взятое потрясло их души. Острое и болезненное чувство родной земли, которая уже истоптана немецкими сапогами, переворачивало их сердца.

Представить себе эту землю немецкой, хотя немцы уже пришли сюда, было невозможно. Такое множество безвестных предков легло под этими крестами, один на другом веками, что эта земля была своей вглубь на тысячу сажений и уже не могла, не имела права стать чужой. Что же будет дальше?! Если все так началось и уже идет год, то что же произойдет наконец со всем, что они любят, среди чего росли, ради чего жили со страной, с народом, с армией,

которую они привыкли считать непобедимой, с коммунизмом, который поклялись истребить эти фашисты.

Они не были трусами, но, как и миллионы других людей, не были готовы к тому, что происходило. Страшные тяжести года войны и плена не смогли раздавить их души. Они рады были родной земле, любили родину, свой народ и волновались за его будущее... Они долго молчали, смотрели на все, что оказалось перед ними, и Николай наконец высказал свое сложившееся издалека впечатление, когда осмотрел деревню: «Немцев не видно, но люди в деревне есть». За четверть часа, что он наблюдал, из крайнего домика два раза выходила женщина и поглядывала в небо, видно, прислушивалась к самолетам. Потом, выбежала девочка и снова забежала в дом. Больше никого в этом доме не видно.

– Что ж, пойдем в дом, – сказал старшина Костя.

– Может, я один в дом зайду, разведую, – остерегался Николай.

– Раз немцев нет, пойдем прямо в дом вместе. Мы люди или не люди? Это унижительно идти в какую-то еще разведку у себя, на собственной земле, в дом, куда раньше до войны из нас любой не колеблясь, в любой минуту мог зайти, – высказал уверенно Костя. – Не верю, чтобы там сволочи были, – сказал он и пошел первым. Дошли до хаты, постучали в дверь, которая после пробы открыть оказалась закрытой на щеколду. Испуганно отодвинувшая щеколду девочка увидела широкоплечего человека с худым лицом. Позади низкого человека стоял еще один почти такой же. Увидав испуганные глаза, Костя мягким голосом попросил:

– Пусти нас в дом, мы замерзли.

Девочка распахнула дверь, и они зашли в избу, окинув быстрым взглядом. Изба была деревенская: русская печь, широкая лавка по стене, стол, накрытый клеенкой, стенные полки с бумажными кружевами, два окна.

– Кроме тебя, здесь есть кто? – спросил Николай девочку.

– Есть, как не быть, – раздался за его спиной женский голос не очень пожилой женщины, которая в это время, очевидно, пряталась за дверь. – Здравствуйте! – произнесла она хриплым голосом, как после глубокого похмелья.

Николай посмотрел в упор на неприветливую хозяйку и решил потребовать здесь сполна все, что причитается получить от советского человека другому попавшему в беду советскому человеку.

– Что смотришь? Не радуясь вам? – спросила по-хамски хозяйка. – А чему радоваться? Наедут немцы – дорога тут прямая, – и будет нам с вами конец. Что тогда делать? Из-за вас, шатающихся, терпеть буду?

– Из дома не выгонишь – совести не хватит, – ответил Николай. – Покорми нас, чем богата, и мы уйдем быстро. Мы сутки ничего не ели. Везде в деревнях немцы да полицаи – нельзя зайти есть спросить, – соврал Колесников.

– А вы смелые! Кругом немцы да полицаи, а вы не снимаете военной формы, одели б гражданскую.

– Мы еще будем воевать в этой форме! – ответил со злостью Костя на насмешку нахальной хозяйки.

– Как сказать! – возразила она. – Садитесь, гостями будете! – а сама начала хлопотать у печки. Вытащила из печки чугунок и вывалила из него на стол горячую картошку в мундире. Потом достала из-под лавки ведро и положила из него в миску соленой капусты, тоже поставила на стол. – Вот все, чем богата! Не обессудьте! Кушайте! Хлеба нет! Сами позабыли, какой он на вкус, – с иронией выговаривала она ребятам, провожая дочь на улицу за водой.

Девочка возле дверей подтянулась на носочках к уху матери и что-то ей сказала. Мать тоже ей что-то прошептала и, посмотрев на гостей, сказала дочери вслух:

– На улице уже темно, быстренько возвращайся в избу.

Тем временем неприглашенные гости уже ели картошку с капустой, сидя за столом.

– Садитесь с нами за компанию ужинать! – пригласил Костя хозяйку.

– Спасибо! Кушайте сами, вы же торопитесь, или, может быть, заночуете? Я пока вам зажгу лампу.

– Нет-нет! Свет не зажигайте! При свете нас кто-нибудь увидит в избе, и вам будет потом неприятность, – возразил Николай.

– Я не очень боюсь неприятностей, ко мне часто заходят мужчины, я их обожаю, – заигрывая и подмигивая, высказалась хозяйка. – В моих годах скучно жить без мужика, а вот приходится.

Костя начал спрашивать собеседницу о муже, но в это время зашла в избу девочка, а за ней два полицаи с винтовками.

– Руки вверх! – заорал один из них. Николай и Кости бросились к окнам, но там уже стояли по два полицаи в каждом окне. Полицаи выстрелили из винтовки и приказал ложиться грудью на стол обоим.

– Не пугай стрельбой ребенка, – со злобой глядя на полицейав, сквозь зубы сказал Николай. – Холуи немецкие, предатели! Вше-стером с оружием пришли на двоих...

В избу вошли еще два полица и одели на ребят наручники. Костя пробовал уговорить полицию, чтобы отпустили, но они и слушать не хотели. Самый пожилой промолвил:

– Это мы не позволим и не имеем права. Что потом скажет она? – он показал на хозяйку. – Ведь она сообщила нам, что вы здесь. Девочка прибежала в комендатуру по ее указанию. Так что подчиняйтесь нам, не просите, а следуйте в комендатуру, там комендант решит, может быть, и отпустит...

Глава 18

В комендатуре допрос начался с того, что в пустой приемной комендатуры на Николая набросились два полица и зверски избили за то, что он назвал их предателями, немецкими холуями. Потом открыли глухую дверь и втолкнули его к коменданту. Тот посмотрел строго и приказал назвать себя.

– Я бежал из Таллинского лагеря, был в плену там, – доложил Колесников.

– Я вижу, что ты с лагеря! Коммунист? Комиссар?

Колесников, как при каждом допросе, отвечал: беспартийный. Как и другие, он называл себя рядовым красноармейцем. Он боролся за жизнь и знал, что немцы евреев, комиссаров, коммунистов расстреливают. Он боролся за жизнь для того, чтобы при первом удобном случае бежать к своим и вновь с оружием в руках бить ненавистного врага.

На крестном пути, пройденном Николаем за время плена, ему не раз встречались такие изверги, предатели родины – полицаи. Легче было переносить побои от эсэсовцев – враги, палачи! Чего можно было ждать от них? Омерзительно чувствуешь себя, когда над тобой издевается, тебя мучает «русский», потерявший человеческий облик, добровольно ставший псом фашистов. Неохотно отвечая на подлые вопросы русского коменданта, Николай с нетерпением ожидал конца допроса.

– Я все сказал, и если не можете отпустить, то отправьте в лагерь к немцам, мне с ними приятнее разговаривать, – в конце ответил он.

– Ты мне не указчик! Я сам знаю, куда и когда тебя отправить, – орал откормленный комендант. Он вызвал полиция: – Одень на него наручники и толкни в карцер! Давайте следующего.

Через полчаса в карцер привели и Костю, тоже в наручниках, с подбитым глазом и кровью на губах.

– Что? Тебя били на допросе? – посмотрев на Костю, спросил Николай.

– Немного. Эта сволочь комендант сунул кулаком в зубы и ударил по глазам, когда я плюнул ему в рыло. Потом полицаи дали по ребрам прикладами по пути в карцер.

Не прошло и часу, как обоих друзей забрали из карцера обратно к коменданту. Там уже сидели два полиция с винтовками. Комендант сам лично проверил на руках наручники, надел еще одни на руку Николая, а второе кольцо на руку Кости, так сказать, сковал вместе:

– Ну вот и прекрасно, как под венец вас снарядили! Отправим вас, беглецы, в тюрьму города Тарту. Оттуда не убежите! Там двери металлические, толстые, всегда на замке!

Закованных в наручники конвоиры доставили на железнодорожный вокзал, через час посадили на проходящий поезд в пассажирский вагон, а ранним утром следующего дня подошли к ограде тюрьмы, в которую красиво вписывались крепкие ворота, закрытые на тюремный засов. На стук конвоиров в калитку ворот вышел старший надзиратель тюрьмы и вместе с пакетом от конвоира принял заключенных. Ребят в тюрьме посадили в подвал, до колен наполненный водой, где продержали почти сутки.

Голодные, в холодной воде темного подвала, ребята сильно заболели, ослабли, подолгу кашляли, держались на ногах с высокой температурой. Когда на следующее утро старший надзиратель, который закрыл ребят в подвал, пришел, чтобы их выпустить оттуда в камеру, он увидел русских, стоявших на коленях по шею в воде, опиравшихся руками о стенку. Испугавшись ответственности, он пригласил себе на помощь надзирателя, вдвоем вытащили сначала Костю, а потом Николая с подвала в коридор тюрьмы. Убедившись, что русские больше не могут стоять на ногах, они их положили на цементный пол коридора и вызвали тюремного врача.

После поверхностного осмотра врач дал указание отправить больных в тюремный лазарет. Как старший надзиратель, так и тюремный врач обеспокоились не ради здоровья русских, а ради своего благополучия, что их накажет тюремное начальство за прием больных русских в тюрьму от полицейского конвоя.

Глава 19

Рабочее время для служащих тюрьмы начиналось с девяти часов утра. Начальник тюрьмы, прокурор, следователи, конвойные-полицейские и подсобная служба являлись на свою работу без опоздания. Зная об этом, старший надзиратель вместе с дежурным врачом тюремного лазарета к этому времени подошел к кабинету начальника тюрьмы и ожидал его для доклада о русских. В точное время пришел начальник, которого стоя приветствовали подчиненные.

– Что случилось? – басом спросил начальник тюрьмы старшего надзирателя, увидев его обеспокоенное лицо.

– Разрешите доложить в кабинете! – скороговоркой произнес тот.

Начальник тюрьмы, не старый еще, красивый мужчина, потребовал докладывать здесь у дверей своего кабинета и немедленно.

– Ночью полицейский русский конвой доставил в тюрьму двух арестованных вот с этим пакетом! – он подал начальнику пакет левой рукой. – Конвойные мне сказали, что арестованных нужно содержать в тюрьме по их преступлению. В этом пакете якобы все сказано. Я арестованных принял и закрыл в подвал, поскольку они русские, для которых нет камеры. Какие будут ваши указания?

Начальник тюрьмы строго посмотрел на докладчика, вскрыл пакет и мгновенно его прочел.

– Болван! – выпалил начальник, опуская руку с бумажкой вниз. – Тебя русские полицаи одурачили! Это обыкновенные пленные беглецы, которым место в немецком лагере для военнопленных, а ты развесил уши и поверил, рад стараться принял в тюрьму. Сейчас же с конвоем отправьте в лагерь к немцам!

Надзиратель обиженно посмотрел на врача и просил взглядом доложить. Тот перешагнул с ноги на ногу, приподнял голову и негромко стал пояснять начальнику тюрьмы.

– Господин начальник! Русские тяжелобольные, с высокой температурой, теряют сознание, их нельзя сейчас конвоировать, да и немцы таких больных от нас не примут. Я по просьбе его, – он головой повернул в сторону надзирателя, – положил их в лазарет, им нужна врачебная помощь и, может быть, месячное лечение.

– Видишь, что ты наделал! – кричал начальник на надзирателя. – Нужно было этих русских полицаев заставить ждать моего прихода. Я бы этого не допустил! Теперь вот лечи этих русских большевиков! – он шагнул к двери кабинета, открыл ее, потом повернулся к виновникам и распорядился: – Раз дело сделали, теперь кормите, лечите русских. Когда можно будет конвоировать – мне доложите. В тот же день отправить в лагерь для военнопленных!

Еще раз строго посмотрел на подчиненных, приказал:

– Идите по местам службы, господа! Мое распоряжение о содержании русских в тюрьме и о вашем наказании будет мною изложено в сегодняшнем приказе!

Нервно повернулся, шагнул в кабинет, с силой закрыв за собою дверь. Шагая по кабинету несколько раз, измерял его вдоль и поперек, успокоил свои нервы, сел в кресло и закурил почему-то дамскую папиросу эстонской фабрики, отшвырнув на конец стола пачку немецких сигарет. Курил и думал: «Как поступить с русскими? Ведь они недавно воевали с немцами на эстонской земле, может быть, защищали город Тарту, а сейчас больные в моем распоряжении ждут от меня снисхождения. Могут русские войска разбить немца и вернуться в Эстонию. Что тогда?.. Нужно этим двоим помочь, содержать в лазарете до полного выздоровления и передать в распоряжение немцам». Такое распоряжение он изложил на бумаге.

Глава 20

Месяц и десять дней пролежали ребята в лазарете. Лечили их от воспаления легких и лихорадки, кормили от истощения и малокровия. Закаленные русские организмы выстояли и быстро стали поправляться – набирать вес. Койки их стояли рядом и ухаживала за ними одна медсестра, говорившая по-русски. Звали ее Гермой. Высокая ростом, с роскошным телом, не очень красивая, зато

были у нее добрые большие серые глаза и всегда веселая широкая улыбка. С ребятами была разговорчивая, в последнее время даже заигрывала, особенно когда провожала их в тюремную баню.

Сначала ребятам она не нравилась, но потом свыклись, и даже было жалко с ней расставаться, уходя из лазарета. Несколько раз Николай пытался узнать от Гермы о боях на восточном фронте, но она только улыбалась нежно и отвечала, что им запрещается беседовать с арестантами о политике и войне.

Тогда ребята снисходительно соглашались с ней, переводили разговор на другую тему, а в конце беседы просили принести им двойные порции рыбьего жира, если кто из больных эстонцев не будет пить. Рыбий жир помог ребятам быстро набрать силы и вес.

– Теперь можно опять бежать, только жаль, что с тюрьмы не выводят на работу в город, – улыбаясь, сказал Костя.

– Что, ожил? – шутил над ним Николай. – Сначала после подвала таких разговорчиков от тебя не было слышно, больше думал о смерти, – обнимая Костю за плечи, радовался Николай, что недавнее прошлое осталось уже позади.

– Скоро нас, наверно, отправят в лагерь к немцам, если верить словам старшего надзирателя. Не хочется опять в лагерь, но оттуда можно бежать.

– Вообще нежелательно, опять допрос, побои, карцер и все остальные бедствия, – с грустью ответил Костя.

– А что будем говорить на допросе, откуда и когда бежали? Нужно заранее условиться, заодно врать, – предложил он. Николай немало подумал, ответил:

– Будем говорить, что при немецкой части были в рабочей команде по заготовке дров на русской территории. После погрузки автомашины дровами машина в лесу сломалась и шофер, немецкий солдат, ушел в часть, а нас оставил без еды. Пошел дождь, мы намокли и захотели есть. Решили зайти в деревню просить кушать и посушить одежду... Там нас увидели русские полицаи и арестовали. Мы им пояснили все, но они не поверили и отправили в тюрьму, написав бумагу, что мы беглецы. Вот так мы оказались в тюрьме, а оттуда в лагере.

– Ты думаешь, что всему этому немцы поверят?

– Зато не будут знать, что мы бежали из Таллина, будут содержать в лагере Тарту. В Таллин не хочется возвращаться. Там за мной много грехов...

Костя уже знал из рассказа Николая, что им оба немца убиты в Таллинском лагере и ему нельзя туда возвращаться. Он завидовал его смелости и одновременно понимал опасение Николая оказаться в прежнем лагере. Через сутки после их разговора к ним в лазарет пришел старший надзиратель. Вместе с дежурным врачом и медсестрой Гермой подошли к их койкам. Как старый знакомый, надзиратель с ними поздоровался и спросил:

– Надоело вам лежать в лазарете? Наверное, Герма плохо вас кормит?

– Все наоборот, – ответил Николай.

– Пришел вам сообщить, что срок содержания вас в лазарете по приказу начальника тюрьмы истек. Приказано вас конвоировать в лагерь военнопленных, который находится в нашем городе. Получите у Гермы свою одежду и ожидайте, пока за вами придут конвоиры.

– А может быть, нас отпустите без конвоя! Мы сами найдем лагерь! всю жизнь будем благодарить вас за такую человеческую услугу, – просил Костя надзирателя на всякий случай, прекрасно понимая, что этого не случится.

– Такого не может быть! Не имею права! Прощайте! – и ушел с врачом и Гермой из лазарета. Скоро Герма принесла одежду, велела переодеться.

– Тюремную одежду оставьте на койках, я потом заберу в прачечную. Плохо вам будет в лагере, – сожалючи, сказала она, глядя на ребят слезными глазами. – Лучше вас держать в нашей тюрьме до конца войны. Война, наверное, скоро кончится, – высказала наконец Герма свое мнение.

Одежда была постирана, но не глажена, сапоги хорошо просушены. Только успели ребята одеться, как тут же пришел конвой. Оба были пожилые эстонцы, не разговаривающие по-русски.

Когда сели в тюремную машину, у ребят забились чаще сердца, вспомнилась лагерная жизнь, возник страх. Они махали, пока выехали из тюрьмы. Только в пути Николай нарушил тишину и продекламировал для себя и Кости тихим голосом стихотворение:

– Сердце! Зачем так трепетно бьешь?

Зачем ты так сильно болишь?

Почему к невозможному рвешься?

Зачем об ушедшем грустишь?

Порою в груди тебе тесно,
Готово ты грудь разорвать,
Чтоб улететь? Но куда? Неизвестно,
Где счастье и правду искать.

И хочется плакать от боли!
В слезах свою грусть утопить!
Безудержно рыдать о потерянной воле,
Где можно свободно жить и любить!

– Хорошее стихотворение, и ты его вовремя вспомнил, оно как-то смягчило мое беспокойство, ослабило напряжение нервов, – глубоко вздохнув, сказал Костя.

Машина остановилась, конвоир открыл дверку. Светом ослепило глаза ребят, а еще хуже зарезало глаза, когда увидели ворота лагеря и немецких солдат. Они прекрасно понимали от пережитого прошлого, что тюрьма есть тюрьма, где не балуют людей мягкостью и вежливостью в обращении, созданы угнетающие условия жизни и быта человека. Но это лучше, чем немецкие концлагеря для русских военнопленных, в которых ужасный быт, зверское обращение, издевательская жизнь людей с ежедневным убийством и массовой смертностью. Если кто не был в концлагере, тот не поверит рассказчику-очевидцу о тех ужасах режима издевательств, которые царили в лагерях над русскими. Скажет: преувеличивает, нагоняет страх. Разве можно в таких кошмарах выжить, как он рассказывает? Николай и Костя знали лагерную жизнь и тревожились, как бы не умереть на сей раз.

Глава 21

Лагерь военнопленных в Тарту располагался в конце города. Как и все немецкие лагеря, имел надежную ограду и охрану. Жили в нем узники в землянках. Кухня находилась внутри лагеря за колючей проволокой.

Лазарет для больных тоже был внутри лагеря, но выгорожен отдельно колючей проволокой и имел свои ворота, закрытые на замок.

Только полиция дежурили у ворот по очереди и могли заходить в барак больных. Вокруг лагеря стояли вышки с часовыми, вооруженными автоматами. На угловых вышках были установлены пулеметы и прожектора. По правую сторону ворот в лагерь стояло деревянное караульное помещение, а по левую – кирпичный карцер-изолятор. Над воротами издевательская крупная надпись «Добро пожаловать». По обе стороны ворот по ходу установлены шлагбаумы, за которые заводились бригады для обыска.

Использовали узников на работах по выгрузке угля, сланца из вагонов и на погрузке древесины на железнодорожные платформы. Больше половины лагеря гоняли на строительство железных и автомобильных дорог. Слабых пленных использовали на работах в лагере. Привезенных из тюрьмы сдали немцам как беглецов, так было написано в сопровождающей бумаге. Их завели в отдельную комнату караульного помещения, и после короткого допроса последовало наказание.

Той надуманной легенде, рассказанной в присутствии Кости, немецкое начальство не поверило, но и не стало добиваться, откуда именно бежали, так как побег были в разных лагерях. Дали им по двадцать палок по заднему месту и закрыли в карцер на двадцать одни сутки. Идти ребятам из караульного помещения в карцер было недалеко, но трудно после побоев. Поэтому им помогали два солдата толчками в спину. Карцер здесь был особый, построен по проекту фашиста-инженера, которому дай бог на том свете сидеть. Каждая камера карцера была на ширину дверей и уходила в глубину узкой норой. В ней из досок устроено два яруса нар. На нижнем ярусе, как и на верхнем, размещалось по одному человеку только лежа или сидя с подогнутыми под себя ногами. Залазить на нары можно было только при открытых дверях. Когда дверь закрывалась, то спуститься с нар или стоять в камере было нельзя. Свет в камеру попадал вместе с воздухом только через глазок в металлической двери. Колесников шел впереди, и его заставили нырять на верхние нары, а Мазурца на нижние. Когда закрыли солдаты дверь на замок, в камере стало темно и душно.

– Вот это нора-а, как для кротов, ни света, ни воздуха. Тут двадцать одни сутки не выдержишь. Нужно что-то придумать.

– А что придумаешь? Подождем, и больше ничего не сделаешь, – ответил Костя.

– Не подохнем! Не паникуй! Не для этого мы русские, что-нибудь нам поможет. Мы должны жить, Костя! – подбадривал себя и друга Колесников. – Вот плохо, что доски нестроганные и жесткие, да хвостовое оперение болит, нельзя сидеть, все время придется на боковой.

От этих слов, сказанных Колесниковым для юмора, Костя рассмеялся:

– Ну ты молодец! Даже при глубоком горе ты находишь силы шутить. С тобой верно не умрешь!

– Конечно, не умрем! Эти сутки нас кормить не будут, а потом через сутки получать будем от Гитлера посылочку-баланду с эрзац-хлебом и как-нибудь ноги протянем.

– Вот-вот! Именно протянем ноги и вывезут нас в братскую, – опять одобрил Костя разговор друга.

– Я тебе, Костя, эти сутки буду рассказывать книгу «Князь Серебряный», быстрее пройдет время и избавимся от плохих мыслей. Ты читал такую книгу?

– Нет, даже не слышал такого названия, – ответил тот.

– Тогда слушай. Это было во время царствования Ивана Грозного, когда в России свирепствовали опричники под руководством царского слуги Малюты...

Колесников рассказывал эту книгу по памяти, как будто ее читал. Пересказывал все подробности, даже разговоры героев книги. Костя слушал и только временами ворочался на нарах, для чего в это время останавливал Николая, так как скрипели доски. Выпрямив или подогнув ноги, он просил: «Продолжай рассказ! Хорошая книга!» Колесников рассказал до середины книги и предложил:

– Вторую часть книги расскажу после сна, а сейчас давай спать. Сон тоже нужная процедура, особенно когда недостает питания. Костя согласился, поскольку его тоже потянуло на сон.

Проснулись ребята от шума, что доносился от ворот лагеря. Кричали немцы по-своему, и шумели русские.

– Наверно, идут бригады с работы? Стало быть, вечер! Таким образом, уже один день долой, осталось двадцать, но нетрудных.

– Не трудных, а тяжелых, – поправил друга Костя.

– Скоро братцы будут ужинать, а мы с тобой сыты еще с тюремного лазарета. – Не надо, Никола, говорить о еде. Давай лучше рассказывай книгу. Ведь ты обещал продолжить после сна.

Глава 22

Второе утро началось для наших знакомых одновременно с разводом бригад узников на работу. В глазок дверей чуть заметно падал утренний свет, видно было, что на улице только светает, а пленные уже шумели у ворот. Сильнее было слышно немецкий разговор конвоя, бряцанье оружием, изредка скулили овчарки. Потом громче застучали деревянными колодками, что подтверждало продвижение бригад из лагеря на работу. После развода бригад и проверки больных в лагере вахтеры занялись карцером. Дежурный немец по карцеру с полицаем открыли дверь камеры. На нары ворвался свежий утренний воздух. Свет восходящего солнца ослепил глаза. Оба узника сидели на нарах в полусогнутом положении и ждали неизвестной пока команды. Полицай как переводчик пояснил слова солдата:

– Слезайте с нар, выходите на прогулку. Каждое утро вас будут заводить в лагерь в туалет и мыться к умывальнику. Вечером через день будете выходить до лагерной кухни за получением суточного пайка. Будьте всегда к выходу готовы и делайте все быстро, чтобы не сердился солдат. Иначе он может вас бить или лишать прогулки.

На территории лагеря ребят сопровождал полицай до туалета и к умывальнику. Пока ребята мылись и пили воду, полицай им сообщил:

– Вчера из нашего лагеря с работы убежало пять человек. Они убили конвоира, забрали винтовку и ушли в лес. Сейчас их ищет целый взвод солдат. За убийство немцы строго казнят.

Когда ребят опять загнали в карцер, они тут же начали обсуждать сказанное полицаем.

– Не знаю, правду он нам сказал или соврал. Если совершен побег с убийством конвоя, то обязательно кого-нибудь из пленных немцы будут казнить для страха другим, даже если не поймают убежавших, – вслух рассуждал Николай.

– Вполне возможно... Могут казнить нас, если не поймают тех, – продолжил мысль Костя. – Пострадаем за других...

– Значит, такая наша судьба! От судьбы никуда не уйдешь! – спокойно ответил Николай, вместе с тем внутри переживал страх. – Если не поймают убежавших из Тарту, то тогда ответят беглецы из Таллина! Комендатура лагеря в таких случаях обязательно будет делать показательную казнь перед построением всех пленных лагеря...

Он мысленно представил, как это будет, имея в виду повешение. По телу прошла дрожь. Но Колесников скроен не из податливого материала. Конечно, он обыкновенный человек. В иное мгновение его мог охватить ужас перед предстоящим мучением и казнью. Но в самых безвыходных ситуациях в отчаяние он не впадал. Он взял себя в руки. В конце концов фашисты не подражались создавать пленным мягкую, легкую жизнь, да и он своими побегами шел навстречу опасностям...

– Ладно, Костя! Не будем преждевременно волноваться! Судьба сама сыграет, как ей угодно, – спокойно заговорил Николай после долгого молчания и внутренних рассуждений. – Повезет так повезет! На глазах русских людей умирать не страшно! Помирать будем героями! Если подведут к виселице, простимся с тобой, как друзья, поцелуемся, и я на всю мощь голоса закричу: «Смерть фашистам!»

– А я скажу: «Капут Гитлеру!» Пусть и немцы поймут мои слова, – строго сказал Костя.

Глаза и выражение лица в это время было строгое. Можно было в них прочесть его готовность к любым тяжким испытаниям, но в камере было темно и друзья не видели друг друга. Они оба были довольны обоюдным настроением, единой мыслью, своей моральной готовностью к любым страхам.

– Не будем больше об этом вести разговор, – предложил Костя. – Расскажи еще что-нибудь. Ты больше меня читал, грамотнее и вообще больше знаешь жизнь, поскольку она бросала тебя в разные места с детства. Расскажи, как беспризорничал.

– Я тебе, дружище, много еще расскажу, но не сейчас, нет такого настроения. Предлагаю попробовать уснуть, ведь сон успокаивает нервы. Может, приснится сон, по которому можно будет предугадать, что нас ожидает.

– Соглашаюсь с твоим предложением, – сказал и стал переворачиваться на другой бок второй собеседник. Потом ворочался первый, через некоторое время вместе, что-то вздыхали то один, то другой и так не могли уснуть до прихода бригад с работы. Очевидно, после предыдущего разговора не покидали их головы тревожные мысли.

Шум бригад узников и конвой у ворот лагеря оживил ребят. Первым поднялся в сидячее положение Костя.

– Рассказывай, что тебе приснилось? – спросил он, постукивая снизу в нары Николая.

– Так я не спал, как и ты. Пробовал закрывать глаза, считал до тысячи, а сна нет, – упираясь ногой в потолок ответил верхний.

– Уже братцы идут с работы. Скоро нас поведут за ужином.

– Как поведут? Сегодня нам еще не положено! Первый раз в камере кормят через два дня на третий, а потом через день. Так что сегодня не светит, дорогой мой Костя. – А если завтра будут нас вешать, то должны накормить. Ведь в старые времена перед казнью исполнялись последние желания смертников, а у нас желание пожрать. Так пусть кормят! – не то в шутку, не то всерьез говорил Костя.

– Стало быть, если сегодня поведут за ужином, то завтра на виселицу по твоей логике. Тогда лучше не ужинать сегодня, – шутил Николай. – Легче будет висеть на веревке. Как раз к разговору я тебе расскажу один интересный случай. Когда я жил в детдоме при коммуне имени Котовского, там жила одна семья. Муж был пьяница и всегда требовал у жены деньги на водку. «Давай, – говорит ей, – на пол-литра! Если не дашь, сейчас зарублю поросят!» Берет топор и идет в сарай, где были поросята. Жена поверит его вранью и даст три рубля – жалко ей поросят. Однажды он приходит и требует пять рублей. Жена отвечает: «Где я тебе их возьму? Сам знаешь, что денег нет!» «Тогда я пойду и повешусь!» «Ну и вешайся, если жить надоело!» – ответила жена. Он ей надоел.

Тот берет веревку и пошел в сарай. Жена пождала, пождала мужа, а он из сарая не выходит. Тогда жена пошла к соседке и попросила пойти вместе в сарай, предварительно осведомив ее. Заходят в сарай, а муж висит на веревке. Обе испугались. Жена побежала звонить в скорую помощь и в милицию. Телефона поблизости не было, пришлось бежать в управление коммуны. Соседка осталась в сарае. Смотрит, на стенке висят порезанные гуси. Решила одного гуся украсть – все равно жена подумает, что муж пропил. Только потянулась доставать гуся, как повешенный заговорил: «Повесь гуся на место – не твой, не трогай!» Соседка с испугу бежать, в дверях упала и сломала ногу. Лежит и стонет, а повешенный смеется и ругается. Приехала скорая помощь и милиция. Первым в сарай зашел милиционер. Смотрит на повешенного, а у него голова висит на один бок. Он говорит врачу: «Как же так? У повешенного голова должна быть прямо». Повешенный слышит и отвечает: «Можно и так», и голову выпрямил. Начали снимать труп, а он подвешен под руки и между ног. Он оказался живой.

Тут Костя рассмеялся так громко, что не слышали, как вахтер с полицаем подошли к карцеру и стали открывать дверь.

– Я вижу, вам здесь очень весело. Посмотрим, как вы будете смеяться завтра на виселице, – упрекнул полицай. – Подымайтесь и выходите за ужином. Комендант распорядился сегодня вас накормить досыта!

Когда ребят подвели к кухне, полицай сказал повару:

– Выдай им двойную пайку хлеба и полные котелки супа, пусть поедят последний раз! Завтра их повесят!

Тут стало ребятам убедительно ясно, что тот не шутит. Будучи очень голодными, они ели хлеб и суп через силу. От этих известий пропал аппетит к еде. Жалкими глазами они смотрели друг на друга и жадно глядели на землю, на небо, на все окружающее, думали: «Может быть, последний раз...» После ужина их завели в карцер в разные камеры, и им не пришлось еще о чем-нибудь переговорить. Всю ночь до утра каждый мучил себя мыслями, грустил и сожалел о такой глупой обстановке, в которой они оказались в этом лагере города Тарту.

Глава 23

Последние два дня по приказанию коменданта лагеря русские лагерные полицайи трудились в поте лица за зоной лагеря, левее «красного карантинного барака». В этом бараке – его называли немцы «большевицкий барак» – содержались беглецы после карцера, евреи, подозрительные военнопленные, которых немцы считали коммунистами и политруками. Этот барак был окрашен в красный цвет и выгорожен в отдельную зону. Так вот, левее этого барака под руководством фельдфебеля полицайи сначала вырыли две ямы около двух метров глубиной. Потом привезли два сосновых бревна по восемь метров длиной, соединили их в верхней части металлической штангой на ширину четырех метров. На второй день все это приподняли, закопали бревна в готовые ямы и получился «спортивный снаряд» – перекладина, если бы пониже. Но, когда к вечеру перебросили через перекладину веревки, в которых один конец заделан петлей, а другие концы закрепили к столбам, то получилась виселица. В конце работы фельдфебель полицаям пояснил:

– Завтра утром будете вешать беглецов, за это получите две бутылки водки, десять булок хлеба, десять банок консервов и килограмм шпика. Это хороший вам подарок от коменданта, вы должны радоваться!

Один полицаи поделился об этом с русским врачом лазарета, а тот с санитаром, а санитар передал эту весть знакомому земляку, и пошло-поехало. К ночи все узники лагеря знали и вели в землянках разговор, что утром будут вешать беглецов. Все сочувствовали и переживали за своих русских братьев. Это было общее горе военнопленных лагеря... Утром подъем в лагере для всех был сделан на час раньше. Сразу после раздачи кипятка, заваренного свеклой, полицаи разошлись по землянкам выгонять пленных на общее построение. Пленные неохотно выходили, медленно собирались и шли к месту построения. Буквой «П» во дворе лагеря лицом к виселице построили узников. Содержащих штрафников в «красном бараке» построил сам унтер-офицер, который ведал этим бараком, отдельно в своей зоне. Больных из лазарета тоже выгнали на улицу и усадили на землю вдоль ограды. Полицаи, которые должны вешать, вышли за зону лагеря и постарались в присутствии фельдфебеля выстроиться возле виселицы. Вся лагерная «свита» во главе с комендантом лагеря собралась возле караульного помещения и все время посматривала на подъездную к лагерю дорогу, как будто ожидали кого-то. Два вооруженных солдата с автоматами, в полной боевой форме, даже с противогазами на боку, вывели из карцера Николая и Костю. Лица их были уставшие, измученные бессонницей, а руки скованные наручниками. Они смотрели в сторону лагеря, видели выстроенных во дворе пленных и думали, что пришел их конец. Солдаты стояли от них в пяти шагах и держали наизготове наведенные автоматы. Ребята посмотрели друг другу в глаза, прочитали в них грусть и горе, волнуясь, встали рядом и тихо говорили:

– Чего тянуть время, мучают наши души? Решили вешать, так вешали б быстреей.

– Может быть, кого ожидают из начальства? Видишь, все фрицы посматривают на дорогу, – заметил Костя. – Может быть, представителя от гестапо?

В это время из-за поворота на дороге к лагерю появилась черно-го цвета легковая автомашина. Комендант построил всех немцев и сам замер впереди строя. Машина остановилась рядом со строем.

Шофер быстро вышел на другую сторону, открыл дверку машины, из которой вылез высокий по чину офицер в новенькой с иголки эсэсовской форме. На рукаве видна была повязка с ярко выраженной свастикой. Комендант тут же шагнул к нему навстречу, вытянулся и доложил. Офицер задал по-немецки несколько вопросов коменданту, тот дрожащим голосом ему ответил, после чего подошли к унылым нашим друзьям. Офицер посмотрел сверху вниз на каждого, спросил через переводчика, как и где бежали. Колесников четко, без запинки повторил свою легенду о работе в немецкой части в прифронтовой полосе на русской территории по заготовке дров для немцев, что арестовали их полицаи, не разобравшись. Высокий офицер, очевидно, поверил легенде, помотал головой и что-то неодобрительно сказал коменданту с переводчиком. Комендант несмело хотел что-то пояснить, но офицер нервно отвернулся, увел коменданта в сторону и стал его повышенным тоном прорабатывать. Тот молчал и часто мигал глазами. Ребята оба наблюдали за движениями офицера и подумали, что тот ругает коменданта за то, что до сих пор не пойманы настоящие убийцы солдата и что казнить безвинных в этом не следует. Офицер еще раз подошел к ребятам, измерил их обоих взглядом, вернулся к коменданту, который стоял по команде «Смирно», взмахнул белыми перчатками и резко по-немецки сказал: «Нет!» – что поняли ребята. Такое окончательное решение эсэсовца охмурило коменданта, и тот стоял, как облеваный верблюдом. Эсэсовец пошел к своей машине.

В это время на дороге послышался шумный разговор немецких солдат и лай овчарок. Эсэсовский офицер, комендант и все немцы в строю повернулись лицом к дороге. На том же повороте, где недавно выезжала черная легковая, появилась группа вооруженных солдат с овчарками, а впереди еле двигались пленные в изорванной собаками одежде. Колесников и Мазурец догадались, что это ведут пойманных из этого лагеря. Они посмотрели друг на друга и как будто спросили взглядом: «Что же теперь будет?» Когда группа солдат подошла к лагерю, то старший, не заметив возле машины старшего по чину офицера, подбежал к коменданту и хотел доложить. Но тот показал рукой на эсэсовского офицера, и ефрейтор доложил ему. Костя и Николай не обратили внимания на доклад, а смотрели со слезами на глазах на избитых, искусанных собаками, окровавленных своих соотечественников, которые еле стояли на ногах,

поддерживая друг друга. Четвертый, которого немцы притащили волоком по земле, лежал еле живой и тяжело стонал. Ужасно было на них смотреть, но друзья, чувствуя душой близость земляков, понимали их положение, испытывая к ним жалость и любовь, готовы были обнимать их и целовать. В них спазмом давило горло, а из глаз катились слезы...

После доклада ефрейтора офицер подошел к коменданту и что-то пояснил и распорядился. Конвой и собачников отпустили, а лагерные солдаты вышли из строя и потащили четверых в караульное помещение. Туда же зашли комендант, переводчик и эсэсовец. Все остальное осталось без изменения. Пленные в лагере стояли в строю...

Через некоторое время вывели из караульного помещения пойманных. За ними от виселицы по указанию коменданта прибежали полицаи и потащили четверых в наручниках к месту казни. За ними вся немецкая свора направилась к виселице. Тишина в лагере нарушилась. Пошли разные разговоры. Штрафники «красного барака», увидев, как полицаи тащат замученных, стали из строя кричать:

– Изверги, изменники, фашисты! Зачем убиваете своих братьев. Вам родина не простит!

Немцы понимали, что эти возгласы в их адрес... Эсэсовец распорядился быстрее вешать, опасаясь, что в лагере больше вспыхнут страсти. Русский обер-полицай, знающий немецкий язык, перевел перед строем пленных слова коменданта лагеря. Комендант говорил тихо, а обер-полицай орал на все горло:

– Эти русские свиньи совершили страшное преступление перед Германией! Они убили верного солдата доблестной армии, у которого осталась теперь вдова и двое детей сирот! Немецкое командование их строго накажет за это – повесит на ваших глазах! Кто из вас совершит подобное, того постигнет то же самое! Комендант махнул полицаям рукой, и те подтащили одного из четырех к веревке и набросили петлю на шею. Тот собрал последние силы и только успел крикнуть: «Товарищи! Бейте фашистов! Отомстите...», как два полицаи потащили за другой конец веревки и его подбросило на два метра от земли. Он замотал в воздухе обоими ногами, потом судорожно несколько раз подтянул и выпрямил ноги, наконец вытянулся и повис... В это время трое на земле прижались друг к другу, по силе возможности запели «Интернационал». Их пение подхватили

штрафники «Красного барака», а потом весь строй пленных. «Интернационал» пели русские люди, мелодия революционного гимна уносилась на восток. Патриоты пели, пока не закончилась казнь всех четверых друзей. За пением никто не слышал, что объявлял обер-полицай после каждого повешенного. Только Николай и Костя, стоявшие у карцера под наведенными на них автоматами, слышали, как назывались номера и города повешенных. Первый был из Ленинграда, двое из Москвы, а четвертый из Харькова.

После казни всех пленных полицаи и охрана лагеря загнали в землянки, предупредив, что, кто не зайдет, будет застрелен с вышек часовыми. Николая с Костей посадили в карцер в одну камеру, и только четверо остались висеть... Как выяснилось позже, пятый убежавший с винтовкой конвоя сильно в лесу сопротивлялся – отстреливался, и немцы его, убитого, оставили в лесу. На следующий день его привезли из леса и положили у ворот для обозрения. Когда бригада узников возвращалась с работы в лагерь, все проходили мимо, повернув к нему головы, как будто равнялись на него и отдавали ему честь.

Через двое суток убитого и повешенных похоронила похоронная команда лагеря в общей братской яме лагеря за оградой.

Глава 24

В день казни пленных на работу из лагеря не выводили, даже до обеденного времени не выпускали из землянок и в этот день не кормили ужином. Узников карцера даже не выводили в туалет и к умывальнику. Только пьяные, накормленные полицаи веселились в своем бараке.

Костя и Николай в камере на прежних местах лежали и долго обсуждали то, что произошло на их глазах с ними.

– Я считаю, что нам просто повезло! – как-то радостно и другим голосом заговорил Костя. Ты правду сказал, что судьба сама сыграет! Не надо никогда отчаиваться и бросаться в крайности, меня учил. Поэтому я до последней минуты не очень расстраивался и надеялся на лучшее, на твою судьбу, верил в твой сон, что ты останешься живой в этой войне. Надо же тому быть – вести нас

к виселице, и тут приводят виновников. Просто это случайность или судьба не умереть?

Колесников лежал на верхней полке и умышленно молчал. Он тоже аналогично думал, но ему было приятно слышать друга рассуждения, чувствовать, как тот расслабляется и успокаивается. Хотя он не видел лица друга, он представлял его светлым, расслабленным, с веселым взглядом серых глаз.

– А ты чему радуешься? Наше горе и мучения не прошли! – дразнил Колесников друга. – Впереди у нас еще много суток карцера и «красный барак» на три недели.

– Все равно виселица осталась позади нас, мы ее прошли мимо, – с тем же бодрым настроением отвечал Костя, понимая, что тот его заводит. – Я впервые вижу, как вешают, лучше расстрел.

– Расстрел тоже неприятно и нежелательно видеть, но к нему больше привыкли, особенно на фронте часто видишь, как убивают, а вот повешение страшно и жутко. Вспоминаешь, и по телу идут мурашки! – Николай передернул плечами, вспоминая виселицу. Надо ж придумать такое наказание! Вот подлюки фашисты! – возмутился Николай. – А как гадко выступил комендант. Мол, русские убили солдата – совершили тяжкое преступление перед Германией. А он, сволочь, вешает четверых русских – не делает преступления перед Советским Союзом. В лагерях убивают, морят голодом, сжигают в печах тысячами обезоруженных людей – это не преступление, по его смыслу. Развязали войну, убивают миллионы мужчин, женщин, стариков и детей – это не преступление. Гады! Изверги! Кровопийцы! Слов не подберешь, чтобы обозвать! Да их, фашистов, нужно всех стереть с лица земли! И народ это со временем сделает! Справедливость на земле победит!

Костя слушал друга и чувствовал, как у Николая кипела ненависть к фашистам. Ненависть, но не страх твердо посеялась в душе его. Как никогда раньше, он был тверд в стремлении пойти на все, чтобы добиться свободы и мстить врагу. В Косте тоже не меньше остался осадок на душе, и он согласен был с тем, что говорил Николай. Чтобы поддержать верного друга, он высказался, после того как замолчал Колесников.

– Когда ребят вешали, я стоял и думал: «Вот сейчас бы выхватить у солдата автомат и пустить очередь по всей этой своре – и по немцам, и полициям, чтобы до единого уничтожить. Но жаль, руки

были скованы наручниками, а то можно было б решиться. Потом черт с ним, что было б! Смерть так смерть!

– Да, ты прав! За такую кучу паразитов можно свою одну жизнь отдать! – произнес Николай.

Долго и много в этот день говорили ребята, изливали свою ненависть к немцам, забыв об осторожности, что их могут подслушать под дверью камеры. Чем дольше они говорили, тем больше убеждались, что такая дерзкая несправедливость должна погибнуть, что правда народная победит.

Глава 25

Жизнь в карцере двоих наших хорошо знакомых ребят была длинной и тяжелой. Однообразная, всегда в темной душной камере, жизнь на голодном пайке сильно измотала их. Постоянная жажда пить и есть не давала сна, а от бессонницы ребята еще больше ослабли и сильно похудели. При выходе из камеры утром и через день вечером у них кружилась голова, подкашивались ноги, они часто падали по пути к кухне. Немец с полицаем их били, заставляли подниматься и бежать. На пятнадцатые сутки их сильно избивали за то, что они по два раза упали, пока дошли до кухни, не дали ужин и голодных снова загнали в нору.

Пропадем мы здесь, в камере, не выдержим двадцать одни сутки, – с грустью проговорил Костя слабым голосом, когда не дали паек и загнали в камеру. – Лучше умереть, чем так мучиться!

– Не спеши, – ответил Николай. – Умереть никогда не поздно!

От побоев и голода ребят осилила тоска. Они злились, нервничали, но согнать зло было не на ком. После нескольких грубых слов и нежелательных разговоров между ними, так как каждому было тяжело и не хотелось совсем говорить, а молчать тоже надоело, Костя, не подумав, сказал:

– Ты, Николай, раньше меня умрешь. Ты слабее меня. Я вечером на улице присмотрелся на тебя, так у тебя одни кости, обтянутые кожей. Лицо бледное-бледное, а глаза запали так глубоко, что ты стал совсем не похож на себя.

– А тебе хочется, чтобы я первый умер?

– Нет, не хочется, но так получится.

– Не получится, друг мой! – зло ответил Николай. – Если я буду умирать, я сначала тебя задавлю, чтобы ты не был прав! – Николай произнес эти слова и сам их испугался. Ведь он этого никогда не сделает, а зачем сказал? Он сразу спохватился, взял себя в руки и спокойно сказал: – Ты прости, Костя, меня за эти слова, такие глупые...

Тот ничего не ответил, так как тоже думал, что он затеял этот разговор неуместно, на нервной почве... Хотя друзья не обиделись очень друг на друга, но до утра молчали, мучились бессонницей, тяжело вздыхали.

Утром шел дождь. Южный ветер гнал дождевые тучи, которые совсем закрыли восходящее солнце. Открылась дверь карцера, и ребятам предложили помыться дождевой водой с водостока крыши карцера. Вода стекала по трубе грязная, но очень холодная. Ребята наклонились вместе к трубе и жадно пили воду во время умывания. Немец вспомнил, что вчера русских не кормили за то, что они падали на ходу, а сегодня совсем не дойдут по грязной дороге, он послал полиция принести чай и хлеб сюда. Пока тот ходил на кухню, ребята помылись и хватило время разглядеть друг друга. Глядя на опухшее, воспаленное от жара, но исполненное спокойного достоинства лицо Кости, Николай с грустью вспомнил вчерашний нелепый разговор. Он смотрел на его худые руки, когда тот охватил ими свою больную голову и долго думал: «На фронте мы с ним осведомлялись, кем ты был в мирной жизни. Пришибут фашистов, конец войне, и спросит солдат солдата: кем ты будешь? А что будет с нами дальше? В тяжком фронтовом труде, в боях днем и ночью выжили и не говорили меж собой даже после боя, потому что после боя каждый испытывает отвращение к тому, что он совершил в бою. Но право убивать мы приобрели, не отворачиваясь изо дня в день от грозящей смерти. И убивая убийцу, этим только могли покончить с побоищем, затеянным фашистами на земле. Там, на фронте, мы жили жизнью воинского товарищества, где каждый каждому становился роднее родни, потому что переживали все вместе то, что приходилось переносить. Мы понимали друг друга в самом сокровенном, что чувствует человек в том состоянии, когда для него нет ответа на вопрос, кем ты будешь, потому что он вообще не может быть. Николай вспомнил, как его волок, контуженного, Костя, как доставил в госпиталь, как спас ему жизнь. Теперь я должен ему помочь, его спасти. Долг платежом красен – это верно».

Николай стал обдумывать, как выбраться из этого проклятого карцера досрочно. Уже прошло шестнадцать суток, но еще пять не выдержать – помрем. Когда полицейай принес чай и хлеб, они тут же на улице под дождиком проглотили пищу и попросились закрыть в камеру, не желая промокнуть насквозь. Как только немец и полицейай удалились от карцера, Николай советовался и пояснял Косте:

– Двадцать одни сутки нам не выдержать. Нужно, чтобы нас выпустили досрочно...

После раздумья изложил другу свой план:

– Вечером, как поведут нас за баландой, я падаю и теряю сознание. Пусть вызывают врача, русского или немца, мне все равно. Я не приду в чувство, пока не заберут в лазарет. Если меня заберут в лазарет, то и тебя выпустят из карцера, потому что мы очень отощали, – врачи это поймут. Я думаю, что у нас это получится. Это единственный выход.

– Хорошо, если пригласят врача, а то будут бить тебя, пока убьют, – беспокоился Костя за друга.

– Я упаду в обморок перед воротами, возле караулки, там на глазах вахтеров, а может, будет начальство, бить не будут.

– Давай-валяй, посмотрим, что получится. Я тоже рядом с тобой сяду и скажу, что нет сил идти дальше.

После окончательной договоренности ребята каждый думал про себя, надеялись на свой риск, выжидая время ужина.

В положенное вечернее время к карцеру подошел немец без полицейай и открыл дверь. Ребята медленно вылезли из своих нор и, шатаясь, тихо пошли к проходной. Не доходя ворот, Николай остановился, зашатался и, не жалея затылка, упал на жесткую гравийную дорогу. Его бледное худое лицо было похоже на мертвеца. Разбросанные в стороны руки, ноги помогали ему лежать неподвижно. Костя нагнулся над другом, как будто хотел помочь ему подняться, но немец его толкнул в спину, и тот отлетел к воротам и прочно сел, развернувшись лицом к лежавшему другу, чтобы быть свидетелем дальнейших событий. Немец ударил ногой, обутой в сапог, Николая в бок, а потом в голову, приводя его в чувство. Но тот не открыл глаза и не подал никакого признака жизни. Немец, убедившись, что тот не шевелится, обратился к ефрейтору, стоявшему возле караулки, вызвать врача с лазарета.

На вызов явилось сразу двое: военнопленный врач, дежуривший в лазарете и немецкий военврач, проверявший в это время кормление больных ужином. Русский врач, послушав пульс в левой руке Николая, доложил на немецком, что пульс очень слабый, от сильного истощения – малокровие, а отсюда потеря сознания. Немец не поверил русскому, брезгуя пощупать лично пульс, начал проверять чувство лежавшего. Сильно ударяя по лицу Николая перчаткой, ожидал, что тот откроет глаза. Не получив желаемого, он стал над ним издеваться. Загибая на правой руке Николая пальцы, он силой своего веса давил сапогом к дороге, наблюдая за лицом лежавшего. Николаю было чересчур больно, но на его лице не шевельнулась ни одна мышца, не дернулась ни разу рука. Наблюдая за этой процедурой, Костя, русский врач морщили от боли лица, зажимали зубы и думали о терпении Николая.

Когда под сапогом немца сломался мизинец Николая, военврач-палач убрал ногу с руки и сказал врачу-пленному: «Заберите в лазарет!» Потом подошел к сидевшему Косте, который еще больше побледнел, глядя на Николаевы мучения обошел его вокруг, взглянул брезгливо на опухшее лицо, сказал солдату: «Отправить в лагерь! Я сам доложу начальнику лагеря, что дальше держать в карцере нельзя».

«Сомневаюсь, что они будут жить!» – одевая перчатки, сделал он вывод. Два санитары на носилках унесли Николая в лазарет; Костю полицай после получения баланды на кухне поселил в тринадцатый барак, где находились самые слабые пленные. По пути в лазарет на носилках Николай пришел в сознание, он открыл глаза и увидел двоих санитаров и русского врача. Сильно болели пальцы правой руки, особенно сломанный мизинец, но Николай был доволен, что риск оправдался.

Пока его устраивали в лазарет: снимали с него верхнюю одежду и одевали чистое, стираное и подремонтированное белье, уложили на свободное место на одноэтажных нарах, которое освободилось только утром от двухсуточного мертвеца, – он не без внутренней гордости и не без основания думал, что всякий другой, в том числе и Костя, не выдержал бы того, что делал с ним врач-палач, давно бы закричал.

Но он знал до малейших подробностей всю сложность этих условий, и трудность их уяснения есть только его личная особенность в исполнении задуманного, именно теперь ему необходимо учесть и

уяснить свое положение, чтобы не запутаться. В своих тяжестях обманув врачей, он избавил себя и друга от карцера, попал в лазарет, где трехразовое скудное питание поправит малость его здоровье, а он в какой-то степени сумеет помочь питанием Косте. Все это его вдохновляло на лучшую надежду жить. Он чувствовал внутренние силы, готов был встать, шагать по лазарету, подбадривать других, лежавших на нарах, но, представляя будущие трудности, он лежал без движения в таком положении, в каком оставили его санитары.

Глава 26

Лагерный лазарет для больных и раненых пленных находился в отдельном деревянном бараке внутри зоны лагеря, но был отгорожен от землянок колючей проволокой в десять рядов на высоту полтора метра. Барак был оборудован одноэтажными нарами в четыре ряда по длине барака, электросветом. Умывальники и общий туалет находились во дворе, которым могли пользоваться больные днем и ночью. Электрический свет в бараке был всю ночь, как в караульном помещении лагеря. В остальных бараках и землянках лагеря свет ночью выключался. Подъем в лазарете проводился дежурным санитаром на час позже, чем в рабочей зоне лагеря.

Кормили три раза в день: утром чай из свеклы и сто пятьдесят граммов хлеба, в обед и ужин суп-баланда, который в рабочей зоне давали только в ужин. Питание из кухни носили санитары и выдавали больным в бараке на месте. Каждый больной подымался, сел на конце нар, свесив ноги, и получал пищу в жестяную банку.

Мертвые по два-три дня лежали на нарах как больные, и на них паек получали с кухни санитары, ели сами или излишки раздавали больным, которые помогали санитарам мыть посуду, убирать в бараке, носить воду в умывальники. Поэтому умерших держали в бараке до тех пор, пока можно было терпеть от них запах. Паек на них выдавался на следующий день согласно вечерней поверке, а поверку проводил немецкий солдат по ногам лежавших на нарах. Так что мертвые засчитывались за живых. Режим в лазарете значительно был мягче, чем в рабочем лагере, спать разрешалось днем и ночью, делать прогулку во дворе можно было в течение светового дня...

Колесников на пятый день своего нахождения в лазарете уже прогулялся во дворе с повязкой на правой руке, так как ему наложили шину на поломанный палец. Он достаточно отдохнул после карцера и горел желанием увидеть Костю для разговора. Мазурец тоже оклемался в тринадцатом бараке и часто проходил возле ограды лазарета, чтобы увидеть Николая. Только на пятый день они встретились, обрадовались и поговорили через ограду. После общего разговора Колесников конкретно пообещал Косте:

– Я договорюсь с санитарями одной рукой носить воду в умывальныйник, за что буду получать дополнительную баланду, которую в обед буду передавать тебе. Ты выходи во втором часу с котелком к ограде. Я буду свою баланду ставить на этом месте. Я думаю, что у меня это получится и я тебе помогу поправиться.

Как и предполагал Колесников, ему удалось наняться к санитарям в работники, за что они вознаграждали дополнительным пайком, а он ежедневно передавал его Косте. Тот его ежедневно при встрече благодарил за поддержку и с радостью сообщал, что силы его прибавляются. Николай был доволен, когда заметил, что опухоль на лице Кости спала, стала появляться улыбка, а серые большие глаза заблестели и повеселели. Он радовался за себя и друга, что оба выжили и смогут вновь мечтать и планировать возвращение на родину. Эта мысль не покидала его даже в самые безнадежные минуты жизни. Он любил свой народ, свою Родину, всегда желал вернуться на советскую землю.

Глава 27

Жил Колесников в лазарете месяц без двух дней. За это время он достаточно хорошо познакомился со всеми шестью санитарями и с двумя военнопленными врачами. Те постепенно убедились в патриотизме Николая и допускали с ним откровенные разговоры. Узнав из его рассказов о двух побегах и о намерении командования лагеря их повесить, оба врача обещали Николаю оставить его санитаром в лазарете. Но не тут-то было. Их погрешности немцы помнили... Однажды при контрольной проверке больных командованием лагеря Николая выписали из лазарета как годного по

здоровью в рабочую зону. При этом немецкий врач вспомнил, что по его приказанию из карцера был взят этот больной, а начальник лагеря, подтвердил, что их двое находилось в карцере за побег и даже было намечено их повесить. Он приказал своему помощнику разыскать в лагере второго и согласно лагерному режиму, обоих как беглецов поместить в режимный «Красный барак».

Помначальника тут же подошел к Николаю, сказал на ломаном языке:

«Большевик! Русский свини! Пошел «красный барак»! Толкнул Николая в спину – повел по адресу. Через два часа, может, чуть раньше или позже после прихода Николая в штрафной большевистский «Красный барак» оберполицей привел Костю. Опять судьба свела друзей вместе – на одни нары...

«Красный барак» был предназначен для особого карантина беглецов евреев, коммунистов. В самом бараке и в его зоне немцы ввели самый строгий и мучительный режим. Пленные не имели права выходить из блока, лишь для проверки людей выстраивали между бараком и загородкой из колючей проволоки. Иногда по велению фельдфебеля, ведавшего «Красным бараком», выводили людей во двор на прогулку. Возле барака, окрашенного снаружи в красный цвет, дежурил всегда – днем и ночью – злой полица с дубинкой. Неопытный новичок выходил из барака во двор, чтобы через загородку посмотреть знакомых в лагере или поглядеть на свет божий, как дубинка полица приходила в движение – удары, крик. Перепуганный, избитый новичок бросался в барак и забивался подальше в темный угол.

Весь распорядок в карантине был подчинен одному принципу: пленным не давать передышки. По много раз в день строили рядами, обыскивали, раздевали догола, стригли, в темпе выгоняли на завтрак, ужин. Раздача пищи подчинялась правилам: кому баланду в рот, кому черпаком в лоб! В ужин давали баланду из брюквы или зеленых свекольных листьев с червями, а утром чай и 150 граммов эрзац-хлеба (пополам с древесными опилками). Да и поесть не давали спокойно. Сразу после раздачи чая или баланды выгоняли на построение, на физзарядку – и снова брань, тычки, удары немцев и полицаев. Сам фельдфебель «Красного барака» был настоящий палач и каратель. По его выдумке были сделаны две телеги – одна большая, а вторая поменьше. Завезли автомашину камней в зону.

Когда ему вздумается поиздеваться над русскими, он берет лопату или лом и выгоняет всех из барака во двор.

– Большой телега – малый камин, малый телега – большой камин! Грузит! Быстро, быстро! Русские свини!

Тут ему помогают полицаи – заставляют узников грузить на телеги камни. Когда обе телеги оказываются нагруженными, фельдфебель делит на две группы штрафников и заставляет возить по двору нагруженные телеги бегом. Если какая группа бежит с телегой медленно, он заставляет пленных снять колодки и бегать с тележкой босиком по колючему гравию. Кто ему в упряжке не понравится, фельдфебель ударял ломом или лопатой по чему попало – разбивал головы, рубил лопатой спины. Этот изверг устраивал для себя такие развлечения ежедневно и был доволен издевательством над русскими.

Эсэсовцы делали все, чтобы несломленных людей лишить последней надежды, всякого чувства собственного достоинства, воли к победе над фашизмом. Но расчеты их были ошибочны, они плохо знали характер советских людей. У узников от этих жестокостей и издевательств еще больше выросла злоба и ненависть к немцам, они отчаивались до крайности, сопротивлялись и боролись с врагом не жалея жизни – проливали кровь за кровь, отдавали жизнь за жизнь!

– Я больше не могу терпеть этого пирата, – заявил Николай Косте, имея в виду фельдфебеля. – Пусть меня казнят фашисты самым жестоким способом, но я этого зверя укрошу. Завтра утром я его прикончу!

Костя посмотрел в глаза другу и убедился, что тот на это решился окончательно:

– Нет, Никола, я тебе не советую. Еще осталась одна неделя, и нас переведут в рабочую зону с этого адского барака. Пойдем на работу, а там по обстоятельствам посмотрим, может, удастся бежать. Все равно этим дело не поправишь, убьешь одного гада, дадут вторую змею, а тебя на свете не останется...

Николай выслушал друга, совет его был верным, но от своего намерения не отказался.

Когда перед сном выпустили из барака в уборную, он по пути прихватил увесистый камень, спрятал под рубаху и занес в барак. Костя этого не заметил и даже не видел, когда тот его положил в головах на нарах, прикрыв камень колодками с портянками.

Как обстояло бы с убийством фельдфебеля утром, сейчас сказать нельзя, но фельдфебель утром в барак на подъем не пришел. Вместо него зашли два полица и подали команду выходить за чаем. Оказалось, что фельдфебель срочно ночью уехал в Германию, так как пришла телеграмма, что его дом и семью разбомбила авиация Англии.

Глава 28

По окончании трех недель карантина ребят перевели из «красного барака» в рабочую зону. Но так как они были слабые здоровьем, их поместили в барак номер тринадцать и использовали на внутри-лагерных работах. В рабочей зоне можно ходить между бараками, выйти на лагерную улицу и площадь, досыта воспринимать солнечные лучи. Мазурца и Колесникова вместе с другими списанными из «красного барака» завели в тринадцатый барак-землянку, в котором на нарах лежали худые ходячие мертвецы. Грязь, вонючий воздух, сырость и темнота убивали людей. У пленных этого барака был подавленный вид, из разных уголков барака доносились стоны: кому-то соседи лечили кровоточащую спину, на соседних нарах метался человек с распухшим лицом, один качал руку с забинтованными тряпкой пальцами. Он повернулся к Николаю со словами:

– Лучше умереть, чем так мучиться.

– Не спеши, – ответил Николай. – Не спеши и не паникуй! Умереть никогда не поздно. Это не заслуга, а может быть, совсем наоборот. Надо жить! Чтобы... чтобы вернуться на родину. Ей мы всегда нужны, если верны.

Незнакомый узник слушал и удивленно смотрел на Николая.

– Ты, наверно, беглец из другого лагеря и впервые попал в нашу землянку. Здесь беглецов избивают полицаи палками. Если кто-то теряет чувства от побоев, его поливают холодной водой и бросают под нары. Так что не сознавайся, что ты беглец.

– А мне нечего сознаваться, меня и так знают полицаи.

– Тогда тебе лучше уехать в этап. Говорят, скоро будут отправлять в Германию пятьсот человек. Постарайся уехать, но там тоже не лучше. Везде фашисты стараются уморить нашего брата!

Через два дня действительно слух стал реальным – начали отбирать пленных на этап. Куда повезут, никто не знал. Одни говорили, что в Германию на шахты, другие слышали, что на уборку урожая к крестьянам, третьи говорили, что на сланцевые разработки. Нашим друзьям хотелось попасть в этап вместе с надеждой, что там будет больше шанса на побег. Их желание сбылось. При осмотре пленных их отделила комиссия в землянку, из которой на следующий день группами выводили и грузили в вагоны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

К осени 1942 года при оценке противника можно было предполагать, что фашистская Германия уже не в состоянии выполнить свои стратегические планы 1942 года. Тех сил и средств, которыми к осени 1942 года располагала Германия, не хватит для завершения задач ни на Северном Кавказе, ни в районе Дона и Волги, ни под Ленинградом. Все, что гитлеровское командование могло использовать на восточном фронте, было в значительной мере уже обескровлено и морально надломлено. Ничего более значительного оно явно не могло бросить на восточный фронт. Ожидая дождливую осень, а вместе с ней и бездорожье, а потом суровую русскую зиму (немцы боялись особенно «генерала мороза»), немецкие войска, безусловно, будут вынуждены, также как после разгрома под Москвой в 1941 году, перейти к обороне на всех направлениях.

Положение противника усугублялось еще и тем, что войска сателлитов по сравнению с немецкими были хуже вооружены, менее опытны и недостаточно боеспособны даже в обороне. И самое главное – их солдаты, да и многие офицеры, не хотели умирать за чужие интересы на далеких полях России, куда их забросили по воле Гитлера, Муссолини, Антонеску, Хорти и других фашистских главарей.

В то время командно-политический состав, все воины Красной Армии на опыте многочисленных сражений в полной мере освоили способы и методы боевых действий в любой обстановке, стали мастерами оперативно-стратегического искусства даже в зимних условиях. Враг все это знал и учитывал в своих планах дальнейшей войны. Он начинал мыслить о предстоящих отступлениях на восточном фронте. У него появился страх перед русскими, и не зря он мыслил о необходимости мероприятий, которые продляли его существование...

Одним из многих мероприятий была эвакуация вглубь германской империи русских военнопленных и гражданского населения из временно захваченной советской территории для использования в промышленности, сельском хозяйстве и на военно-стратегических объектах как дешевую рабочую силу.

Глава 2

На это раз в Тарту явилось сразу два покупателя дешевой рабсилы. Один из них – офицер высокого роста, некрасивый лицом, с одним глазом, худой, как сучковатая палка – набирал команду в эстонский порт Пярну для погрузки леса на немецкие корабли и баржи. Немцы усиленно вывозили из Эстонии древесину в Германию. В порту Пярну ежедневно в две смены грузились баржи и корабли бревнами и уходили по воде в Германию. Гражданское население города и окружающих сел было привлечено к заготовке леса и доставке его на машинах и лошадях в порт, а пленные из лагеря, который существовал в Пярну недалеко от пристани, выгонялись на погрузку леса на корабли. Работа была физически тяжелая, питание плохое, доводили людей до большой смертности, а поэтому лагерь часто пополняли новыми пленными. В этом лагере настолько были ужасные условия, что случалось, что отдельные истощенные голодом обрезали на мертвых остатки мякоти, варили и ели человеческое мясо...

Второй покупатель рабсилы явился в Тарту из центра Германии. На нем была новая военная форма офицера инженерных войск немецкой армии. Офицер, крепкого телосложения, выше среднего роста, откормленный в тылу, награжден железным крестом, держал себя высокомерно перед лагерным начальством, на что, видно, имел полномочия, лично сам осматривал каждого пленного при отборе из общего строя.

Он отбирал первый и выбирал тех, кто выглядел поздоровей. Сразу отводили отобранных в вагоны и сажали по пятьдесят человек. Остальных, кто остался в строю, забирал одноглазый офицер. Их тоже уводили группами и грузили в другие товарные вагоны. Вагоны под пленных не были оборудованы, но окошки тщательно

закрыты и забиты снаружи колючей проволокой. Поэтому можно было определить, что поездка предстоит недалеко, но в разные места, так как покупатели разные.

Колесников и Мазурец стояли в строю рядом. Им хотелось попасть в одну команду, но их желание не сбылось. Офицер с железным крестом Колесникова выбрал, а Костю оставил в строю. Тот было шагнул вперед за Николаем, но тут же получил подзатыльник от офицера и встал в строй. Николай оглянулся на Костю и тут же получил прикладом в спину от солдата. Так наших друзей разлучили немцы, погрузили в разные вагоны и увезли в разные города. Мазурец Костя оказался в лагере Пярку, а Николай Колесников через сутки прибыл в пересыльный лагерь Каунаса. Так они расстались на всю жизнь друзьями... Долго они помнили друг друга, вспоминали подробно все вместе пережитое. Наверное, каждый до конца своей жизни желал встретиться друг с другом или хотя бы получить весточку. Но судьба их так разбросала, что Колесников ничего не знает о Косте до сего времени, когда писалась эта книга. Он старался после войны разыскать своего друга, писал на родину Косте, но ответа так и не последовало.

Глава 3

Пересыльный лагерь русских военнопленных в литовском городе Каунасе размещался на свободной от застройки площадке недалеко от железнодорожного пути. Прямо под открытым небом за колючей проволокой днем и ночью в любую погоду находились люди. В этот лагерь прибывали пленные из Северо-Западного, Западного, Белорусского и Украинского фронтов для отправки в глубокий немецкий тыл. Кормили здесь один раз в сутки, давали настоящий хлеб (одну булку на четверых) и варили погуще баланду с конским мясом. Долго пленных в лагере не задерживали, так как ежедневно формировали составы из товарных вагонов, наполняли их людьми и увозили по назначению. При каждом отборе пленных в этап специальная комиссия из гестаповцев проверяла и осматривала каждого узника. Осмотр проводился на предмет состояния здоровья (инвалидов не брали) и чтобы пленный не пронес в вагон

железных предметов – ножа, бритвы, пилки и т.д. Поэтому перед посадкой в вагон каждого раздевали догола во дворе лагеря и только с колодками в руках он проходил через строй солдат к вагону. Возле вагона проверяли колодки, заставляли поднять кверху руки, а потом нагнуться и заглядывали, куда не положено. После этого выдавалась другая, заранее проверенная одежда, пленный залазил в вагон и там одевался. Вагоны оборудованы двухъярусными нарами и парашей, а окна заколачивались железными решетками. В один из пассажирских вагонов, где ехала охрана и конвойное начальство, грузили сухие пайки – продукты для кормления пленных в пути.

Колесников и другие пленные все это узнали заранее, поскольку два дня подряд ходили в составе рабочей команды на обустройство вагонов. Зная о том, что ему предстоит дальняя и мучительная поездка, он готовился к побегу из вагона в пути. Два дня оборудовали вагоны нарами и забивали окна железными прутьями, рабочая бригада пользовалась ножовками по дереву и по металлу, топорами, молотками и гвоздями. Колесников на второй день в вагоне тайком вырезал в подошвах своих колодок канавки, заложил туда сломанную пополам ножовку по металлу и заделал канавки деревянными шпунтами. Потом уже в лагере подошвы колодок зачистил кусочком стекла и подумал: «Не подкопается ни один фриц!» Теперь ему хотелось быстрее попасть на этап, сесть в вагон и готовить побег. Ждать долго не пришлось. Через сутки с многими другими он попал на гестаповскую комиссию, прошел со своими колодками через строй солдат, при осмотре колодок переволновался, но когда получил солдатское постиранное обмундирование и залез в вагон, то сердечко стало на свое место. Рядом с ним поселился в вагоне высокорослый, широкий в плечах, в брезентовых шароварах парень с черной бородой.

– Давай будем знакомиться! – сказал он, протягивая руку Николаю. – Володя, артиллерист, по нации грек!

– Николай, по национальности украинец! – ответил Колесников.

– Куда поедем? – немного улыбаясь, заговорил Володя.

– Не знаю, – ответил собеседник.

– Поедем – посмотрим! Куда смогут они нас довести, жизнь покажет! – как будто шутя, говорил Колесников.

– Ты как-то говоришь загадкой, как будто это от нас зависит?

– А почему бы и не зависело от наших загадок, разве мы не живые люди? – ответил Колесников вопросом на вопрос.

Они посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись и как будто все поняли, что мысли их сходятся. Тут к ним подселился еще один незнакомый, и они прекратили на время разговор.

Вагон тем временем заселялся, и через полчаса дверь закрыли на крючок. В вагоне стало темнее, но через решетчатые окошки на верхние нары падал свет. Кто-то из темноты писклявым голосом на нижних нарах шутил:

– Братцы! А как же в уборную ходить?

Тут Володя басом ответил:

– По-маленькому будем оправляться в парашу, а по-большому, если придется кому, в тряпочку и через решетку в окошко немцам на голову.

– Это я говорю серьезно! По-большому в парашу не будем, чтобы была санитария в вагоне, итак дышать тяжело, набили, как седки в бочку.

– Правильно говорит! Так и будем делать!

– Считаю, что договорились окончательно! – поддержал Володю Николай.

В вагоне никто не возразил на сказанное новыми соседями, а Володя с Николаем поняли, что жителями вагона можно и нужно овладеть. В новом коллективе, где еще не сгруппировались люди, нужно в первую очередь с кем-то организовать, в чем-то проявиться и возглавить остальную массу людей. Только потом можно будет поддерживать необходимый порядок в интересах большинства, а интерес был – организация побега.

Глава 4

Конец дня. Эшелон сформирован полностью, все товарные вагоны наполнены военнопленными, а в один из них разместили собаководов с овчарками. Немецкая охрана с офицерами заняла пассажирский вагон в голове поезда. Состав поезда оборудовали телефонной связью, а на каждой тормозной площадке, где посменно сидели охранники, установили телефонные аппараты. Каждый

охранник в пути следования поезда в любое время мог сообщить в пассажирский вагон о происшествии. Командир охраны в свою очередь по телефону проверял часовых о несении службы. На заднем вагоне поезда всегда дежурило два охранника.

Когда эшелон был готов к отправке, охранники заняли свои торозные площадки, сверили исправность связи с пассажирским вагоном. Другая команда солдат, открывая поочередно каждый вагон, проверила наличие в вагонах людей и выдала сухой паек за этот день: каждому одну треть булки хлеба и две селедки. Во время еды прицепили паровоз, отчего вздернулись вагоны, потом раздался сигнал паровоза, и состав тронулся в путь.

Из Каунаса выехали при светящем солнце, но на первой останочной станции в вагонах уже было темно. Как только поезд остановился, сразу загалдели немецкие солдаты. Они освещали карманными фонариками решетки на окнах вагонов, проверяли надежность закрытия дверей и деревянными молотками стучали по стенам вагонов. Два солдата ходили по крышам вагонов и тоже стучали молотками. От стука по стенам и крышам в вагоне раздавался грохот, что нервно действовало на людей.

– Подонки! Сволочи! Паразиты! Спокойно спать не дают! – возмущались в вагонах.

– Так будут всю дорогу, на каждой остановке, – отвечали другие, которые уже не первый раз испытали дальние перевозки.

В вагоне, в котором сидели на нижних нарах с правой стороны по ходу поезда Колесников и Володя, завязался разговор:

– Кто знает, куда нас везут? – кто-то задал вопрос тихим голосом, но так, чтобы всем в вагоне было слышно.

– Я слышал, что везут нас на угольные шахты в Германию.

– Говорят, там хорошо кормят и одевают, – ответил неуверенно кто-то на верхних нарах.

– А я знаю, что мы едем во Францию на рудники, об этом говорили солдаты, а мой друг подслушал, который немного кумекает по-немецки.

– Ничего вы не знаете, а болтаете, – заметил третий. – Нас везут в Голландию и там распределяют по помещикам. Будем убирать урожай, пахать, сеять, пасти стада коров.

– Видать, молочка захотел? – кто-то громко упрекнул третьего. – Не знаешь, так не болтай! Легкой жизни захотел?

Колесников понял, что настал момент вмешаться в разговор с расчетом, чтобы направить людей в вагоне на страх будущего и склонить их к побегу. Он придумал и убедительно заговорил:

– Товарищи! Все трое говорят неправду. Они рассчитывают на лучшее, а поэтому высказывают свои пожелания. Напрасно рассчитывать на фашистскую доброту. Я точно знаю, что нас везут на каменоломни в концлагерь Бухенвальд. Это концлагерь, где сотнями ежедневно умирают люди от тяжелой, непосильной работы. Это лагерь, где круглые сутки горят печи, в которых сжигают трупы. Вот туда везут и нас! Кто не хочет гореть в печах, я приглашаю бежать вместе со мной из этого вагона!

В вагоне все молчали. Никто не откликнулся на приглашение, но никто не возразил. У каждого, очевидно, забегали в голове двойные мысли: за и против побега. Колесников понимал обстановку в вагоне, он это предполагал и после минутного молчания предложил.

– Думайте и выбирайте, товарищи, одно из двух: свобода или крематорий! Я имею пилку, можем вырезать доски в вагоне и уйти. Кто согласен бежать, переходите на наши нары вправо, кто не согласен – на нары влево. Ему хотелось побыстрее узнать количество желающих и возможность приступить к работе. Сначала никто не шевельнулся с места. Колесников ждал.

У него появилось сомнение, что никто его не поддержит, а наоборот, его выдадут немцам. Ему не разрешили пилить вагон, и побег не состоится. Нужно было активней и убедительно действовать...

Первым он обратился к ближним по нарам.

– Ну ты как, Володя? Направо или налево?

– Я направо и сосед мой тоже, а дальше давай будем спрашивать.

Он встал посредине вагона и начал спрашивать каждого на нарах правой стороны. Кто не согласен был бежать или сомневался еще, он просил перейти на левую сторону, а с левой желающих перейти на правую. Началось медленное переселение по вагону. До второй остановки поезда в вагоне и переселение закончилось. На правой стороне оказалось 24 человека, на левой 26 человек.

На остановке немцы опять повторили проверку вагонов аналогично первой. Когда поезд тронулся в путь, в вагоне продолжилась полемика.

Одни говорили, что побег совершить невозможно, что немцы дырку обнаружат при проверке, а за время одного пролета между

остановками ее не прорежешь и не уйдешь. Пол толстый, пилить придется всю ночь, а днем вообще ничего не сделаешь. Другие говорили, что они знают, когда были случаи побега из вагонов, но это нужно сделать быстро, в одну ночь. В полемике появились верующие и неверующие в побег. Опять началось переселение со стороны на сторону в вагоне, но перевеса не было, оставалась золотая середина.

Николай с Володей, слушая внимательно разговоры, переговарили между собой и решили предложить свой план побега.

– Внимание, товарищи! – начал Колесников. – Как видите, немцы проверяют на остановках стены и крыши вагонов. Дырку нужно пилить в полу вагона, на том месте, где стоит параша. Опилки будем убирать в парашу на случай проверки, доски пола будем оставлять на месте под парашей, не допиливать до конца одну сторону. Если в эту ночь мы не закончим, оставим на другую. Немцы не станут заглядывать под крышку параша и сдвигать ее с места. Пилить будем только на ходу поезда. Когда все будет пропилено, выломаем пол и на тихом ходу будем спускаться под вагон, сразу лечь на шпалы и лежать, пока не пройдет поезд. Я буду спускаться первым и покажу, как делать.

– А если немцы обнаружат дырку, пока не убежим, тогда кто будет отвечать? – плачущим голосом спросил трус с левых нар.

– Я отвечаю! Всю вину беру на себя. Пусть меня расстреляют! – резко и четко ответил Колесников.

– А когда мы уйдем, а вы останетесь, то немцы вас не накажут, а наоборот, наградят, что вы надежные люди, – с насмешкой сказал Володя. – Кто не желает награды, пожалуйста, с нами в готовую дыру, милости просим. Время есть, подумайте. Я предлагаю начинать работу!

Колесников зубами открыл шпонку в колодке, достал кусок пилки и передал Володе. Второй кусок пилки изъясил из подошвы второй колодки и оставил себе. Нашупали в темноте парашу, начали по очереди пилить доски пола по краю параша.

Достаточно было выпилить доски в объеме дна параша, сначала с одной стороны, а потом со второй, и отверстие позволяло спускаться под вагон, и лежи на шпалах, пока пройдет поезд.

Глава 5

Думать, желать и мыслить было легче и быстрее, чем на самом деле пилить толстые доски пола вагона двумя кусочками ножовки по металлу, в темноте и без удобств. Сначала по очереди пилили Николай и Володя. Уставали руки и колени ног. По их приглашению в вагоне еще оказалось три смельчака-энтузиаста, которые тоже по очереди помогали пилить.

Очень частые остановки поезда и немецкие проверки отняли много времени ночи. К утру, когда сквозь решетки окон и щели в дверях стал пробиваться утренний свет, пропилена была одна сторона нужного отверстия и начата первая доска второй стороны. При свете рассмотрели, как установить парашу, чтобы замаскировать ночную работу, и убрали с пола опилки в парашу, закрыв ее плотно крышкой. Кто ночью трудился, улегся на нижних нарах отдыхать, с таким расчетом, что следующую ночь спать не придется. И спать им не пришлось.

На первой же дневной остановке поезда немцы затеяли проверку людей в вагонах и внутренний осмотр вагонов. Немцы поочередно окружали каждый вагон, открывали двери, перегоняли с одной стороны вагона в другую людей, считали их и осматривали внутри стены, крышу, пол и решетки в окнах. Такую проверку устраивали почти через каждые две остановки поезда.

Последнюю тщательную проверку сделали к вечеру, во время выдачи суточного пайка. При каждой проверке жители вагона очень беспокоились и переживали за сделанное прошлой ночью, особенно бдительно следили Колесников и Володя, как бы никто не сдвинул с места парашу. Однажды немец небрежно постучал сапогом об ящик на предмет его полноты, и параша чуть сдвинулась с места. Глаза Колесникова застыли на полу у дна ящика, на мгновение приостановилось дыхание. Солдат по звуку убедился, что ящик пустой и не стал больше стучать. Когда проверка кончилась и закрылась дверь вагона, Володя хлопнул Николая по плечу и с радостью сказал:

– Наверное, побег наш состоится, раз на этот раз повезло. – У меня все внутри оборвалось, когда сдвинулась параша. Ну, думаю, сейчас начнется... В первую очередь подумал о тебе.

– Я магнитом глаз держал парашу на месте, – шутил Николай, чувствуя, как постепенно отходило внутреннее волнение.

– Скорей бы дождаться ночи, она должна нас выручить. – Как ты думаешь, много уйдет из вагона?

– Половина, думаю, уйдет, а может, и больше! Как говорят, аппетит приходит во время еды! Когда ход будет открыт и люди начнут уходить с вагона, то у многих появится желание выйти на свободу.

– Задуманное нами дело – заманчивое! – совсем уже спокойно говорил Володя. Он считал, что предстоящий побег, задуманный им вместе с Колесниковым, их сблизил их в мыслях, желаниях, что они верны одному делу, как друзья. Всего лишь одни сутки совместной жизни в вагоне, а они уже доверились друг другу, как будто давнишние сослуживцы. Им хотелось каждому узнать как можно больше о прожитом, они вели оживленный разговор, опережая друг друга в прошедших событиях интересной их жизни.

Широкий в плечах, в шлеме танкиста Володя производил впечатление человека крепкого, выносливого, дерзкого, приспособленного ко всяким невзгодам и трудностям. Его худое красивое лицо, обильно покрытое плотной черной растительностью (как он объяснял, для тепла), с коричневыми глазами, как у Николая, с прищуром – в углах белые морщинки – вызвало у Колесникова любопытство и уважение к нему. Надорванным, сирым голосом он Николаю говорил:

– Сам я грек, артиллерист. Командовал орудийным расчетом. Бой есть бой, всех их не помнишь, а вот как пушки на маршах по пересеченной местности и еще на переправах надрывали – это нечеловеческую выносливость и силу надо было иметь. Кони не выдерживали, падали, дохли. А нам не положено, мы люди. На себе орудия вытаскивали. На огневую позицию, бывало, выйти гораздо труднее, чем с нее по фашистам огонь вести. В бою легче, в бою порядок. Действуй по уставу и выполняй команду старшего. А на марше все в кучу, орудие вытаскивай, волоки на себе. Наша батарея на чем специализировалась – из орудий по их танкам прямой наводкой бить. Когда с длинной дистанции по ним огонь ведешь, большой перерасход снарядов получается. С короткой – экономнее и надежнее. Люблю я стрелять из орудия по фашистам!

– Я понял с твоего рассказа, что ты расчетливый и экономный артиллерист, любил убивать фашистов, – похвалил Колесников нового друга, тем самым подлил керосина в огонь рассказа Володи, который и без этого горел желанием осведомить Николая как можно больше о себе.

После короткого разговора, в котором Колесников рассказывал о своих боевых похождениях, друзья знакомились по гражданской жизни. Володя первым изложил вкратце:

– Работал я в колхозе на разных работах, а в последнее время был механизатором. Работал трактористом, шофером, а больше всего комбайнером. Уважали меня на работе за личное рабочее усердие при любых работах: будь то ремонт машин, погрузка, разгрузка. Когда шоферил, всегда вел головную машину и сам отправлялся на разведку новой трассы. Труд водителя тяжелый, нервный, вести машину по зимнику все равно как в штормовую погоду выходить моряку в море, кротким, смирным и слабосильным – не по духу. Все это пригодилось мне на фронте. На фронте, ты знаешь, мы без вагончиков и коммунальных услуг обходились, – рассказывал Володя. – Под Тихвином в окопах и траншеях обживались, словом, в земле жили. И воевали без выходных и при всякой погоде, когда надо круглосуточно, и вполне нормальным считали, что противник воздействует на нас из всех своих стволов разнокалиберными убойными средствами, с соответствующими для нас последствиями. Но свою боевую технику – орудия, лошадей к ним – оберегали пуще своих жизней. В земле солдату спасенье: чем глубже зароешься, тем тебе надежнее. Но у нас в артиллерии такой порядок: сначала капониры для орудий и тягачей отрыть и только после себе щели копаем. Артиллерист как мыслит? Вся сила его в орудии. Это вам не из винтовки пулять, не из автомата брызгать. – Он громко сказал «вам», так как его рассказ уже слушал весь вагон людей. Он гордо продолжал громко: – Снаряд при падении такое наворотит, что целой роте пехоты невмочь. Моё орудие – с шестнадцатью звездами, столько танков из него разбили, – и он палец поднял кверху.

– Ты опять в разговоре перешел на фронтовую жизнь, а я вел с тобой беседу про гражданку, – перебил Колесников Володю.

– Ты расскажи нам, как за девушками ухаживал, как женился? – пошутил другой сосед Володи. – А то убежишь неизвестным.

– Я человек холостой, – объяснил Володя уклончиво, с усмешкой: – Я человек был занятой, а женщины сами по себе ко мне инициативы не проявляли, а первому приставать гордость не позволяет. Правда, когда я работал комбайнером, в одно росистое утро мою скуку как бы сдуло ветром. Произошла встреча, какие, по-видимому, происходят испокон веков у всех молодых людей и

которая сложилась так, как все они складываются...

И тут Володя затих, потому что все жители другой половины вагона переходили на правую сторону, кто уплотнялся на нарах, а кому места не оказалось, то стояли в середине вагона и старались услышать интереснейший рассказ. Все были молодые и хотелось слушать о девушках.

– Давай, Володя! Гутарь! Видишь, всем интересно! – подбадривал Колесников.

– Да, да! Говори – раздались голоса.

– Девушка шла на пасеку, несла дедушке-пчеловоду обед. Небольшая поляна пахла медом и цветами. У девушки была русая толстая коса. Из-под короткой юбки блестели белые гладкие ноги. Глаза были молодые, ясные, и, хотя не была она ни пригрета, ни избалована жизнью, лицо ее светилось, как на солнце светится одуванчик. Этой девушке, еще не истрепанной ни работой, ни звериной мужской лаской, нравилось утро, нравилось мурлыкать ему навстречу южную озерную песню. Девушка показалась мне такой уютной, теплой и радостной, что я пропустил ее мимо и пошел следом за ней, пока не вышел навстречу старик, худой, белый, в лаптях и очках. Она через день ходила к деду, за ней следом нерешительно ходил я. Потом мы с ней познакомились по-настоящему, нашли приют на моем комбайне. Ночами я катал ее на лодке по колхозному озеру, а к осени она сказала мне, что тяжелая и надо думать, что теперь делать... Я не успел подумать, как призвали меня в армию. Теперь вот и не знаю, где она, что с ней...

– В общем, можно сказать, как в той песне: «Мы на лодочке катались золотистой золотой, не гребли, а целовались, не качай друг головой!», – закончил рассказ Володи Колесникова.

Все засмеялись над шуткой Колесникова, и в вагоне оживились разговоры и воспоминания.

Колесников думал об Але ясно, точно и определенно. Она для него была порядочная девушка, подарившая ему свою любовь, и он любил ее, и потому она была для него девушка, достойная такого же, и еще большего, уважения, чем законная жена. Он дал бы любому в морду, если бы кто позволил себе словом, намеком оскорбить ее.

После следующей остановки поезда и очередной гадкой, надоевшей немецкой поверки, Колесников рассказал всем присутствующим о своей любимой детдомовской девушке Але. Своими

разговорами и рассказами, своей общительностью с людьми вагона Колесников и Володя заслужили определенное уважение. Они отличились при всем при этом заразительной живостью характера, общительностью, неутомимым любопытством к людям. Великолепное самообладание, невозмутимое спокойствие, достоинство и смелость их возвысили до желаемого уровня. В течение суток они не выходили из себя, словами не разбрасывались, хотя и не скупались, выбирали самые меткие. К ним прислушивались в вагоне окружающие, чувствовали в них скрытую силу, а главное – веру в задуманный побег.

Новые друзья это прекрасно поняли, так как отношения к ним товарищей по вагону изменилось в лучшую сторону, с ними охотно стал каждый говорить и советоваться, о себе рассказывать и открыто, смело выражать недовольство и злобу против немцев и лагерных полицаев-предателей....

Глава 6

Благодаря интересным рассказам и беседам в вагоне день прошел быстро, с поднятым настроением от личных воспоминаний. После получения пищи и последней поверки в этот день наступили сумерки, а за ними желаемая ночь...

Колесников не знал, какие мучения выпадут на его долю в эту ночь на этот раз. В первых двух случаях немецкие власти отнеслись к нему как к рядовому беглецу. Иногда пойманных расстреливали, вешали на глазах лагерников, иногда только наказывали карцером и двадцатью ударами резиновой палкой на память, чтобы в карцере не сидел, а стоял. В двух прежних побегах он это испытал и пережил, а что будет на этот раз в случае неудачи? Однако он не страшился, а радовался в душе, что настала ночь и организованное им совершится.

На ходу поезда трудно было понять, какая эта ночь за стенами вагона: тихая или ветреная, холодная или теплая, светлая или темная, как в дождливую осеннюю пору. Для побега ночь нужна не совсем тихая и не очень светлая, но и не слишком темная, чтобы можно было оглядеть вокруг местность и выбрать правильное

направление. На остановке Колесников залез на верхние нары и в окошко сквозь решетку установил, что ночь теплая, тихая и светлая. Полная луна высоко в небе посылала на землю свои бледного света лучи, за что матушка земля была ей благодарна. Хотя через окошко самой луны не было видно, но в небе светилось много звезд и не было ни одной тучки.

Вернувшись на свое место на нарах, Колесников прошептал Володе:

– Погода немного неподходящая – тихая и слишком светлая.

– Так это хорошо! – вслух ответил Володя.

– Не совсем хорошо! Охрана на заднем вагоне может увидеть людей на пути, – шепотом пояснил Колесников только Володе.

– Может быть, к середине ночи потемнеет, луна зайдет за тучи.

– Нужно приступать к делу, – тем же тоном сказал Николай.

Как только поезд прошел освещенную зону станции и вышел за стрелку, Володя намотал на один конец ножовки тряпку и стал пилить вторую сторону отверстия в полу вагона. На сей раз появилось много желающих помочь в ночной работе, часто менялись, и дело двигалось вдвое быстрее, чем в прошлую ночь. До третьей ночной остановки поезда отверстие было прорезано. Осталось нажать ногой на доски, проломить их под вагон – и ход открыт.

Доски выламывали по одной, аккуратно спускали под вагон на ходу поезда. В проломанное отверстие по вагону потянуло сквозняком и пылью.

– Ну, товарищи! Пора уходить! Желаю каждому счастливого пути! – весело и возбужденно произнес Колесников.

– Поясняю, как уходить: сначала опуститься на руках в дырку, достать ногами землю и бежать по шпалам, обгоняя скорость поезда. Как наберете скорость бега, быстро спускайтесь и ложитесь по ходу поезда животом на шпалы, чтобы нас не заметила охрана в заднем вагоне. Потом ползком или на четвереньках уходите с пути в выемки насыпи и дальше на все четыре стороны. Я иду первым, и смотрите, как это я сделаю... Он снял с ног колодки, бросил их под вагон, сам быстро опустился, немного повисел на руках и исчез под вагоном.

За ним торопился Володя, следующий Петр, сосед по нарам, и пошли прыгать все желающие. Прыгали быстро, так как поезд шел на подъем и значительно сбавил скорость. После двадцать четвертого

человека поезд резко затормозил. Стоявшие возле дырки отлетели к нарам. В других вагонах от толчка все проснулись. Послышалась стрельба из автоматов, лай овчарок и громкий разговор солдат.

– Все! Попались! Что теперь будет? – паническим тоном кто-то в вагоне прокричал...

Всему несчастью повинна была светлая ночь, а вернее луна. Как только появились на шпалах лежавшие смельчаки, часовые на тормозной площадке заднего вагона пригляделись и при свете луны опознали людей. Сразу по телефону сообщили в пассажирский вагон, а оттуда на паровоз дали сигнал, и машинист нажал на тормоз.

Вся охранная команда по тревоге окружила поезд, а собачники с овчарками и автоматами под командованием офицера бросилась ловить беглецов. Открытое, ровное чистое поле, без единого кустарника, светлая ночь на чужой немецкой земле не содействовали русским людям уйти от врага. Внезапная стрельба, лай собак, появление солдат панически действовали на возбужденных событием смельчаков. Они бежали друг к другу, кидались в разные стороны, искали какой-нибудь помощи и защиты, но все было безнадежно. Их настигали собаки, рвали на них одежду, сбивали с ног, кусали до крови и задерживали до прибытия солдат. Те под страхом автоматов с угрозой сгоняли беглых в кучу, приказывали садиться, пока не поймали последних. Ими оказались Володя и Колесников. Офицер долго смотрел на оборванных, искусанных собаками людей, ходил вокруг них в раздумье, потом по-немецки сказал: «Вы смелые люди, а я смелых уважаю! Поэтому я вас прощаю и не буду наказывать! Покажите вагон, откуда бежали!». Все сидевшие общими силами начали переводить на русский язык сказанное офицером. Когда с трудом разобрались, Володя встал и сказал офицеру: «Пошли, я покажу!» Тот улыбнулся, повторил по-русски: «Пошли!» – и дал команду солдатам всех вести к поезду.

Дошли до пятого вагона от конца состава и Володя показал рукой на вагон. Один из солдат открыл вагон, выгнал на улицу оставшихся в ней людей, пересчитал и доложил офицеру. Тот приказал забить в вагоне досками дыру и перегородить вагон на две части. С правой стороны выбросили нары и посадили туда пять овчарок.

Во вторую половину на нары загнали оставшихся «небеглецов» и дверь вагона закрыли на крючок. Всех беглецов загнали в собачий вагон в левую половину, а в правую тоже пять овчарок

и отгородили доской. Так и пришлось нашим смельчакам остаток пути ехать без нар, сидя на полу, поглядывая на злых овчарок.

Овчарки по ту сторону доски тоже смотрели на людей и все время рычали, оскаливая зубы, если кто из людей шевелился или приподымался, чтобы сменить под собой ногу или прилечь на соседа. Правда, спать никому не пришлось, все были огорчены неудачей, расстроены до крайности...

Светлым утром поезд прибыл на конечную остановку – в город Штутгарт. Вагоны загнали в тупик на свободный путь, отцепили паровоз и людей долго не разгружали. Только к обеду прибыл из города на станцию новый конвой – человек пятьдесят с автоматами – и началась разгрузка вагонов. Поочередно открывали вагоны, считали, строили в общую колонну и окружали новой охраной. Передача новому конвою закончилась быстро, всех пленных вывели на дорогу, вымощенную булыжником, плотным строем повели в город. Примерно через час подвели к лагерю военнопленных, но в лагерь почему-то не завели, а посадили строй на землю у ворот лагеря. Через некоторое время автомашиной привезли в мешках мытую брюкву, накормили и всех загнали в сарай на ночлег...

Глава 7

Лунная ночь для людей в сарае оказалась мучительной. По всем признакам даже в темноте можно было убедиться, что в этом длинном сарае недавно находились раненые и больные лошади. В сарае стоял тяжелый запах карболки, конского пота и навоза. Во многих местах лежал сырой навоз, а в отдельных местах земляной пол был превращен в грязь. При таком состоянии жилища людям не пришлось ложиться спать. Кто на корточках, а кто стоя, прислонясь к стенам или друг к другу, мучительно дожидались утра.

К середине ночи у многих от переедания сырой брюквы расстроились и заболели желудки. Пришлось выбрать самые сырые навозные места в конюшне, куда устремились больные освободить желудки. Было горе и смех в сарае. Охранники вокруг сарая стучали в стены и двери, чтобы там прекратили шум, но люди делали свое, не боясь охраны. Кто освободился и получил облегчение, тот шутил

и смеялся, а у кого крутило живот и были сильные боли, тот молчал, стонал, ругал немецкую брюкву, но рад был сараю.

Колесников по такому случаю рассказывал Володе и Петру, но так громко, чтобы слышало как можно больше его окружающих, школьный анекдот:

– В первом классе учительница спросила малышей: «Дети, скажите, что самое быстрое на свете?» Маша подняла руку и сказала: «Звук!» «Звук быстрый, но есть быстрее другое», – поправила учительница. Петя встал и сказал: «Свет!» «Свет быстрее звука, но не самый быстрый» – опять не согласилась учительница. Вова поднял руку, быстро встал за партой и сказал: «Я знаю, Мария Ивановна! Это мысль!» «Правильно, дети, мысль самая быстрая», – подтвердила преподаватель. А на самой задней парте сидел второгодник Ваня. Он спокойно приподнялся и возразил всему классу: «Неправильно! Самое быстрое – это понос! Не успеешь подумать, как уже в штанах мокро!» В классе все громко засмеялись вместе с учительницей.

Но в сарае смеялись громче, смеялись так, что охрана открыла стрельбу...

Вставало красное осеннее солнце, поблескивали стекла в небольших окошках под крышей конюшни. Сквозь щели дверей в сарай заходил струйками утренний седой туман. Измученные бессонницей и болезнью животов люди ходили по конюшне в разных направлениях, думали и рассуждали, что им принесет день грядущий. Ждать пришлось недолго. Сразу с утра появилась офицерско-врачебная комиссия, которая каждого пленного, поочередно выпуская из сарая, осматривала с ног до головы. Сильно слабых отделяли в сторону, а подходящих более-менее, по мнению комиссии, отводили ближе к лагерю и садили на землю по четыре в ряд. Когда подходили к комиссии беглецы из вагона, оборванные и искусанные собаками, а они подходили один за другим, так как судьба их подружила и они держались вместе, то главный офицер приказал помыть от крови раны, перевязать, рваную одежду снять и выдать другую! Ефрейтор-санитар вместе с двумя конвоирами всю группу беглецов отвел к воротам лагеря. Там принесли из лагеря два ведра теплой воды, заставили каждого промыть от засохшей крови места укусов собак, а ефрейтор тут же смазывал раны йодом, засыпал чем-то белым и выдавал куски рваных простыней вместо бинта для перевязки.

Когда вся группа была санитаром обработана, привезли из лагря поношенное, но чистое, подходящее для носки обмундирование из желтого сукна и всех одели в брюки, френчи и шинели. Также всем дали новые колодки на ноги с суконными портянками и головы покрыли какими-то шлемами из сукна (кто-то сказал, что это обмундирование чешской армии). Володя-грек не втерпел и высказался: «Вот так, братцы! Побег наш оправдался! Нас одели лучше всех, чтобы мы были довольны и не бежали. Боятся нас, поэтому угождают!»

Когда в таком обмундировании привели в общий строй, то все запомнили по одежде беглецов из вагона. После окончания комиссовки больно слабых погрузили на автомашины и увезли куда-то, а весь этап привели на станцию и посадили в товарные вагоны. Вагоны были чистые, без нар. Стало быть, поездка недлинная. Действительно, ехали не так долго, даже не было ни одной поверки в пути, приехали засветло в какое-то место залива, где уже стоял грузовой пароход и дымил трубой. Гражданского населения здесь не было, одни военные.

Прямо с вагона людей перегоняли конвоиры по трапу на пароход, возле трюма выдавали каждому булку солдатского хлеба и банку консервов – рыбный паштет – и сажали в трюмы, сначала на корме, а потом загрузили носовую часть. После погрузки всех пленных выставили у трюмов часовых-моряков и зажгли на палубе свет, так как на улице темнело. За вкусной едой люди не слышали, как отплыли от берега. Кто съел все сразу, а многие оставили на второй раз хлеб и паштет. После еды почти все люди кучками спали на дне трюмов. Просыпались в разное время, но в основном все проснулись на второй день, когда через отверстие трюма было видно тучное небо и часового, который часто заглядывал вниз. Проснулись от сильной качки и от шума морской волны. Людей катало по дну трюма, а кто пытался встать, того швыряло в сторону. Многих тошнило, открылась рвота, и немецкий хлеб и паштет не пошли на пользу. В этапе изредка были пленные матросы, которые по опыту советовали людям, ложится животами вниз и прижиматься ко дну трюма для удобства.

В таких условиях плыли люди пароходом, наверное, трое суток, но точно времени никто из пленных не мог определить. Факт тот, что по прибытии на место люди оказались полуживые, и разгрузка была отложена.

Глава 8

Пароход простоял в порту двое суток. Пленных небольшими группами выпускали на палубу, предоставляли им возможность помыть лицо и руки морской водой, которая текла из шлангов для этой цели. В трюмы спустили ведра с водой, швабры, и пленные сделали уборку.

Людам выдавали еду: булку хлеба на четверых заранее разрезанную и соленую кильку в пергаментной бумаге. После двухсуточного отдыха в тихой гавани утром высадили людей на берег в подчинение нового конвоя. Холодный морской ветер с изморосью пронизывал насквозь худых, плохо одетых русских людей вдали от родины.

Тяжкая, горькая судьба забросила этих советских людей в порт северной Норвегии Тронхейм. Никто из них в жизни не думал, никому во сне не снилось побывать в этой северной стране среди ее гор, покрытых снегом, в ее ущельях, где день и ночь сквозит холодный ветер, пронизывает тело человека холодом и сыростью, где редко ласкает людей солнце, где часто цинга обижает молодежь. Строгий, безжалостный, вооруженный до зубов конвой погнал обездоленных людей ближе к полярному кругу на каторжные работы. По злому умыслу фашистов, русским пленным предстояло строить в северной части Норвегии железную дорогу. Рассчитывая на их выносливость и на заранее продуманную фашистами гибель советских людей, Гитлер и его свора задумали на костях русских построить железную дорогу для будущей эвакуации своей армии, застрявшей в Финляндии. Фашисты заранее рассчитывали драпать на случай поражения, которое уже тогда созревало. От Тронхейма на север погнали людей пешком. По извилистой, каменистой дороге каторжники гремели деревянными колодками, шли тяжело на подъемах и трудно на спусках. Многие натерли до крови ноги, снимали колодки и шли босиком. Узников гнали днем и ночью. Конвоиры менялись и отдыхали на автомашинах, которые были впереди и сзади колонны узников.

На вторые сутки люди стали падать от голода и усталости. Начальник конвоя, фашистский изверг, сильно избил, а потом пристрелил одного из автомата. Люди от страха смерти шагали через силу, помогали друг другу, поддерживали слабых под руки. С такой тихой скоростью на третьи сутки доплелись до назначенного места.

Это была ровная низменность в горах, без всякого селения норвежцев. Со стороны дороги возвышались скалистые горы, с трех сторон – невысокие горы, покрытые кустарником, а выше лесом. Над низменностью всегда висел сырой туман и редко когда светило солнце. Ровное место было уже обнесено забором из колючей проволоки без единого строения.

Возле будущего лагеря вне огражденной зоны стояли большие воинские палатки с дымящимися трубами. В них жили немецкие солдаты и чешские мастера-строители, мобилизованные немецкими властями в трудовую армию. Они получали скуднее продовольственный паек, чем немецкие солдаты, даже вареную пищу получали из отдельного котла.

Пленных загнали в зону ограждения, вокруг которой уже ходили с автоматами охранники. Завезли на тракторе с прицепом дрова и разрешили разжечь костры, один костер зажгли сами солдаты с помощью солярки. От первого костра пленные развели еще несколько, группами их окружили и согревались.

Примерно через три часа к воротам зоны группа солдат подтащила походные армейские кухни, из которых парило приятным запахом, подвезли на машине армейские котелки и стали кормить пленных, предварительно построив их в одну шеренгу. Каждому пленному через ворота подавался солдатом котелок, больше половины наполненный рыбным супом с перловой крупой. Такой настоящий суп в первый и последний раз пришлось людям получить в немецком плену. Очевидно, на этот раз не было в воинской части в запасе брюквы, шпината, свеклы, гнилой картошки и других некачественных продуктов, предназначенных для русских военнопленных. А может быть, решили подкормить как следует очень усталых людей, которым еще предстояло некоторое время жить под открытым небом и много трудиться на устройстве своего жилья и быта. После кормления в лагерь зашли чехи-мастера, большинство которых разговаривало на понятном языке, так как многие из них уже работали в других лагерях с русскими. Сразу начали формировать разные бригады. Три мастера приглашали плотников, двух лесорубов, одного автослесаря и электриков, а немец-фельдфебель отбирал с переводчиком чехом поваров, пекарей и кулинаров. Он же пробовал набрать полицаев, но оказался только один желающий, которому Володя-грек пригрозил, после чего тот отказался.

Остальных людей, которые не вошли в составы формируемых бригад, рассчитали по восемьдесят человек и назвали их бригадами камнеломов, землекопов и разнорабочих.

На следующий день и последующие развернулось строительство лагерных бараков, кухни, лазарета, бани в зоне лагеря, а за зоной – овощехранилища, продсклада, караульного помещения. Казарму для солдат и небольшую пекарню строили сами солдаты и чехи. Строительство из местного лесоматериала шло быстро, люди понимали, что о них должны позаботиться они сами. До наступления холодов лагерь был построен и назван по местности – «Старвольд». Немногие узники этого лагеря дожили до светлого дня победы над фашизмом.

Глава 9

В северной части Норвегии от Тронхейма до Будё по намеченной трассе строительства стратегической железной дороги немцы создали концлагеря русских военнопленных. Для каждого лагеря был определен участок строительства в сложных горных условиях. Во всех немецких лагерях для советских военнопленных был установлен самый жесткий режим. Очень скудный паек питания, плохие бытовые условия, крайне тяжелая физическая работа приводили людей к гибели. Без дополнительного куса хлеба или порции супа человек должен был неизбежно обессилить, а вскоре и погибнуть. Они и гибли. От голодного истощения во всех лагерях ежедневно умирали люди, которых хоронили в общих братских могилах.

Люди настолько были истощены, что вес каждого редко превышал сорок килограммов. Трава между бараками не росла – ее съедали, едва она пробивалась из земли. В зимних условиях еще более усложнялась жизнь людей, к голоду добавлялся холод и болезни...

Много разных ухищрений применялось военнопленными в борьбе за жизнь. В свободное от работы время многие занимались ремеслом: делали наборные мундштуки и трубки для курения; из корней и прутьев, которые заготавливали на работе в лесу, плели корзины разных размеров и фасонов; делали из дерева всевозможные игрушки: лошадей, слонов, кур, кузнецов и так далее.

Ремесленники свои изделия меняли на продукты и курево у солдат и мастеров-чехов, которые брали за полцены, а потом перепродавали норвежскому населению с большой выгодой.

Приходилось ухищряться, чтобы тайно пронести в лагерь добытые продукты и помочь больному и обессиленному другу-земляку. Неудачнику доставались побои, плети от полицаев, а то и виселица или замерзание на холоде раздетому догола по указанию немецкой администрации. Но ничто не останавливало взаимную помощь и поддержку землячеству. Казалось, кто добыл пищу на работе, мог поесть ее там. Но среди пленных царил в сознании неписанный закон: пища, добытая на стороне сверх пайка, принадлежит больным и слабым друзьям и землякам. Скучные эти дары помогали товарищам выжить...

В лагере одиночество равносильно смерти. Поэтому здесь, как, может быть, нигде, люди тянулись к землякам. Межземляческие связи завязывались повсюду, особенно в рабочих командах. С особенной силой солидарность проявлялась между коммунистами. В лагерях люди научились ненавидеть немцев, им казалось, что эта ненависть не оставит их никогда, что всякого немца, встреченного на пути к свободе, они готовы растерзать на части...

Положение советских пленных оставалось самым тяжелым среди пленных других стран, ведь Советскому Красному Кресту было запрещено связываться с международной организацией и помогать воинам, находившимся в плену. На родине их объявили изменниками. Они не получали посылок от родных, не могли получать и посылать письма, как пленные других стран...

Смерть подстерегала их все годы плена как в лагерях, так и на этапах. Все люди боялись смерти, исключений нет и для храбрейших. Но в бездействии, в неволе она во много раз страшнее, чем в открытом бою. Особенно гибель накануне окончательной победы над Германией – это ужас, бессмыслица. С этим человеческое сознание примириться не может! Человек жаждет свободы!

В бараках, то в одном, то в другом углу, начинались тайные и открытые разговоры о ходе войны, возникали споры.

Находились всегда и малoverы, пессимисты, но их опровергали, им доказывали, их стыдили. Они оказывались в меньшинстве, и их воспитывали, как-то незаметно для них самих в их душах, в их сознании крепла вера в победу над фашизмом.

Глава 10

Лагерникам «Старвольда» пришлось строить железную дорогу на участке скальной возвышенности, через которую нужно было пробить тоннель. В две смены, по десять часов каждая, на горе стучали отбойные молотки, шумели компрессоры, гремели вагонетки. Эхо взрывов раскатывалось волной далеко в горах и над лагерем. Также часто слышались взрывы заложенной в пробуренные отверстия и шурфы взрывчатки по ту сторону горы, где работали узники соседнего лагеря. Они так же трудились, как и узники «Старвольда», в две смены на сооружении тоннеля в противоположном конце горы. В каком-то году они должны были встретиться, но на это не хватило военного времени. Не пришлось гитлеровцам закончить железную дорогу на костях советских военнопленных и по ней вывести свои войска из Финляндии. Красная Армия погнала немецко-фашистскую свору на запад, все чаще и чаще празднуя свою победу. Советский народ славил своих воинов. Известно, как события развивались дальше. Увяз вермахт в боях тактического характера, что привело в итоге к полному разгрому фашистской Германии...

Но до этого было еще далеко... Немного меньше трех лет пришлось пленным в страхе, в голоде, в тяжелой борьбе за жизнь дожидаться свободы. Из рассказов тех, кто попал в плен совсем недавно, в последние месяцы 1942 года, было известно в лагере «Старвольд», что немцы по-прежнему занимали огромные территории страны, а кое-где даже наступали. Но Ленинград держался крепко, а под Сталинградом бои становились все более ожесточенными.

Гриша Коваль в беседе с Колесниковым рассказывал: «28 июля 1942 года в районе Голубинска, на нашем левом фланге, завязались бои за переправу через Дон, атаки противника были отбиты, но они повторялись вплоть до 15 августа. В этот день противник устремился донским переправам на всем фронте укрепленного района и с ходу пытался форсировать реку. Однако успеха он не имел. Враг предпринимал все новые попытки переправиться через Дон. Наши позиции непрерывно бомбила фашистская авиация, обстреливала артиллерия. Мы стойко отражали вражеский натиск. Многих товарищей мы потеряли в те дни. Сильные бои

разгорелись в районе хутора Вертячий. Гарнизон хутора – одна пулеметная рота и стрелковый батальон – сражался храбро. Погиб в бою командир батальона капитан Авдошин А.И. Командование принял комиссар Золотов П.К., и батальон продолжал борьбу в окружении. Я, раненный, попал в плен...»

Другой пленный, пожилой мужчина, которому можно было верить, продолжил рассказ Гриши: «Я был в Сталинграде 23 августа. Этот день никогда не изгладится из моей памяти. Город был охвачен огненным смерчем. Враг бросил на Сталинград весь свой воздушный флот. Гитлеровские воздушные пираты буквально засыпали город фугасками и зажигательными бомбами. Беспрерывно то там, то здесь взмывали вверх огненно-дымные столбы бомбовых взрывов. Огромные столбы пламени поднялись к небу в районе нефтехранилищ. Потоки горячей нефти и бензина устремились к Волге. Горела река, горели пароходы на сталинградском рейде. Смрадно чадил асфальт улиц и площадей. Как спички, вспыхивали телеграфные столбы. Визг летящих с высоты бомб смешивался с громом взрывов, скрежетом рушащихся построек.

Стонали гибнущие люди, надрывно плакали и зывали о помощи женщины и дети. Сердце сжималось невыносимой болью, состраданием к невинным жертвам фашистских извергов. Да, тяжело было видеть эту картину разрушения и смерти. Но я видел и другое: решимость советских людей, военных и гражданских, в любых условиях перед лицом самых невероятных трудностей противостоять врагу...»

Колесников много беседовал с теми, кто в плен попал совсем недавно, старался запоминать их рассказы, и потом все новости он передавал другим своим собеседникам. За год плена Колесников научился смотреть и видеть. Он узнавал людские судьбы, открывал для себя пути человеческих бед, приведших в лагерь честных, преданных родине солдат и командиров. Он открыл для себя новый, иной путь сопротивления фашизму, искал и находил надежных людей и средства коллективной борьбы в условиях жестокого террора и массовых убийств в концлагере...

Глава 11

Одним из самых близких друзей за все время пребывания в лагере был для Колесникова Володя-грек. Спали с ним рядом на третьем ярусе нар, укрывались общим тряпьем, делили, что называется, невзгоды и радости, друг без друга не ели добытую сверх пайка пищу...

Характерами они различались, но мысли и чувства у них были едины, они понимали друг друга с полуслова. После отбоя, лежа рядом, беседовали целыми часами о самом сокровенном: о прошлой и современной жизни, как воевали, что было с ними в других лагерях. Почти три года вместе мечтали о разгроме Гитлера, о возвращении на родину, чем будут заниматься после войны. Володя вспоминал родную мать и близких, а Николай только близких, не имея родных. Погорюют, помолчат, вспоминая каждый свое, подумают про себя и засыпают. В такие минуты важно чувствовать локоть товарища, друга близкого, как брата родного...

В открытом разговоре наедине Володя спросил Николая:

– Как думаешь жить? Будешь снова готовить побег? Учти, в Норвегии это сложно! Местность и погода тяжелые.

– Другого выхода не вижу, Володя. По крайней мере для себя. Гнить в яме, ждать, пока тебя из барака повезут на тележке в братскую яму и сбросят в нее, может быть, еще живого, как других. Послушно работать на фашистов? Не желаю! Надо искать пути к свободе, чтобы драться с ними, гадами. А нет – пусть жизнь оборвет пуля. Может, перед тем и я сумею хоть одного фашиста задавить, и то польза...

– Красиво говоришь, – произнес Володя. – Но ты горячишься! Умереть никогда не поздно, а здесь в лагере – это просто. Но это вовсе не заслуга. Надо жить, чтобы вернуться на родину. Солдаты нужны и здесь... если перед ними благородная цель. Среди пленных есть стойкий народ, способен за себя бороться, постоять. Ими нужно руководить. Это должны возглавить мы, коммунисты...

В долгой беседе Володя и Николай пришли к выводу, что и в концлагере можно продолжать борьбу с фашизмом, что важнее, чем даже дерзкий, даже удачный одиночный побег в Швецию...

В конце разговора Николай согласился с Володей:

– Ты тоже красиво говоришь! Я согласен с тобой, что здесь людей тоже нужно воспитывать, внушать в их сознании веру в победу,

а вместе с ней гордое чувство, что солидарность советских людей, в какие бы они условия ни попали, никому не дано поколебать... Нам нужно с тобой находить в лагере надежных людей, честных, преданных родине солдат и офицеров, верных коммунистов и комсомольцев для коллективной борьбы в условиях концлагеря. Такие люди в лагере есть, но они одинокие и боятся в застенках фашизма себя выявлять.

В частных беседах я уже к некоторым пригляделся, начну с ними заниматься очень осторожно... Мне кажется, Петя-партизан человек смелый и находчивый. В плен он попал в Риге с группой матросов и красноармейцев, прижатых к морю, после того как расстреляли все патроны. В фашистских лагерях побывал в самых тяжелых переделках. Однако сумел и сам уцелеть, и помог многим людям выдержать испытания. Я постараюсь на днях с ним поговорить...

Однажды, встретив Петра в лагере после работы, Николай заговорил с ним о партийности.

– Как то решится вопрос о нашей партийности, когда вернемся, что ты думаешь? – спросил Петр.

Николай сам давно сомневался и тревожился об этом, после долгого молчания ответил:

– Наша совесть чиста, Петя. Это, в конце концов, главное. Нас проверят, убедятся...

– Но там, на родине, по-прежнему считают, что плен во всех случаях позор, а не беда? И такую липкую, хоть и мнимую вину не так легко смыть... – возразил Петр.

– Но на нашей партийной совести нет пятна за время плена. Мы самостоятельно делаем опасные побеги, саботируем на работе. В дальнейшем нужно агитировать и вовлекать в это других пленных, убеждать, чтобы не записывались в РОА, разъяснять и доказывать, что фашизм будет уничтожен и наш народ победит, – горячо убеждал Николай своего друга и самого себя.

Оба стояли молча. Обоих одолевали тяжелые сомнения. Первым заговорил Петр:

– Нас встретят, как чужих. В партии спросят: где твой партбилет? Как ответим?

– Ответим, как было... У меня, например, партбилет остался в полевом госпитале, там у всех раненых партбилеты забирали вместе с одежей... Но разве дело в самом билете, в этой красной

книжечке? Мы с билетом и без него были и останемся коммунистами. Чистая совесть коммуниста – вот наш партийный билет, – тяжело вздыхая, сказал Николай. Ему самому было тяжело и стыдно вспоминать о том, что по возвращении на родину придется объясняться перед товарищами-коммунистами, как попал в плен и что там делал.

– Нужно, Петя, в плену вести такую деятельность, чтобы потом, по возвращении на родину, не стыдно было объясняться перед товарищами по партии. Ну как, убедил я тебя? – спросил он Петра после некоторого раздумья.

– Я согласен вести в лагере работу, тобой сказанную, если нас будет несколько человек и кто-то будет руководить. Это тонкое дело, нужна осторожность и умение в условиях лагеря.

– Да, это рискованное дело, но благородное... Пока знай меня и Володю, – сказал Колесников в конце разговора.

Глава 12

Северная часть Норвегии сурова климатическими условиями, природными и самим рельефом местности. Горы с очередными перевалами и глубокими ущельями, сплошное бездорожье не позволяли пешеходам передвигаться на дальние расстояния. Большинство гор покрыты снегом и обледенением, а в ущельях сильные сквозняки, густые серые туманы, дождь со снегом. В таких природных условиях побег из лагеря плохо одетого человека – явная смерть. Коменданты лагерей и немецкая охрана, зная об этом, слабее охраняли пленных, чем в лагерях прифронтовых территорий. Поэтому среди пленных, в том числе и лагеря «Старвольд», велись разговоры и были помыслы у отдельных смельчаков о побеге. Колесникова тоже не покидала эта повседневная тягостная мысль, не так далеко была нейтральная Швеция. Но он знал и другое, что пробраться в Швецию из Норвегии сложно и почти безнадежно. Нужно было как-то проверить, попробовать. Для этого он ходил на работу в бригаде по вырубке леса для шпал, изучал местность и условия. Ходил на гору, где строился туннель, отвозил вагонетки с камнем в насыпь над ущельем, присматривал, мыслил, взвешивал...

Однажды был такой случай. Офицеры лагеря в выходной день ходили на лыжах в горы на охоту. Охота была удачной, убили крупного лося. В понедельник на утреннем построении перед работой через переводчика объявили:

– Кто желает добровольно пойти в горы за мясом убитого лося, выйти из строя на три шага вперед.

Желающих сначала не оказалось. Тогда переводчик по согласию коменданта добавил:

– Кто пойдет – получит половину булки хлеба, кусок мяса лося, а для всего лагеря будет сварен суп из головы и внутренностей лося.

Постепенно стали выходить желающие, кто из-за еды, кто в интересах всего лагеря, а Колесников вышел, чтобы пойти в горы разведать дорогу и проверить свою силу и выносливость в местных условиях на случай побега. За лосем ушло двадцать человек пленных, шесть конвоиров с автоматами и двумя собаками.

Перевалили через горный хребет, спустились в ущелье. По ущелью на восток двигались за ветром и дошли до убитого лося, на которого сначала набросились овчарки. Среди пленных нашлись специалисты, сняли шкуру и рога, выпустили из живота внутренности, очистили желудок и кишки от содержимого, потом разрубили тушку лося на куски, посильные для одного пленного. После короткого отдыха мясо, рога, шкуру и все внутренности подняли пленные на себя и пошли обратно под конвоем в направлении лагеря. По ущелью пришлось идти против ветра, который своим холодом и сыростью пронизывал людей насквозь. Люди посинели, дрожали и постепенно застывали до такой степени, что не могли шагать. Немцы сначала орали, грозили автоматами на отстающих, но потом сами замерзли и стали думать, что до лагеря им с грузом людей не довести. Примерно в середине пути на вершине горного хребта, когда пленные, да и они сами, застряли в снегу и не могли продвигаться вперед, приказали бросить груз и идти дальше. Но люди даже без груза не могли шагать, у них не гнулись ноги. Тогда один солдат с овчаркой пошел в лагерь за помощью. Пришла целая бригада пленных и еще десять солдат, при помощи которых донесли в лагерь лося и под руки довели первых пленных и солдат. Благодаря лагерной бани и горячей воде отогрели русских и немцев одновременно.

Вечером перед сном Володя ругал Николая:

– Какого черта пошел за лосем, сто лет он тебе не нужен! Могли пристрелить тебя там, и конец всем твоим мечтам и планам.

Николай чувствовал, что за малым чуть не простился с жизнью, но старался оправдаться:

– Зато я убедился, что бежать из лагеря безнадежно – явная смерть. Мысль о побеге я отбрасываю и другим не советую больше. Но жить здесь мирно я тоже не могу.

– А я что говорил раньше? Ты все мне не верил, а вот хорошо, что сам убедился, – с какой-то радостью высказался Володя вслух для соседей по нарам.

– Теперь нужно усиленно заниматься тем, о чем мы говорили с тобой раньше, – продолжил шепотом разговор Колесников.

– Нужно подбирать надежных товарищей, через них агитировать в бригадах, вовлекать других пленных в организацию саботажа на работе, портить инструмент и механизмы, требовать от немцев улучшения быта и обращения с нашим братом, повести борьбу с полициями и прижать их к ногтю...

– Делов много, и люди есть подходящие, только нужно этим заниматься осторожно. Я уже двоих знаю в своей бригаде, на которых можно положиться. Они долго ремонтируют отбойные молотки, предлагали мне в масло компрессора насыпать песок, – сказал на ухо Николаю друг.

Так как в бараке уже многие спали, стало тихо и их разговор даже шепотом мог кто-то подслушать, они тоже решили спать.

Глава 13

В лагере «Старвольд» полицаяев привезли из других лагерей, набранных из изменников родины. Откровенные бугаи, с красными, противными рожами, чувствовали себя привольно в лагере и вели себя нагло по отношению к пленным. Жили в отдельном бараке, рядом с кухней, вместе с лагерными «придурками»: поварами, хлеборезом, врачом, санитарями и электромонтером.

Кормились с отдельного котла, куда повара закладывали за счет пленных лучшие продукты, получали двойной паек хлеба и частые подачки из остатков немецкой кухни. Изменники родины, выслуживаясь

перед немцами, избивали пленных утром на подъеме, вечером возле кухни при раздаче пищи, больных выгоняли днем из бараков чистить снег в лагере, возили на них воду в баню из речки. Обер-полицай Александр Васильевич – так велел он себя называть – и переводчик – тоже Александр – оба из Ленинграда, докладывали коменданту лагеря о непослушных пленных, получали разрешение на наказание и приводили в исполнение. Особенно был жесток изверг, уголовный преступник и изменник родины из Киева. Кроме избивения безвинных людей, он занимался клеветой на пленных, за что немцы тяжело наказывали тех тяжелой работой, голодом, даже были случаи убийства на работе по указанию начальства лагеря, как за попытку к побегу. Многих пленных запутывал этот подлец, безвинные люди платились своим здоровьем, а иногда и жизнью. Его в лагере прозвали Пауком. Эту кличку он носил до своей кончины.

Зазнавшиеся и зажравшиеся повара варили совершенно негодную для еды пищу. Ленились помыть, перебрать от гнилья и песка картошку или брюкву, шпинат или ботву свеклы от тухлого рассола, совсем не чистили рыбу, все безобразно закладывали в общие котлы и варили. Чувствуя поддержку политикаев, расходовали картофель и рыбу для кормления лагерных «придурков», и основной массе людей приходилось довольствоваться грязной зеленой водой от квашенного шпината, капусты или листа свеклы.

Больные пленные валялись в бараках на голых нарах. Лагерный врач и два санитары из пленных в своей деятельности только и занимались осмотром умерших в бараках, давали разрешение на погребение их похоронной команде, вели учет умерших и больных в лагере. Одежда на пленных рвалась, а чинить было негде и нечем. С работы приходили мокрые, грязные, а сушить и стирать одежду было негде.

В лагерь завалилась цинга севера и начали кровить десны и дергать зубы у пленных. Все эти лагерные беспорядки да невыносимая тяжелая работа изматывали людей физически и морально. Нужно было что-то делать, поправлять дело по возможности, бороться с произволом, отстаивать мало-мальские права на жизнь...

Впервые собрались вместе четыре коммуниста: Николай, Петр, Владимир и Анатолий, достаточно знавшие уже друг друга. Стояли на улице между баней и туалетом, вели разговор так, чтобы никто не подслушал.

– Всем вам, друзья мои хорошие, известны беспорядки лагеря, – начал разговор Колесников после пожатия рук. – Полицаи свирепствуют, повара нахальничают, медики бездействуют, люди в лагере страдают, а немцы радуются. Нужно с этим бороться, так дальше продолжаться не должно. Мы, коммунисты, должны возглавить борьбу, а люди нас поддержат. Организуем людей и общей силой будем бороться с внутренними и внешними врагами.

При этих словах Николай замолк, так как мимо проходили два повара в туалет. На обратном пути их Владимир остановил и попросил закурить, зная, что они за баланду меняют у пленных курево, добытое теми по-разному на работе.

Повара, зная смелость и физсилу Володи, сверх своего желания дали на всех одну сигарету. Довольствуясь одной сигаретой, по очереди ребята глотали ее дым. После второй затяжки Колесников продолжил:

– Вы понимаете, кого я называю внутренними и внешними врагами. Думаю, что наши отдельные беседы с внутренними врагами будем продолжать и дальше. Я с Володей уже несколько раз вел переговоры с переводчиком и обер-полицаем, и они начинают прислушиваться. Петр продолжает воспитывать поваров. Ты, Анатолий, толкуешь с медиками. Сдвиги есть, но мизерные. Нужно воздействовать и на немцев. Хочу знать ваши мнения и предложения.

– Прошу обсудить мое мнение. Я предлагаю составить от пленных, без подписи, письмо коменданту лагеря, в котором изложить наши требования: отстранить самых грубых полицаев, выделить для больных отдельный барак и обязать русских санитаров и врачей их лечить. Прекратить убийство пленных на работе, – загибая третий палец на левой руке добавил серьезно Володя.

– Заменить этого татарина шеф-повара и улучшить приготовление пищи на кухне. Я трижды уже говорил об этом с поварами, некоторые согласны, но этот татарин все мутит, – со злобой высказался Петр. – Нужно в письме просить коменданта, чтобы для контроля за товарами назначил солдата.

– Я с врачом уже говорил в части создания лазарета для больных, он согласен, но он ссылается на переводчика и оберполицая, якобы они не согласны. Думаю, что об этом нужно писать в письме коменданту. Если он прикажет, то внутренним врагам деваться не

куда. Но как подействовать на внешних врагов, чем мы сможем их заставить выполнять наши требования? – спросил Анатолий сразу троих.

– Подействовать на фашистов мы сможем голодовкой.

Весь лагерь должен отказаться от приема пищи до выполнения требований.

Для этого нужно подготовить во всех бараках людей, послать наших комсомольцев с нашим письмом коменданту. Я такое письмо составлю, мы завтра его обсудим, согласуем, и каждый из нас устно передаст его содержание своим комсомольцам для объявления в бараках сразу после отбоя, как выключат в бараках свет, чтобы пленные не видели, кто говорит. Это для конспирации.

Глава 14

Конспирация в лагере – залог успеха в работе и агитации. Четыре коммуниста знали только друг друга. У каждого из них были надежные, проверенные на деле комсомольцы, которые знали только своего партийца, но не знали друг друга, а уже у комсомольцев были свои активисты, но тоже действовали каждый в отдельности по поручению комсомольца. Такая постановка работы была с учетом, если один провалится, то не сможет потянуть за собой других. Каждый действовал самостоятельно, но чувствовал, что кто-то ему помогает, так как одинаковые события совершались в других бараках или бригадах, причем одновременно. Исполнители чувствовали, что есть общее руководство, но кто именно, не знали, кроме четверых.

Письмо коменданту лагеря было составлено Колесниковым на желтой бумаге от упаковки взрывчатки, принесенной с работы, написано простым карандашом, купленным у мастера-чеха за трубку для курения месяц тому назад. В письме говорилось: «Мы, русские пленные, находимся в лагере в невыносимых условиях. Нас избивают полицаи, варят совершенно негодную для еды пищу, совсем нет никакой заботы о больных, отчего люди ежедневно умирают. Мы пленные, но мы живые люди... Господин комендант! Мы, все русские, просим и настаиваем в следующем:

1. Изменить пленным плохое отношение немецких солдат.
2. Отстранить в лагере полицаев.
3. Снять шеф-повара, улучшить приготовление пищи, для чего назначить немецкого солдата на кухне для контроля.
4. Выделить для больных отдельный барак, создать лазаретные условия и обязать врачей их лечить.
5. Обязать обер-полицая и переводчика организовать в лагерной бане стирку и сушку одежды каждой рабочей бригаде поочередно хоть раз в месяц.
6. В случае невыполнения наших требований в течение трех дней мы объявим голодовку – никто не притронется к пище. Нам все равно умирать! Нам смерть не страшна!»

Коммунисты письмо одобрили. Вечером в темных бараках появились агитаторы, которые устно передавали всем содержание письма. В этот же вечер письмо Колесников повесил на дверях полицейского барака, прикрепив его чуть замоченным хлебом.

Одновременное выступление агитаторов во всех бараках произвело ошеломляющее впечатление, как и предполагали коммунисты. Даже кто уже спал и тот потерял сон. Поскольку агитаторы выступали не в своих бараках, они сразу после объявления содержания письма ушли в свои бараки на свои места. Благодаря темноте никто не видел агитаторов в лицо и не видел, куда они ушли.

В каждом бараке со всех сторон посыпались выступающим разные вопросы, но так как те ушли, то на вопросы отвечали новые сторонники письма и отвечали по-разному. В бараках разгорелась свободная полемика. Говорили много и по-разному, но суть разговора сводилась к одному: нужно всем вместе, общими силами бороться за свои права, заставить немцев и полицаев обращаться с ними мало-мальски снисходительно, голодовку держать всем до единого! Все три дня на работе в лагере говорили люди об этом и надеялись на свою правоту и силу...

В полицейском бараке в первую ночь в двенадцатом часу был переполох. Шеф-повар, горбоносый, широкомордый национал, возвращаясь с кухни в барак, увидел на дверях письмо коменданту. Он разбудил двух Александров и сообщил им об этом. Те подняли всех «придурков» и при свете изучили письмо. Шеф-повар и полицай Паук предлагали письмо аннулировать и завтра утром проучить подзрительных. Врачи и санитары были за письмо в части создания

в лагере лазарета для больных. Переводчик и обер-полицай, более здравомыслящие, высказались за передачу письма коменданту.

– Скрыть письмо от немцев нельзя, – сказал свое мнение переводчик. – Может быть, такое же письмо уже передано немцам без нас другим путем. Раз в письме обещают бунтовщики сделать голодовку всем лагерем, то нет никакого сомнения, что этим кто-то руководит, причем умело и давно. Письмо я обязан утром вручить и перевести коменданту содержание. Пусть он решит, как быть.

Хотя полицаи и храбрились, повара грозились еще строже завтра обращаться с доходягами, как они называли работяг, однако уснуть до утра никто из них не мог, у каждого дрожали поджилки, болела душонка за собственную шкуру, не покидала мысль: а что будет со мной, если меня выгонят с теплого места?

Когда на утреннем разводе бригад на работу появился в лагере комендант и переводчик доложил содержание письма, комендант после короткого раздумья поднял письмо кверху и сказал:

– Немецкое командование должно письмо изучить, посмотреть возможности исполнить большевистские требования. Сколько потребуется на это времени, я пока не знаю. Ответ будет вам объявлен!

Он свернул письмо, положил в карман кителя и в окружении двух Александров вышел из лагеря. У ворот долго стоял и давал указания Александрам:

– Найти бунтовщиков. Пока главные бунтовщики не будут найдены, ответа на письмо не будет! Плохо работаете в лагере! Нет дисциплины!

Сам решил обождать с ответом три дня, он не верил, что голодные откажутся от пищи. Прошло три дня. Ответа коменданта нет, изменений тоже. Коммунисты решили бунтовать. Вечером после отбоя в бараках тоже неизвестные призывали всех завтра утром и вечером отказаться от приема пищи. Завтра утром после подъема никто не явился к кухне за чаем. Вечером все бригады прямо от ворот уходили в бараки, минуя кухню.

Полицаи бесились, бегали по баракам, объявляли, что сегодня сварили настоящий мучной суп, заправили маргарином, хлеб тоже настоящий, без опилок, хотя немного заплесневелый, но вкусный, они усердно приглашали принять пищу. Но в бараках в бригадах была уже твердая договоренность: кто попытается пойти за пищей,

того не выпускать из барака! У дверей дежурили надежные сторонники большинства. Организованный коммунистами бунт привел к успеху. Требования письма в основном были выполнены на следующий день. Это обстоятельство дало определенное уважение к организаторам бунта, а всем пленным лагеря помогло окрепнуть духом. Одно желание большинства узников не было выполнено руководством лагеря: полицай Паук не был снят. Его командование оставило в полиции для разоблачения главарей бунта.

Глава 15

Вторая по счету зима в плену, 1942-1943 годов, была на севере Норвегии холодной и многоснежной. Лагерь, расположенный в низменности, так заносился снегом за одну ночь, что утром нельзя было выйти из бараков за получением чая. Два часа утреннего времени тратилось на расчистку двора лагеря для построения бригад на работу. Потом эти бригады до обеда чистили впереди себя дороги, чтобы пройти на рабочие места в лес и на гору, где строился туннель. Были дни, когда бригады совсем не выходили на работу из-за сильного бурана и массовых заносов. Строительство железной дороги зимой двигалось плохо, половина трудового времени уходило на очистку снега, выжидания погоды, на борьбу со стихией. В лагере «Старвольд» были созданы на зимний период специальные бригады для ночной чистки снега на дорогах. Эти бригады выводились на работу в 12 часов ночи под усиленным конвоем и до утра чистили дороги, расчищали рабочие места от снежных заносов.

В одну из таких бригад постарался попасть и Колесников.

Чистить снег приходилось семь-восемь часов, было это значительно легче, чем десять-одиннадцать часов бить кувалдой и отвозить вагонеткой камень на трассе. Днем можно было попасть на разгрузку из автомашин картофеля, брюквы, свёклы, рыбы в немецкое овощехранилище. Также часто брали днем пленных, свободных от работы, на погрузку хлеба в автомашины, которые приходили из других лагерей на пекарню. По знакомству с немецким солдатом, дежурившим одновременно на русской и немецкой кухнях, можно было попасть на солдатскую кухню чистить кар-

тошку, рыбу, морковь. На всех этих погрузочно-разгрузочных работах можно было покушать сырые продукты, а иногда удавалось утащить в лагерь (смотря какой был конвой). Часто Колесников, и это ему удавалось, стремился попасть в караульное помещение рубить дрова и топить печки. В карауле солдаты читали газеты, говорили между собой о положениях на фронтах.

Колесников за два года плена мало-мальски изучил солдатский разговор, даже хоть не полностью, но частично мог переводить немецкий разговор и даже напечатанное в газетах. Немцам он в этом не сознавался и совсем «ничего не понимал», когда они для проверки что-нибудь ему говорили. Для растопки печей солдаты давали ему прочитанные газеты, а он для этого имел всегда другую бумагу или старую газету в своих карманах. Незаметно для солдат, рискуя, новую газету прятал, а старой разжигал дрова в печах. После топки печей уходил в лагерь с припрятанной новой газетой. Вечером коммунисты собирались вместе, читали последние немецкие известия, делали соответствующие критические выводы и о самых важных и полезных для пропаганды событиях на фронтах рассказывали комсомольцам, а те друзьям и знакомым. Новости молниеносно распространялись среди пленных.

Многие хвастуны утверждали: «Я лично это слышал от немецких солдат» или «Мне об этом сказал мастер-чех, даже показывал газету».

Складывалось впечатление, что все недозволенные известия в лагерь доносились извне – от немцев или чехов. Командование лагеря, узнав о разговорах в лагере от полицаев или переводчика, все время предупреждало солдат и чехов: «Не говорить с пленными о плохих делах на восточных фронтах». А дела действительно складывались плохо. Хотя Гитлер и продолжал широко и вульгарно размахивать в пространстве своими конечностями, указывая своей армии путь на восток, однако офицеры и солдаты уже с нежеланием садились на поезда и со страхом отправлялись на восточный фронт. Геббельс, как всегда, до посинения орал в эфире, нагло, как проститутка, врал на весь мир о непобедимости фашистской армии, а тем временем армия Германии уже поникла головой от поражений. Разгром немцев под Москвой, победа советских войск в Сталинграде над крупнейшей стратегической немецко-фашистской группировкой окончательно сорвали гитлеровские планы успешного

завершения войны на Востоке. Колесников пронес в лагерь газеты из караулки, в которой упоминалось о Сталинградской битве. Даже немецкая пропаганда вынуждена была признать поражение и объявить траур. Во всех бараках говорили о Сталинграде, о победе, о мужестве советских людей. Пленных это вдохновляло – становились смелей.

Глава 16

В 1943 году в лагерь стали прибывать советские военные, захваченные в плен зимой того же года. У них были совсем другие мысли, иной опыт войны, чем у тех, кто попал в плен в начале войны. Эти офицеры и солдаты не раз били врага и становились свидетелями того, как немецкие части отступали, а то и бежали с поля боя. Конечно, раз уже сами они угодили в плен, значит, на каком-то участке фронта обстановка складывалась крайне неблагоприятно, значит, враг оставался сильным. Но пленных 1943 года привозили в лагерь не только несломленными, но напротив, убежденными в том, что перелом на войне уже произошел, враг потеснен и дальше будет отступать, а в 1944 году придет окончательная победа.

Их поведение, разговоры очень помогали агитации среди старых пленных, внушали веру в победу Советской Армии. Новых пленных легче было организовать на саботаж. Партгруппа лагеря много беседовала с новичками, изучала людей, привлекала к агитационной работе, уговаривала на саботаж и диверсии. Выслушивая рассказы новеньких, сами распространяли их и велели очевидцам рассказывать другим старым пленным о силе Советской Армии и народа.

Как-то в лагере пробили подъем, а на улице пурга – нельзя выйти из барака. Пленный из нового пополнения сел на нары рядом с Колесниковым и спросил:

– Ты как ешь свою хлебную пайку? Все сразу или по частям?

– Делю на три части. Получается по ломтику – вроде бы иллюзия трехразового питания, – ответил Николай.

– А я ем сразу все. По крайней мере не иллюзия, а хоть раз, да реально, как-никак двести двадцать пять граммов!

Он встал с нар и заходил – два шага в одну сторону, два шага в другую, – чтобы не уйти от Николая и продолжить разговор.

– Отлично, парень. Ты, наверно, часть пайки меняешь на табачок? – поинтересовался Николай.

– Ты в этом меня не обвиняй! Скажи мне, однако, кто заставил нас вести философский разговор, как лучше съесть эту проклятую хлебную пайку? Фрицы нас заставили. Фрицы! Знаешь, что я придумал? Гитлер хочет уничтожить всех русских и вместо нас откормить на национализме совершенно новое, неслыханное племя зверей и идиотов, умеющих стрелять. А? Ничего теорийка? – новенький громко захохотал. Он смеялся над Гитлером и немцами...

В бараке свет не горит. Пленные в темноте собираются за утренним чаем. Через замороженные окна пробивается серый метельный день. Возле кухни молчаливая очередь людей.

– Пошли, Володя, за немецким кофе!

– Пошли! – ответил тот.

Пришли, встали в очередь, возле которой крутились без дела полицаи.

– Здорова, пещерные звери! – поприветствовал их Володя.

– А, Володя! Здорова! – ответили те с нежеланием.

– Подлецы! Присмирели! Бросили носить палки! Почувствовали нашу силу! – с настроением говорил Володя Колесникову.

– Я вчера с ними опять разговаривал. Ты еще зайди к ним в барак вечером, проведи им головомоюку. Их нужно усиленно воспитывать – поддаются, – радовался Володя.

– Зайду сегодня, – ответил Николай.

Получили чай, пошли к бараку. Володя по пути заявил Николаю:

– Будь свидетелем – Гитлер заплатит мне за этот чай сегодня еще одним испорченным компрессором.

– Ты, Володя, вслух это не говори, думай и тешься про себя.

– Так я же только тебе говорю, хочи и тебя потешить.

– Спасибо! Будь осторожен, по-дружески прошу тебя.

В бараке пили чай, грелись, гремели котелками и собирались для построения на работу. Володя работал в бригаде слесарей по ремонту компрессоров, отбойных молотков, вагонеток и прочего инструмента в слесарной мастерской. Николай ходил с бригадой на очистку снега. На построении обер-полицай объявил, что его бригада может идти в барак, а вечером в ночь пойдет чистить снег.

Новенький увидел в дверях Николая и сказал:

– С завтрашнего дня я буду делать, как ты: буду делить хлеб на три кусочка. А как тебя звать?

– Николай!

– А меня Миша!

– Значит, познакомились. Приходи, Миша, ко мне на нары, поговорим, потолкуем.

– Ладно, приду!

Долго Мишу ждать не пришлось. Не успел Колесников раздеться и залезть на верхние нары, как пришел Миша.

– Мне нравится с тобой говорить, ты, видно, добрый парень, – улыбаясь, сказал Миша, усаживаясь поудобнее на нарах. – Ты давно в плену?

– Давно, в октябре 1941 года захватили меня, контуженного, в госпитале.

– Трудно тебе пришлось за эти два года неволи?

– Всяко бывало. Бежал трижды, и все неудачно, за что били, держали в карцерах, в тюрьме, однажды хотели повесить. А ты давно в плену? – поинтересовался Николай.

– Нет! С января 1943 года, под Сталинградом попал. В темную ночь мы, пять разведчиков, отправились в расположение врага. С нами пошел наш комсорг Сережа.

– Значит, ты комсомолец? – ловил на слове Николай Мишу. Тот помолчал, вроде испугался, потом ответил вопросом: – А ты никому не скажешь?

– Ясно, нет!

– Я тебе верю. Да, я комсомолец с 1938 года, хотел вступить в партию на фронте.

– Вот прекрасно! – пожимая руку Миши, сказал Николай. – Здесь тоже нужны комсомольцы – агитаторы за советскую власть. Ну ты продолжай рассказ, прости, что помешал.

– При каждой вспышке ракет мы припадали к земле и затем снова ползли. Наконец немецкая передовая осталась позади. Но вдруг из окна разрушенного дома застрочил пулемет. Нас заметили. Мы залегли в развалинах, но сержант решил, что операция сорвана и надо уходить назад. И вдруг я увидел: кто-то, пригибаясь, бежал к дому, занятому немцами. Вспыхнула ракета, я узнал Серёжу. В то же мгновение застрочил пулемет. Серёжу убили, а меня ранили.

Остальные сумели уйти назад. Тут я и попал к фашистам. Жалко Серёжу и за себя стыдно. А как хотелось бить фашистов под Сталинградом. Но я думаю, что им там дадут перца. Найдут они себе там могилу. Там нашей армии, техники – сила! Сам Жуков командует! – восхищался Миша успехами нашей армии и командующим.

– Здесь, Миша, тоже надо бороться. Ты вот об нашей силе, которая сокрушает врага, рассказывай пленным, убеждай неверующих, что враг скоро будет разбит. Это и будет один из методов борьбы с врагом в плену. Как, договорились?

– Да!

– Приходи ко мне еще.

Такие беседы вели коммунисты и с другими свежими пленными, вселяли смелость, учили пропаганде здравых мыслей. Создавался лагерный актив.

– Все это приходило к нам, молодым той поры, не сразу и у каждого по-своему, – вспоминал и рассказывал позже в кругу друзей Колесников. – Но постепенно по крупицам набирались знаний, опыта, решительности и выдержки, и наступала пора, когда жажда борьбы становилась содержанием и смыслом всей жизни.

Так пополнялись в то время ряды убежденных, стойких узников, готовых бороться ради победы над фашизмом. Они шли на любые испытания ради общего дела... Коммунисты Владимир, Петр, Анатолий, также как и Николай, находили среди новых пленных надежных людей, призывали их, учили агитационно-воспитательной работе в лагере...

Во время ужина Петр зашел в барак, где жили Володя с Николаем, залез к ним на нары и шепотом сообщил новость:

– Встретил подходящего человека. В беседе узнал, что он военврач и, наверно, коммунист, но не сознается, говорит что беспартийный. Я ему тоже не раскрылся. Но по разговору чувствуется, что политически грамотный и честный. Его нужно устроить работать в лазарет. Он будет лечить больных старательно, с душой и вести там пропаганду. Устроить его я не берусь, но пообещал помочь. Ты, Николай, должен это сделать. Прошу тебя переговорить с обер-полицаем или переводчиком, а может, подойдем к ним вместе.

– Я сегодня или завтра пойду в полицейский барак, тут Володя поручил мне дело к ним, и это важный вопрос, нам нужно иметь своего человека в лазарете...

– Среди новых пленных много есть смелых, хороших товарищей. Я сегодня тоже познакомился с одним тезкой, звать Владимир, черноморский моряк, детина крупнее меня. Интересный случай рассказывал о боях и о себе. Я просил его всем рассказывать в бараке. Он обещал. Так что нашего брата увеличивается, есть с кем работать и нужно усиливать влияние на пленных, и смелей, – с радостью закончил разговор Володя.

– Нам нужно организовать таких людей, чтобы иметь своих товарищей в каждом бараке по несколько человек, – в конце беседы предложил Колесников друзьям.

Глава 17

После окончания выдачи ужина пленным полицаи, повара и остальные лагерные «придурки» собирались в свой барак. На улице становилось темно, а в бараках зажигался электросвет. Пленные, согрев душу баландой, начинали заниматься личными делами.

Повара-денщики полицаев приносили в барак с кухни пищу, приготовленную в отдельном котле как можно вкуснее за счет продуктов, получаемых для больных лазарета, и кормили лагерную жандармерию. В это время дневальный полицейского барака дежурит в дверях и никого не допускает войти в барак.

Колесников, немного повременив после ужина, подошел к полицейскому бараку. Дневальный, похожий всей манерой на кулака-единоличника тридцатых годов, ехидно улыбаясь, спросил:

– Тебе кого позвать?

– Мне звать не надо, а мне нужно зайти в барак по важному вопросу к переводчику.

– Я должен спросить разрешения, прежде чем тебя пустить, – закрывая дверь, ответил старик.

– Ну спроси, спроси!

Колесников уже бывал в этом бараке, знал, где чья стоит койка.

В бараке не было нар, для каждого жильца были установлены деревянные топчаны, изготовленные пленными плотниками. В середине барака была выгружена отдельная комната для обер-полицая и переводчика. Они имели постели и обстановку в комнате на уровне немецкого солдата.

– Заходи, – открывая дверь, пригласил старик.

– Добрый вечер, господа жандармы! – с юмором приветствовал он присутствующих в бараке. – Здорова, товарищ большевик! – ответил Паук. Остальные промолчали.

– Вкусным супом пахнет тут у вас, нельзя ли одну порцию позаминимствовать? – опять с юмором спросил Колесников.

– К сожалению, не осталось для тебя, – ответил тот же Паук.

– А я не у тебя прошу, я знаю, что у тебя снега зимой не получу, я спросил у поваров, хотел узнать, насколько они добрые.

– Надо приходиться на кухню, там можно было выкроить одну порцию, – ответил повар, один из тех, которых не так давно назначили вместо изгнанных старых.

– Так к вам на кухню не зайдешь, там стоит вот такой, – Колесников показал рукой в сторону Паука. – Он скорей пинка даст, чем супа.

– Ты от меня, по-моему, еще пинка не получал, – ответил тот.

– Ладно, ребята, я просто пошутил, – смягчил разговор Николай, увидев вышедшего из своей комнаты переводчика. Тот шел к нему навстречу своей развалистой тихой походкой, потирая лысину рукой.

– Что же вы не приглашаете сесть редкого гостя? – с хитрой насмешкой спросил он старика.

– Так он пришел к вам, предлагайте, где удобнее.

– Ладно! Я постою, сегодня не больно устал. Может, даст бог сегодня ночью буранчик и опять ночку поспим, – не стесняясь, сознался Колесников в своем желании.

– Ты зачем пришел к нам? Или секрет? Тогда пошли в мою комнату.

– Нет! Секретов у меня не бывает к вам. Я человек откровенный и прямой в лагерной жизни.

– Тогда садись, поговорим, – показывая на топчан дневального, предложил переводчик. Сам одновременно сел на топчан повара.

– Расскажи нам, Николай, что-либо интересное. Ну, например, как ухаживал за девушками, как женился. Вечера зимние длинные, все можно переговорить от скуки, – трогая за колено Николая, предложил Александр. – Мы здесь все уже перезнакомились, все рассказали, а ты вроде новый человек, расскажи о своей жизни, я люблю слушать. Как, ребята, послушаем Николая? – обратился он к «придуркам».

Колесников быстро сообразил, что будет неплохо, если они узнают, может быть, и пригодится это в сложной лагерной обстановке

в борьбе с ними, чем черт не шутит. После короткого раздумья он согласился на предложение переводчика.

В это время в барак пришел Александр Васильевич. Увидав Колесникова, он остановился против:

– А, Николай! Здорово! Какая тебя собака к нам загнала?

– Да так, есть два дела, вот и зашел...

– Александр Васильевич! Он согласился рассказать нам о своей жизни, а вы прервали, – вмешался в разговор переводчик.

– Я извиняюсь! Пусть продолжает! Я тоже с удовольствием послушаю, – усаживаясь на топчане рядом с переводчиком, сказал обер-полицай, вытирая от пота свою красную морду.

– Я еще не начинал рассказывать, – якобы отвечая обер-полицая, произнес Колесников, – пока только согласился беседовать. Но раз согласился, то слушайте, автобиография короткая. Рос, жил и воспитывался в детском доме. Родственников не имею ни за границей, ни даже в Советском Союзе. С малых лет остался без родителей, а меньший братишка умер в голодовку в 1933 году. Я вначале беспризорничал около трех лет, потом жил в детдомах: в Ростове-на-Дону, в Черкассах, а последнее время в Киеве.

– Значит, ты блатной? – перебил рассказ Паук.

– Не блатной, а был беспризорником. Блатных презираю!

– Значит, ты мой земляк? – снова влез разговор Паук.

– Избавь меня от лукавого и таких земляков, как ты, – вроде шутки ответил Николай. Слушатели засмеялись.

– Ты не перебивай человека своими дурацкими вопросами, – возразил обер-полицай Пауку: – Рассказывай, что случилось с твоими родителями?

– Мать моя умерла от малярии, а отца в Киеве убили бандиты. Мы с ним поехали из деревни в Киев за врачебной помощью. В революцию отец воевал в Первой конной. Он хорошо знал Буденного и Ворошилова. В боях был ранен много раз. Одно пулевое ранение в ногу было нетяжелое, и получилось так, что пуля осталась в мякоти ноги. Во время коллективизации он простыл, нога заболела, на месте пули открылась рана, пошло заражение. Сельский врач посоветовал ехать к профессорам-специалистам. Там нас с отцом в первый день приезда в больнице не приняли, и мы с ним пошли по Подольский базар. Купили селедки, хлеба, поднялись на горку рядом с базаром и расположились на траве под кустом акации,

чтобы поесть и отдохнуть. Из кустов вышли два пьяных бандита, один с забинтованной головой, схватили отца за горло и стали отнимать деньги. Отец кричал, звал людей на помощь. Бандит с повязкой ударил камнем отца по голове. Я побежал с горы вниз к людям и просил помочь отцу. В это время бандиты сбросили отца с горы на булыжную мостовую базара, а сами скрылись. Отец тут же скончался, его увезла милиция...

– Ты неверно говоришь! – перебил Николая Паук. – Его не сбросили, он сам вырвался и неосторожно свалился вниз.

– А ты откуда знаешь? – спросил полиция переводчик.

– Я прекрасно помню этот случай, одним из двух был я.

Полиция неосторожно проговорился. Он настолько был глуп, что даже не подозревал, что его признание в данном преступлении вызывает у присутствующих презрение и ненависть к нему. Даже обер-полицией со злостью заметил:

– Стеснялся бы ты об этом говорить нам! Не мешай и не суй нос! Рассказывай, Николай, дальше.

Он называл Колесникова Николаем потому, что его фамилии в лагере не знали даже близкие друзья, вообще в лагерях не принято было обращаться по фамилии. Учет пленных вели по номерам, а обращались по имени.

Наглое признание полиция подействовало на Николая. Он напрягал свое зрение и память, искал в голове ту точку, в которой был запечатлен четырнадцать лет назад тот бандит с повязкой на голове. Вспомнил! Узнал! Это он, красномордый бандюга. После короткого молчания Николай сказал:

– Я воспоминанием об отце себя так расстроил, что не могу дальше говорить, в следующий раз как-нибудь найду и продолжу, а сейчас давят слезы, мне нужно уйти и лечь.

Все слушатели поняли Николая, косо поглядывали на Паука и просили Колесникова зайти к ним завтра вечером продолжить рассказ. Хотя присутствующие и не были сторонниками Николая в лагере, даже, может быть, в душе ненавидели его, так как он не принадлежал к числу лагерных «придурков», а наоборот, все время волевал с ними, однако на этот раз они все ему сочувствовали.

– Да, ты вначале сказал, что у тебя два дела ко мне? Говори! Или хочешь наедине, тогда пошли в комнату, – предложил Александр Васильевич.

– У меня два дела к обоим Александрам, – сказал Николай, когда зашли в комнату. – В нашем лагерном лазарете плохо лечат больных, с опозданием делают перевязки и грубо обращаются. Есть жалобы на санитаров и врача. Может быть, нужны меры...

– Не хватает обслуги, а больных много. Что поделаешь? Всем не угодишь, а жаловаться все могут, – согласился обер-полицай.

– С новым этапом прибыл военврач, но он не смеет подойти к вам и предложить себя в лазарет – скромничает. Я прошу его устроить по специальности, ведь в лазарете, сами говорите, не хватает персонала.

– Пожалуй, это можно, – глядя на обер-полицая, ответил переводчик. – Я завтра доложу коменданту лагеря о такой необходимости.

– Доложи! – согласился обер-полицай.

– Еще у меня просьба одна, прошу послушать и согласиться. У многих пленных болят зубы, кровоточат десны. Цинга в лагере. Нужно организовать кипячение хвойных веток в котлах на кухне или в бане и эту воду давать в бараки пленным полоскать зубы. Это много поможет от цинги.

– Совет дельный, организуем, – пообещал обер-полицай.

– Вот мои две просьбы, спасибо, что уважили. Разрешите уйти, – улыбаясь, сказал Николай, глядя на обоих Александров.

– Ты, Николай, заходи к нам, не враждуй с нами, мы тоже русские люди, с Ленинграда, – ответили Александры на прощание.

– Я знаю, что вы с Ленинграда, а я воевал за Ленинград. Вы русские и не забывайте, что советские, нужно быть на стороне советских людей. От вас многое зависит лагере, и я прошу вас возможности делать пользу людям. Это моя третья и главная просьба от большинства. До свидания!

Глава 18

По пути Колесникова в свой барак в лагере выключили электросвет. В бараке было темно. Большинство уже спали. Влезая на нары, он старался не разбудить Володю, но, оказалось, тот не спал.

– Ты где так долго был?

– Ходил по твоему поручению.

– Ну и как? Не избили они там тебя?

– Нет. Обещали все устроить. Приглашали чаще заходить к ним. Почувствовали нашу силу, подлецы. Только Паук, гад, храбрится. Этого змея ядовитого нужно истребить!

– Давай уьем в темном углу? – предложил Володя.

– Нет, Володя! Не стоит рисковать жизнью из-за такого дерьма. Нужно придумать что-то другое, а пока давай спать. Нас сегодня, наверно, ночью погонят чистить снег. Нужно часок-два уснуть.

Володя повернулся на спину и уснул. Колесникова не покидала мысль: «Как отомстить бандиту за убийство отца, за свое детское горе и страдания в жизни без родителей?» Он все припомнил: как любил отца, как ему его жалко, как он несколько дней ходил на то место, где пролилась кровь отца, плакал горькими слезами и думал, как отомстить бандитам. Оставшись в Киеве беспризорником, тратил много времени на обход глухих мест на Подоле, где собирались и ночевали затерянные жизнью пьяницы, беспризорники и бандиты – стремился встретить убийц отца и отомстить. Придумывал много вариантов, как убить негодяя. Несколько раз во сне его встречал, с ним дрался, но наяву ни разу не встретил за семь лет жизни в Киеве. Только вот через четырнадцать лет встретил неожиданно, подлец сам пришел в руки.

– Теперь ему не уйти! – думал Колесников.

Кровь за кровь! Смерть за смерть! Таково было его окончательное решение. Нужно было только сделать так, чтобы немецкий слуга погиб от немецкой руки. Над этим Колесников много думал и в опасности делал свое дело до конца...

Глава 19

Блистательная победа Красной Армии в январе 1942 года под Москвой, окружение и разгром немецких войск под Сталинградом в феврале 1943 года, 27 января 1944 года освобождение Ленинграда от вражеской блокады, определенные успехи Советской Армии на других фронтах зимой 1943 года заставили ставку Гитлера задуматься, как вывести из трудного положения свою армию на восточном фронте.

В 1943 году трещал по всем швам военный и политический престиж гитлеровской Германии. В большом количестве подорванные, сожженные и разбитые фашистские танки, орудия и грузовики валялись на обочинах дорог и полях боев. Вереницы фашистских вояк, повязанных женскими платками, замотанных в разное тряпье, понуро бредущих в плен под конвоем советских воинов можно было видеть на разных направлениях военных действий восточного фронта. Эхо побед советского народа катилось по земному шару, об этом узнал весь человеческий мир, это доходило и в строго изолированные концлагеря. Советское правительство, армия и народ понимали, конечно, что понадобится еще немало времени и сил, чтобы изгнать захватчиков из пределов любимой Отчизны. Но сознание того, что долгожданный перелом совершился, что наглый враг отступает, заставляло ликовать сердца советских людей...

Военно-политическое руководство Германии вынуждено было теперь разрабатывать план военных действий против СССР с учетом того, как удержаться на захваченных позициях. Руководство Германии подбирало тыловые резервы и посылало на передовую. Дошла очередь и до концлагерей, их охраны, где засиделись откормленные офицеры и солдаты, по благу освобожденные от передовой бойни. На место их приходили в лагеря команды из раненых, покалеченных войной солдат и офицеров.

Очень не хотелось «храбрым воинам» прижившимся в лагерной охране, идти на передовую, защищать свою Германию, но фюрер призывал, заставлял слушаться. Советские пленные радовались такой замене.

– Идите защищать свою нацию, на передовой понюхайте пороха, а наши уже дадут вам прикурить! – говорили они своим прежним конвоирам.

Новые охранники, испытавшие передовую, пропитанные дымом пороха и запахом госпиталей, значительно свободнее и проще обращались с пленными. Среди них иногда встречались более общительные люди, как со стороны мастеров, так и среди конвойных солдат, которые не били пленных, напротив, при случае вели с ними беседы. Правда, эти люди были редкие, но по мере того, как военные дела гитлеровцев ухудшались, их становилось все больше. К таким людям относились немецкие коммунисты, которые сами были под надзором эсэсовцев. Колесников в новых охранниках видел солдат, по-

ставленных сторожить пленных: война есть война, а ему не повезло, он, контуженный, взят в плен. Так что сила одолела бессильного...

В конце зимы, когда солнце стало смотреть на северную Норвегию, благодаря чему в междугорьях, низменностях и на дорогах растаял снег и потекли ручьи, бригаду пленных, в которой работал Колесников, перевели на работу в тоннель. Здесь, на строительстве тоннеля и трассы, было общее оцепление из конвоя, разные мастера и много пленных, больше можно было филонить и заниматься саботажем, чем в бригаде по очистке снега. Колесников старался познакомиться с мастерами-чехами и с некоторыми смирными конвоирами, вступавшими в разговор с ним. В редких беседах удавалось ему выведать о положении на фронте, в тылу Германии, настроение солдат, после чего он сам и его товарищи распространяли среди пленных полезные агитационные факты. Колесников продолжал бывать в караульном помещении, топил печки и доставал немецкие газеты, из которых партгруппа черпала полезное и информировала весь лагерь пленных новыми сведениями о положении на фронтах Германии, о падении ее экономики, а главное, боевого духа армии.

Глава 20

За лето и осень 1943 года в лагере «Старвольд» произошло много перемен в сторону улучшения. Благодаря незначительному попустительству нового начальства и охраны лагеря, более смелому действию и сплочённости военнопленных, умелому и своевременному руководству со стороны вожаков пленных шаг за шагом добивались уступки от немцев в пользу узников. Создан лазарет для больных, куда можно было слабого человека положить на отдых. В лазарете организовано двухразовое питание горячей пищей, кроме чая утром. Лазаретом ведал военврач из пленных нового этапа, который сумел добиться у немцев права наравне с обер-полицаем и переводчиком. По его усмотрению освобождались пленные от работы в бригадах, если этого даже не желали полицейские. Он товарищески заботился о больных и заставил это делать санитаров.

Партгруппа воздействовала на обер-полицая и переводчика, а те уговорили коменданта лагеря, который разрешил пленным

заниматься ремеслом, делать в нерабочее время корзинки, шкатулки, расписные палки, трубки и мундштуки наборные для курения и всевозможные игрушки. Для продажи изделий организовали за зоной ларек, где немецкие солдаты продавали эти изделия гражданскому населению и солдатам других лагерей.

Изделия и игрушки продавались или менялись только на продукты питания и одежду, из которых половина выдавалась изготовителю, а половина – на кухню в котел для больных лазарета.

Норвежское население покупало нужные и ненужные изделия, лишь бы продать пленным в помощь рыбу, картошку, лепешки из рыбной муки и даже одежду, годную для носки. По настоянию пленных в лагере организовали мастерские по ремонту одежды, стирку и сушку одежды в бане по бригадам согласно графику. За лето утеплили бараки: обваловали по окна грунтом и поставили двойные окна, увеличили количество печек на зиму.

Самым трудным и непробиваемым для партгруппы и актива лагеря был вопрос организации художественной самодеятельности. Все лето Колесников, Володя, Петр добивались, уговаривали обоих Александров, чтобы те предложили это коменданту лагеря. Те сначала боялись, а потом согласились осторожно вести разговоры с комендантом, приглашая на разговор Николая и Володю. Однажды комендант был в хорошем настроении и в новой беседе про самодеятельность спросил:

– Что будете показывать и исполнять в пленном театре?

Колесников тут же поторопился с давно продуманным ответом:

– Мы будем петь песни – «Катюшу», народные песни, – рассказывать стихотворения, сказки, танцевать, бороться, показывать фокусы. Приглашаем офицеров и солдат в наш театр.

Комендант долго смеялся, очевидно, думал, на что способны эти доходяги, но наконец согласился:

– Я буду контролировать репертуар. Составьте на бумаге, передайте переводчику Александру. А ты мне объяснишь, – трогая пальцем за пуговицу кителя на груди переводчика сказал комендант.

Вечером по всем баракам комсомольцы и коммунисты уже опрашивали, уговаривали умельцев выступить в предстоящем концерте.

Коммунисты и комсомольцы понимали, что на концертах можно осторожно пропагандировать патриотизм, напоминать людям о Родине, о культуре и героизме своего народа.

Первый концерт состоялся через неделю. Прямо на улице посреди лагеря в выходной день все здоровые и больные уселись на теплую землю и стали ждать выступления лагерных артистов. Пришли комендант и его помощники в сопровождении переводчика, пришло много солдат без оружия, в хорошем расположении духа.

Врач лазарета в должности конферансье открыл концерт.

– Сейчас наш хор исполнит песню «Катюша», – объявил он.

На площади раздались аплодисменты. Из барака вышли участники хора, одетые кто во что горазд, на первый взгляд смешные, но когда построились и Сашей Нечаев запел: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...» и хор грянул: «Выходила на берег Катюша, выходила на берег крутой...», – то в открытом зале установилась тишина и все взоры пленных и немцев были устремлены только на условную сцену. Хор пел с душой и так слаженно, как будто настоящий. В конце песни пели все: хор и зрители, даже немцы. По окончании песни долго не смолкали аплодисменты и сияли улыбки на лицах зрителей и участников хора.

– Следующая песня – «Калинка», с участием танцора, – объявил врач.

Снова Саша-запевала своим тонким голосом тянул русскую, а хор дружно подхватывал. В конце песни из хора выскочил Колесников и пошел в пляс под припев хора. Снова все зрители аплодировали и восхищались талантами своих товарищей. За хором выступил Иван Будник из лазарета со своими самодельными куклами. Потом Володя-грек и Володя-черноморец показали примерную технику борьбы. Петр-партизан продекламировал стихотворение Я. Шведова «Орленок». Комсомолец Андрей выступил клоуном. Закончился концерт выступлением хора, были исполнены песни «Спят курганы темные» и «Вечер на рейде». Много было одобрительных разговоров и отзывов по организованному на скорую руку концерту. Даже врачи-немцы высказывались положительно.

Лагерный актив и партгруппа радовались успеху и к следующему концерту готовились с настроением, привлекая желающих. Коммунисты и комсомольцы лагеря были счастливы, что им удалось организовать среди пленных правильный метод пропаганды патриотических чувств, русской культуры и советских идей, заложенных в песнях и стихотворениях.

Глава 21

Весной 1942 года по затее изменника Власова и его шайки с представителями вермахта Германии началась вербовка советских военнопленных в так называемую Русскую освободительную армию (РОА), входившую в состав немецко-фашистских войск. Осенью 1943 года такая вербовка началась в лагерях Норвегии. Представитель РОА появился в лагере «Старвольд». Перед строем пленных лагеря в окружении немецких офицеров он выступил:

– Советской России приходит конец, дни ее сочтены... Истинным патриотам России надо применяться к обстоятельствам. Чтобы спасти хотя бы немного «истинно русское», нужно служить в частях РОА победительнице-Германии. Вступайте во власовскую армию! Вы сразу же будете освобождены от лагеря, получите хорошую одежду, вот как на мне, приличный паек наравне с немецкими солдатами, оружие. Солдаты РОА получают увольнительные в город к изгодавшим по мужчинам бабенкам...

Эти слова он тоже перевел немцам и вместе с ними рассмеялся.

Колесников стоял вместе с Володей, дернул его за руку и прошептал:

– Я не могу дальше молчать и терпеть этого предателя!

Не дождавшись ответа Володи, не выдержал и закричал:

– Кто служит в РОА, тот не русский! Пошли завоевывать Россию для немцев... Нечего драть здесь горло... уходи из лагеря!

Послышалась матерщина в адрес вербовщика из уст Володи. Он поддержал возгласы Колесникова. Вербовщик агитацию не прекратил.

– Соотечественники! Рассудите сами, кто вы сегодня здесь? Узники, которых смерть стережет на каждом шагу. И в России вас считают изменниками, раз сдались в плен. Если Советы победят, работать вам до конца жизни на каторге в Сибири. Но они не победят. Германия владеет половиной мира. Если мы ей поможем, то она завладеет и Россией...

– Правильно! Она завладеет, а мы будем ее рабами, – громко произнес Петр в рядах пленных.

Два полица, которые стояли недалеко от строя на месте, где были произнесены первые возражения вербовщику, побежали на место второго возгласа. Им нужно было не допустить возражений вербовщику.

– Среди вас, конечно, есть коммунисты, которые вот подают такие голоса, – продолжал оратор вербовщик. – Но этих господ мы не приглашаем в Русскую освободительную армию. Мы приглашаем разумных людей. Подумайте! Германия все равно победит, а служба ей под командованием генерала Власова, через пару лет каждый получит заслуженную награду – землю, собственное хозяйство, хорошую должность...

– Могилу! Виселицу! – поправили оратора из рядов пленных.

Начался шум, свист. Слышны были насмешки и задористые словечки. Полицаи бегали вокруг строя, старались заметить говоривших, успокаивали непослушных, но полностью не справились со своими обязанностями. Вербовщик, привыкший к такой реакции, продолжал:

– Кто хочет верить мне и вступить в РОА, пусть заявит в этом любому полицаяу или передаст записку со своим номером коменданту через любого солдата... Я буду в вашем лагере две недели. Желающим служить в РОА будет выделен отдельный барак, улучшено питание, от работы освободят. Все подробности о службе в РОА сможете узнать от меня после того, как согласитесь служить.

Честные советские люди подняли шум. Вербовщику кричали проклятия и все закончилось тем, что людей полицаи загнали в бараки. В этот день лагерь был лишен ужина, а назавтра утром без чая выгнали всех на работу, даже больных, под усиленным конвоем. Даже полицаи вышли с бригадами на трассу, в лес, в тоннель в помощь конвою. Полицаи и конвой весь день заставляли работать без отдыха и агитировали идти в РОА.

Этот нажим на пленных исполнялся по приказу командования лагеря, чтобы заставить узников служить в РОА.

Глава 22

События, связанные с вербовкой пленных в РОА, нарушили ритм жизни в лагере. Лишение еды, усиление строгости к пленным со стороны конвоиров и полицаев вызвали среди пленных злобу, ненависть, вражду и смелость более открытую, чем было до этого. В бараках, на улице и на работе велась дискуссия. Колесников,

Петр, Володя и их коллеги в бараках, военврач в лазарете вели открытый разговор:

– Кто такой Власов и его РОА – банда, куча дерьма! Это настоящие изменники и предатели. В РОА вступают шкурники, беспринципные люди, прельстившиеся солдатским пайком. Таких нужно презирать и разоблачать. В лагере люди – попавшие в плен раненые, контуженные, многие из лагерей бежали и мужественно приняли все наказания и никого не выдали. И сейчас не должны слушать вербовщиков – идти в РОА. Это позор будет на весь лагерь.

На десятиминутном совещании коммунистов по этому вопросу Колесников говорил:

– Надо, товарищи, на каждом месте, в любой беседе пояснять людям, что у кого чистая совесть, тот никогда не вступит в РОА... Мы должны вести себя непреклонно и мужественно, поднимать дух и укреплять веру в победу советского народа.

После Колесникова говорил Володя:

– Нам и нашим активистам нужно усиленно поработать в эти дни, пока здесь вербовщик. Основное сейчас – сохранить у людей веру. Ведь мы лишь временно вышли из советского строя... На усиленную строгость немцев, на лишение еды надо ответить саботажем и диверсией, по мере своих сил участвовать в борьбе должны все.

Осторожная, но активная работа коммунистов и комсомольцев в лагере давала свои плоды. Пленные совершали один за другим акты диверсии и саботажа, отдельные шли на риск. В ремонтной мастерской в двух компрессорах в масле оказался песок – вывели надолго из строя машины. В тоннеле все четыре отбойных молотка забили пылью, и прекратились буровые работы. В лесу порвали пилы – создали завал леса, прекратилась заготовка шпал.

На трассе спустили половину вагонеток под откос, отказались грузить камень в вагонетки. Первым отказался Колесников:

– Без еды – ужина и завтрака – нет сил работать.

Мастер вынужден был сообщить об этом конвою, поскольку вся бригада бросила работать и требовала выдать паек. Самый ближний часовой ефрейтор подошел к сидевшей бригаде и потребовал приступить к работе. Он наставил автомат на Колесникова:

– Грузи камень в вагонетку!

Тот на глазах товарищей раскрыл грудь и выставил немцу:

– Стреляй! Стреляй! Лучше умереть от пули, чем с голоду!

Его поза настолько была грозной, что солдат опустил автомат и ушел докладывавать начальнику конвоя. Пришел фельдфебель и погрозил Колесникову.

– Если бы ты мне показал грудь, я бы застрелил, как собаку, – сказал грозно по-польски, так как сам он был поляк.

Вызвали из лагеря коменданта, который явился со своими офицерами и вербовщиком в РОА. Узнав из докладов мастеров об обстановке на трассе, коменданта не стал обострять отношений с пленными, пообещал вечером выдать паек. Одновременно приказал мастерам и полицаям:

– С толпой нечего говорить! Нужно следить, выявить вожаков! Я сумею им пригрозить!

Командование лагеря поняло, что излишней строгостью, лишением пайка всех пленных не запугаешь, а только сорвешь стройку железной дороги. До конца недели пришлось ремонтировать компрессоры, отбойные молотки, заменять воздушные шланги, проколотые ломанами в тоннеле, вытаскивать из отвала вагонетки. В лесу работать на пилах поставили чехов и солдат, которые валили сами лес, а пленные потом обрубали ветки и выносили на проезды для заготовки шпал. По указке полицаяв были заменены ненадежные бригадиры, подозрительные бригадники, которые, нужно заметить, играли немаловажную роль в организации саботажа и пропаганде переведены в другие бригады.

Партгруппа и актив набирали опыт работы, чувствовали поддержку масс.

Глава 23

Вербовщику в лагере «Старвольд» удалось завербовать всех полицаяв, кроме переводчика, часть поваров и рабочих пекарни, которых пригрозили перевести в рабочие бригады в случае отказа идти в РОА, несколько человек из рабочих бригад. В течение двух недель он завербовал 52 человека. Их на тринадцатый день выделили в отдельный барак, одели в немецкую солдатскую одежду, бывшую в употреблении, помыли, постригли, освободили от работы и усилили питание. Некоторых доходяг нужно было подкормить

до нормального вида. Два раза в день им варили гороховый суп с тушенкой или рыбой, давали сладкий чай или кофе, 400 граммов хлеба в день и три сигареты каждому. Все это делалось на глазах у пленных. Нужно сознаться, что у многих появлялось желание переменить голодное лагерное существование, тяжелый труд и издевательство на «роскошную жизнь», обещанную вербовщиками. Некоторые рассуждали так:

– В лагере голод, болезни, тяжелый труд приведут к смерти, не сможешь вернуться на родину, не доживешь до победы. Пойду в РОА, поправлю здоровье, оденусь, получу оружие в руки и перейду на фронт к своим.

Другие в беседах высказывались:

– Генерал Власов – еще неизвестно, чем он дышит. Вот он наберет армию из русских пленных, откормит, оденет, вооружит, да и стукнет по немцам с тыла. Таким путем людей спасет от голодной смерти и Красной Армии поможет расправиться с немцами...

Умные люди старались такие разговоры разоблачать. Они открыто говорили:

– Не такой уж дурак Гитлер и его генералы, что оставят Власова без надзора или разрешат ему создать отдельную армию и пошлют на Восточный фронт. За ним самим будут следить немцы, а его части перемешают с немецкими и пошлют на Западный второй фронт против англичан и американцев. Если кого и пошлют на Восточный фронт, то только как штрафников на самый тяжелый участок, а сзади будет наступать отборная немецкая часть. Вот и попадешь в мясорубку: впереди наши, а сзади немцы...

– Не стоит хорошей мысли этот изменник Власов, – продолжил разговор военврача Колесников в лазарете среди больных: – Если генерал-лейтенант Карбышев Дмитрий Михайлович настоящий советский генерал, то он не идет в РОА.

Он вместе с пленными в лагерях переносит голод, издеательства, каторжные работы, призывает узников бороться с фашистами, готовить побег. Вы, наверное, слышали в других лагерях о нем и его неписанных правилах поведения советских людей в фашистском плену?

– Слышали! – ответили некоторые.

– А мы не слышали, расскажите, – просило большинство больных.

– Я вам расскажу, а вы рассказывайте другим в бараках об этом настоящем человеке. Дмитрий Михайлович Карбышев попал в плен контуженным, в бессознательном состоянии. По свидетельству очевидцев, он ведет себя непреклонно и мужественно. В его неписаных правилах говорится: соблюдать организованность и сплоченность в любых условиях плена; взаимопомощь – в первую очередь помогать больным и раненым товарищам; высоко держать честь советского воина и оставаться верным воинской присяге и своей в советской Родине. Вести борьбу с фашистами, предателями и изменниками Родины, разбивать миф о непобедимости гитлеровских войск и вселять военнопленным уверенность в нашей победе.

Карбышев Д.М. всем говорит: «Настанет день, когда враг побежит из России, обязательно побежит. А советские войска его настигнут в его же логове и разобьют!» Ему дорога совесть воина и патриота, совесть коммуниста, верного сына Родины. Он презирает изменников и армию предателей – РОА. Я прошу вас, не думайте пойти в РОА и не советуйте другим.

– Я думаю, что в нашем лазарете нет таких желающих, – закончил беседу военврач лазарета, улыбаясь Колесникову.

Так коммунисты вели беседы с пленными в лазарете и во всех бараках.

Глава 24

Первым в лагере изъявил желание пойти в РОА полицай Паук.

За ним последовали все полицайи, потом повара и остальные лагерные «придурки», проживающие в полицейском бараке. В связи с этим из барака выселили переводчика, военврача, не пожелавших стать солдатами РОА. Они перешли жить в одну из комнат лазарета, а полицейский барак стал баракком предателей – солдат РОА. По разговорам солдат РОА, из сообщения вербовщика было известно, что через две-три недели всех предателей отправят в Германию.

Колесникова беспокоила мысль, как бы не упустить полицай Паука, как исполнить свою клятву – отомстить за убийство отца. Нужно было торопиться, действовать в задуманном плане. А план был сложный и опасный, можно потерять свою жизнь при малейшей

ошибке. Сразу на третий день после шумихи с саботажем, когда более-менее наладились работы на трассе и в тоннеле, успокоились взаимоотношения между мастерами, конвоем и пленными, Колесников начал действовать. Он принес и подарил чеху, работавшему мастером на складе, самодельную трубку для курения. На следующий день подарил ему узорную обожженную палку, которую сменял у своего бригадника на рыбу, полученную в ларьке за проданные там мундштуки, сделанные вместе с Володей. За подарки мастер пригласил Колесникова работать на складе, ремонтировать пустые ящики из-под тола. На складе было легче работать, чем на трассе ворочать камень. Мастер это понимал и в знак благодарности за подарки поставил Николая работать на складе, не подозревая, что тот этого и добивался. В первый же день на новой работе Колесников стащил две шашки тола, два детонатора и метров шесть шнура и спрятал все в один отремонтированный ящик, который вместе с другими уложил на улице у стенки склада.

На следующий день он снова работал на складе. Ящики, из которых он стащил нужное, в этот день забрали в производство, и сигналов на склад о недостатке никаких не было, чего боялся Николай. В тоннеле в этот день произвели взрывы, израсходовали взрывчатку, и пустые ящики были возвращены на склад без претензий. В конце работы Колесников забрал похищенное, спрятал в карманы, заранее пришитые внизу штанин с внутренней стороны. При обыске в проходной лагеря обычно немцы или полицаи шарят по карманам, за поясом и ниже колен не сгибаются. Но чем черт не шутит, могут прощупать и ниже колен, особенно полицаи, которые особенно тщательно обыскивали активистов лагеря.

На этот раз у ворот обыскивали немцы, так как полицаи уже были в РОА и обер-полицай по поручению агитатора-вербовщика РОА занимался с ними строевой в лагере до прихода бригад с работы. У Колесникова был внутренний страх, колотилось сердечко, в голове держалась мысль о страшных последствиях, если обнаружат в его штанинах взрывчатку, но на солдата он пошел смело. Тот прощупал карманы, вокруг пояса, похлопал по спине и толкнул его вперед в лагерь, приглашая следующего на обыск.

Пройдя благополучно ворота, Колесников почувствовал, как по телу пошло тепло, как сердце взяло свой ритм, глаза просветлели, опасность миновала...

При встрече с Володей в бараке тот спросил:

– Ты почему такой веселый, чему радуешься?

– Я не радуюсь, я просто сегодня везучий. Какой сегодня день?

– Четверг, – ответил Володя.

– Вот правильно! Четверг всегда, говорят, легкий день, – с приподнятым настроением сказал Николай, придерживая Володю за рукав. – Теперь Паук от меня не уйдет! Я тебя прошу, дружище, узнай точно место в бараке предателей, где спит Паук и скажи мне.

– А я уже знаю! Вчера только заходил к ним в барак. Он спит на том же самом месте, где спал и раньше. Рядом с ним теперь лежит татарин, бывший шеф-повар. Два сапога пара собрались вместе. А что ты задумал с ним сделать? Может, требуется моя помощь?

– Пока нет! – ответил Колесников и рассказал другу свой план...

На следующий день врач лазарета освободил Николая по болезни от работы, о чем вечером была между ними договоренность. В пятницу комендант лагеря и его помощник лично больных не проверяли и можно было освободить любого лагерника от работы по усмотрению врача и переводчика. Целый день Колесникова беспокоила мысль, как бы немцы не устроили шмон в лагере, свой багаж он носил с собой и все придумывал, куда его деть, если в лагере будет обыск. Такие мысли и переживания его мучили до четырех часов дня, пока из барака предателей вышли все на занятие строевой, которое сегодня проводил сам вербовщик.

Как только будущие солдаты РОА построились и стали маршировать по площади лагеря, Колесников с тыльной стороны за бараками пробрался в полицейский барак и под постель Паука положил шашки тола, шнур и капсулы. Быстро и незаметно вышел из барака, пошел в туалет, а оттуда к бане, которую сегодня топили солдаты, так как немцы мылись в бане по пятницам – их санитарный день.

Два солдата – стопника стояли за углом бани, курили и смеялись, глядя на марширующих солдат РОА. Колесников от туалета прошел до двери бани, сунул в ручку двери записку и обратно зашёл в туалет, оттуда следил за солдатами и запиской. Те закончили курить и пошли в баню. Увидав записку в двери, солдаты быстро ее развернули, крутили в руках, но прочесть не смогли. Тогда они, закрыв баню на замок, пошли в лазарет к переводчику. Колесников обождал в туалете, пока туда зашли еще двое пленных со второй смены и вместе с ними пошел в сторону лазарета.

Когда он зашел в лазарет, то в приемной стояли два немца, переводчик и военврач – читали его записку. Тут же санитар ответил Николаю, что врач занят, зайдешь позже. Он вышел из лазарета и ожидал на улице, пока ушли солдаты с переводчиком на вахту. За ними вышел погода врач.

– Зачем приходили солдаты? – спросил Колесников врача, как будто ничего не знает.

– Интересная записка оказалась у солдат, – ответил тот.

– Кто-то им по-русски написал, что Паук собирается взорвать баню и кухню. Автор записки как будто видел, когда Паук воровал в тоннеле взрывчатку, а о том, что он хочет взорвать баню и кухню, ему сказал больной лазарета перед смертью.

Солдаты с переводчиком пошли доложить коменданту, наверно, сегодня мыться в бане не будут – напугались.

– Интересно, очень интересно! Если подтвердится, считай Паук отслужился, – радостно произнес Колесников. Через несколько минут Паука солдат увел в караулку.

Глава 25

С начала организации лагеря «Старвольд» администрация, охрана и конвой установили жестокий немецкий режим, ввели наказания пленных за нарушения режима, особенно за политагитацию, кражу и саботаж. Кроме лишения пайка, избияния, перевода в бригаду на тяжелую работу было наказание – стоянка у ворот лагеря. Для этого в левом углу ворот при входе в лагерь была загрожена колючей проволокой небольшая клетка, куда закрывали провинившего до трех суток без одежды. Зимой обычно люди в клетке замерзали в тяжких мучениях на глазах товарищей. В летнее время оставались в живых. Первая шайка полицаев тоже завела свое зверское наказание: закопали деревянную массивную скамейку на площади лагеря, оббили ее железом и к кольцам укрепили веревки. Провинившего раздевали, привязывали веревками и били, после чего оставляли на сутки на скамейке. Зимой так человек замерзал. Правда, после первой объявленной голодовки пленных скамейку отменили как наказание, но она стояла. Большим удивлением было сегодня для пленных, когда они увидели раздетого с табличкой на шее «убийца»

полицая Паука в клетке. Он стоял по приказу коменданта лицом к воротам, чтобы видели надпись на груди «убийца» все бригады, шедшие с работы в лагерь. Возле кухни, где стоял переводчик, много собралось пленных. По показанию коменданта переводчик пояснял: полицейай хотел совершить диверсию в лагере. Он украл взрывчатку и хотел взорвать кухню и баню, чтобы оставить всех голодными и грязными. Взрывчатку у него нашли солдаты под его постелью. Комендант на трое суток посадил его в клетку, а потом отправил в бригаду лесорубов на тяжелую работу.

– Правильно! И надпись на досточке верна – «убийца». Этого он заслужил, – восхищались многие.

– За такое дело этого наказания мало, – говорил Володя. – Мы требуем его повесить!

– Нет! Вешать мало, его, гада, нужно каждый день лупить и голодного заставить таскать бревна. Он постепенно сам сдохнет! – высказался один из бригадников-лесорубов.

– Попил он людской крови, пусть теперь проливает свою кровь, змей зеленый!

– Давайте его к нам в бригаду, а бревно для него мы подберем подходящее.

Вечером после ужина всех пленных и солдат РОА выстроили на площади лагеря и продержали почти два часа в строю. Немецкие солдаты зашли во все бараки и произвели генеральный шмон – искали в лагере взрывчатку.

Три дня утром и вечером видели узники лагеря, как в клетке у ворот отворачивал голову и прятал свои глаза от взгляда пленных, которым насолил до предела своим предательством, немецкий прислужник. На третий день после ужина потускневшего от беды полицая выпустили из клетки, одели в одежду умершего пленного, немцы перевели его в бригаду лесорубов.

Переводчик в присутствии немецких солдат сказал бригадиру:

– Завтра бери его на работу. Комендант лично будет контролировать. Он приказал конвоирам следить и заставлять его работать, даже если будет больной. Бригадир указал на нижних нарах место полицая:

– Здесь ложись и знакомься с соседями – привыкай к жизни бригады. Советую искупить свою вину перед бригадниками потом и дружбой, если удастся ее достигнуть...

В это время в лазарете совещались четверо – врач, Николай, Петр и Володя, – как умертвить Паука. Петр предложил:

– Нужно пойти в барак перед отбоем и сыграть ему «сени, мои сени». Бригадники нас поддержат, будем бить, пока душа из него не улетит на небеса.

Володя не одобрил мысль Петра:

– Это опасно! Немцы обнаружат у убитого побои и будут допрашивать, кто это сделал. За драку в лагере немцы наказывают, а за убийство могут расстрелять. Твое предложение, Петр, интересное, но опасное – зачем риск? Я предлагаю глухим утром до подъема пригласить его из барака на улицу, схватить, в рот затолкать тряпку и притащить его к скамейке, которую в лагере он предложил для наказания. Возьмем за руки и за ноги, два-три раза с маху посадим на скамейку, чтобы оторвалась печенка и селезенка, и опять отведем в барак. И побоев не будет и жить долго не будет. Ложить в лазарет не следует. Пусть сдохнет на работе.

Врач посмеялся над предложением Владимира и сказал:

– Ваше зло к Пауку закономерно. Однако сегодня это делать нельзя. Пусть пройдет несколько дней, посмотрим, как к нему отнесутся немцы на работе и как он сам себя с ними поведет. Может быть, немцы-солдаты сами его убьют под иным предлогом. Немцы сами таких не уважают. От нас он не уйдет.

Колесников согласился с врачом:

– Желательно, и самым интересным будет, если немецкого холая убьют сами немцы, чтобы для других было уроком. Я так и предусматривал своим планом мести этому бандиту...

Всю ночь над лагерем висели черные тучи и шел проливной дождь. Из-за сильного дождя на час позже вывели бригады на работу. Бригада лесорубов ушла из лагеря последней. Полусогнутый, в рваной шинели, босиком, с колодками на руках шел в последнем ряду бригады бывший полицей. По приходу в лес начальник конвоя заставил его одеть на ноги деревянные колодки. Он пожалился немцу, что не умеет ходить в колодках. Тот рассмеялся и пригрозил: «Снимешь колодки – застрелю! Ты полицей, силы много, работать должен хорошо».

Осмотрев вокруг лежавшие бревна, выбрал самое толстое, приказал полицейу нести его на дорогу. Тот силился, но смог поднять только один конец, пытался тянуть к дороге, но бревно не стронулось

с места. Тогда начальник конвоя позвал четверых пленных и велел бревно приподнять на плечо полицая. Те подошли, бревно приподняли и, улыбаясь, предложили:

– Залазь, гад, под бревно! Это тебе не полицейская палка, которой ты размахивал и бил пленных.

Полицай подставил спину под бревно, а пленные сразу его опустили, вследствие чего Паук упал тут же и бревно плотно прижало его к земле. Никто из бригадников не бросился ему на помощь, все смотрели и смеялись. Немцы тоже смеялись, не торопились распорядиться убрать бревно с живого человека. Кто-то из бригадников подал голос:

– Саботажник! Лодырь! Бить его надо!

Начальник конвоя понял и поддержал слова пленного: «Да, да! Саботаж!» И тут же подскочил к полицая, стал бить его сапогом, приказывая вставать. Но бревно так прижало полицая к земле, что тот под ним задышался.

Немец распорядился убрать бревно, а пленные не очень торопились и сначала бревно сдвинули со спины на голову гада, и с силой еще сильнее прижали его к земле, а потом только бревно стащили с тела, за это время полицай потерял сознание. Начальник конвоя не хотел понимать, что Паук уже полумертвый, все кричал, чтобы тот поднимался. За непослушание немец очередью из автомата пристрелил Паука. В конце рабочего дня никто из бригадников не согласился с бригадиром нести полицая в лагерь. Тогда немец распорядился бригадиру отнести тело полицая в кусты и оставить его тело навсегда...

Вечером в бараках пересказывали слова очевидцев позорной смерти полицая, причем преувеличивали и старались рассказать смешно.

Колесников старался узнать подробности правильно и решил переговорить с самим бригадиром:

– Что же ты, Иван, не уберег Паука? Кто теперь будет закладывать немцам пленных?

– Тебе смешно! – ответил бригадир, улыбаясь Колесникову.

– Это ты прав. Таких подлецов не жалко, туда им дорога. Что заслужил, то и получил от своих слуг. Я рад, что его пристрелил немец, для других будет наука.

– Я думаю, что конвою было такое указание, – сказал бригадир в конце разговора.

Глава 24

Осень 1943 года и последующая зима на севере Норвегии была в норме.

Голодные условия не очень радовали русских людей. Частые дожди с холодными ветрами осенью, снежные бураны со снежными заносами зимой усложняли и так трудную жизнь пленных. Но жить и бороться за жизнь каждый живой старался. Даже в этой голодной, холодной, нечеловеческой до слез обстановке, преодолевая каторжный труд, издевательства врага, болезни и мучения, люди хотели жить и жалели умирающих. Похороны каждого умершего человека в лагере переживали в трауре, скорбили об умершем товарище...

После ухода из лагеря полицаяв, других предателей и ненадежных в РОА, в лагере установился дружный коллектив. Люди с большим доверием относились друг к другу, смелее сознавались о своих политических взглядах, высказывали зло к немцам, говорили о своих планах после возвращения на родину. Хотя еще робко, но без глубокого страха многие говорили о своей принадлежности к комсомолу, а некоторые и к партии. Причем к немцам теперь такие разговоры не доходили, значит, в лагере не стало стукачей.

Вожакам и активистам лагеря стало проще и свободнее вести патриотическую работу. Военврач в лазарете больным рассказывал:

– Подразделение, в котором я находился, попало в окружение. Ожесточенные бои велись днем и ночью, стоял сплошной гул канонады, все горело и рушилось. Раненых уже нечем было перевязывать, пошло в ход нательное белье. Невдалеке кто-то мне вскрикнул о несчастье – осколком снаряда был ранен командир подразделения. Я бросился к нему, перевязал и тут же услышал автоматную очередь. Сомнений не было – фашисты!.. Шли мы долго, измученные и голодные. Потом нас загнали в товарные вагоны, в которых не то что лечь – сесть нельзя было. Раненым никто не делал перевязок. За девять дней пути до концлагеря близ города Зоэста нам только два раза выдали по кружке какой-то горячей бурды. Военнопленным предстояло работать на военных заводах. Отказались наотрез. Тогда фашисты построили всех во дворе лагеря, отсчитали каждого пятого и избивали. То же повторилось и на следующий день. Ничего не добившись, эсэсовцы снова затолкали всех

в вагоны и повезли дальше, в «Равенсбрюк». Это «пристанище» стало для многих узников последним в жизни: здесь погибли от голода, болезней и в крематориях десятки тысяч людей...

Рядом был лагерь женщин и детей. Однажды зимой на открытых платформах привезли в лагерь свыше пятисот малюток – обмороженных, опухших, голодных. Это были дети погибших командиров Красной Армии и партизан. В четыре часа утра их вместе с женщинами стали выгонять на поверку. По два-три часа три раза в день выстаивали они под дождем, на сильном ветре и морозе.

Ребята, конечно, не выдерживали, плакали, падали. Их избивали, увозили для сжигания в крематорий... Женщин отправляли в небольшой городок Гентин, где заставляли делать противотанковые патроны. Пленницы вместо динамита стали начинять их песком. После возвращения на фабрику около 1200 ящиков с бракованными патронами женщин нещадно избили, многих организаторов саботажа бросили в штрафной барак. Наши советские люди ведут и будут вести борьбу с врагом на фронте, в его тылу и даже в концлагерях. Настанет время, и враг ответит за все издевательства над советскими людьми. А это время близится с каждым днем. Наш народ победит! Вот ради чего нужно жить и бороться с фашистами.

Аналогичные беседы коммунистов и комсомольцев в бараках, на работе с пленными велись все больше и больше. Лагерная политпропаганда острее выражалась участниками художественной самодеятельности в своих концертах. Зимой 1944 года ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота готовили концерт с включением в него патриотических народных и военных песен: о Каховке, о Щорсе, о партизане Железняке, песня «Орленок». Декламировались стихи Сергея Есенина: «О Родине», «Гой ты, Русь, моя родная», «Письмо матери», «Спит ковыль», «Капитан земли». На концерте присутствовали солдаты, которые уже немного понимали по-русски и вместе с пленными аплодировали исполнителям...

За последнюю осень и зиму в лагере сильно развивалось ремесло, многие включились в изготовление изделий, так как это был дополнительный источник питания. В ларьке торговал сознательный солдат, который все полученное за изделия сполна отдавал в лагерь. Под влиянием коммунистов, врач с переводчиком и бригадиры особо слабых пленных клали в лазарет на отдых, ставили на более легкие работы. Сапожная и портняжная мастерские работали

над ремонтом одежды, переделкой деревянных колодок на башмаки – подошва деревянная, а верх суконный или брезентовый. Людей регулярно мыли в бане и обеспечивали кипятком из хвойных веток для полоскания зубов.

Глава 27

Как ни старались пленные организовать свой досуг в лагере лучше, все равно жизнь была скучной, грустной и тягостной. Время тянулось медленно и однообразно, скучали по родным и близким, грустили по родине, тяготило в родные края к привычным и знакомым делам, хотелось днем и ночью домой как можно быстрее. Далеко от родины всегда приятно вспоминать о родном крае, доме, где родился, рос, о родных. В начале марта 1944 года природа наградила пленных теплым солнечным выходным днем. Как муравьи, на солнечной стороне бараков расположились пленные группами, в одиночку погреться на солнышке, подышать свежим воздухом. Больно надоели за зиму сырые, вонючие бараки. За зоной лагеря, возле немецких бараков, тоже солдаты выставили на улицу столики, сидя спиной к солнцу, писали домой письма. Из караульного помещения выходили часовые на вышки, шли медленно без шинелей, наслаждаясь теплом солнца. Им тоже надоел этот север и служба, тоже хотелось домой.

Возле первого барака сидели в кругу ремесленники, делали корзинки из прутьев и корней, заготовленных еще осенью и хранившихся на чердаке бани, вели непринужденный разговор. Низенький ростом, коренастый, но худой, с выбеленной головой ремесленник быстро плел корзинку и говорил о том, что неотделимо у него и в мыслях, и в сердце:

– Говорить я буду, дорогие товарищи, – сказал он, обращаясь к окружающим, – о том, о чём больше всего болит у меня, да и не только у меня, – о хлебе насущном. Его ведь все больше и больше надо на земле, и чем больше мы будем выращивать его, тем богаче и могущественнее будет наша Родина.

– Ты, дядя Ваня, наверное, был председателем колхоза? – шутя спросил собеседника молодой высокий парень.

– А что? Был не председателем, а бригадиром и всегда людям говорил: «Советское общество – это общество людей труда», – торжественно и с ударением на последнем слове произнес. И продолжал: – Трудом, только трудом нашим создаются все материальные и духовные ценности общества и нравственные ценности самого человека: идейная убежденность, гражданская зрелость, честь, совесть, товарищество, самоотверженность, доброта...

– Да ты, дядя Ваня, выступаешь как коммунист, – шутил над стариком тот же самый парень.

– А хотя бы коммунист, все равно я тебя не боюсь!

– Дядя Ваня, ты, наверно, начитанный? Каких ты любишь писателей? – донимал все тот же старика.

– Люблю писателей с философским уклоном: Льва Толстого, Салтыкова–Щедрина, Шолохова. Люблю все четыре времени года в их натуральной красоте, восход солнца, березу, цветы, свою семью – жену и детей. Еще будут у тебя вопросы? – сам засмеялся и всех рассмешил.

– Нет, дядя Ваня! – ответил парень после смеха.

– Тогда отстань!

После короткого молчания вместо перекура Миша, которого прозвали в лагере «дед медный», продолжил разговор.

– Я люблю самую середину лета, когда убирают лук и только что собираются косить рожь. В это время есть прелестный подбор цветов: красные, белые, розовые, душистые пушистые кашки, наглые маргаритки, молочно-белые, с ярко-желтой серединой – любишь, не любишь, – желтая сурепка со своим медовым запахом, ползучие горошки, ярко-синие на солнце и в молодости васильки. Я как художник люблю эти цвета переносить на полотна. Однажды я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету репей того сорта, который у нас называют «татарником». Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и согнав впившегося в середину цветка мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, он был так страшно крепок, что я бился с ним несколько минут, по одному разрывая волокна. Какая, однако, энергия и сила жизни! Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь. Экая энергия!

Колесников сидел молча, плел дно корзинки, и ему было приятно слушать соотечественников, их воспоминания о родном крае, о своем народе, о красоте родины.

– Так вот, Миша, – заговорил он громко, – кончится война, вернешься на родину, в свой любимый край, и там увидишь новые памятники погибшим солдатам войны. Обязательно нарви красивый букет цветов, положи их солдату и, не сдерживая слез, наедине с памятью сердца постой возле него и вспомни всех погибших своих товарищей.

– Я тоже люблю природу в период года, когда сады цветут, зеленеют, хлеба золотятся, о нашей родине соловьи песни поют. Если жив буду и вернусь на Родину, буду перед каждым памятником склонять голову и ложить цветы...

До самого вечера, когда уже на улице похолодало, люди сидели у своих барачков или вели разговоры на разные темы, и все они сводились к одному: дожить до конца войны, вернуться на родину, встретить свои семьи, родных, любимых и всех знакомых советских людей, победивших злейшего врага – фашистов, отомстивших ему за все его злодеяния...

Глава 28

– Прошла третья зима войны, а конца войне нет, – тяжело вздыхая, как-то проговорил Володя Николаю за ужином. – Я думал, что зима 1944 года принесет окончательную победу над Германией.

– Я тоже так ожидал, но, очевидно, не получается у наших, враг еще силен, к сожалению, – ответил Николай. – Летом его легко не возьмешь, но следующей зимой ему будет капут. Уже сейчас его дела трещат по всем швам. Солдаты-конвоиры говорят, что их опять поменяют, этих калек забирают на передовую, а сюда пришлют еще более потрепанных. Значится, дела у Гитлера швах. Годик еще потребуется, чтобы окончательно с фашистами разделаться.

– А куда будут бежать Гитлер с Геббельсом? – ухмыляясь, спросил Володя у Николая.

– Наверно, к Власову в РОА, – весело ответил тот.

– Все равно их поймают, гадов, – тоже с настроением сказал Володя, старательно ложкой очищая котелок. – У меня предложение такое: поймать, раздеть, посадить в железную клетку и возить их по местам прошедших боев. Потом их, голых, в клетке зимой повезти в Сибирь и везти до тех пор, пока замерзнут.

– Наказание им придумают, так народ не простит за их зверства, – заканчивая беседу, сказал Николай. – Давай котелок мне, я пойду помою, и будем спать, а то завтра опять тяжелая работа...

Через неделю действительно разговоры солдат подтвердились. В лагерь из Тронхейма прибыли новые пленные и новый конвой. Пленными пополнили недостающую рабсилу в лагере, а конвой заменил предыдущую охрану. Старая охрана вместе с комендантом на третий день уехали на машинах в Тронхейм. Новых пленным радостно встречали старожилы лагеря. На новеньких была приличная одежда советских солдат, на плечах были даже у некоторых погоны, да и сами люди были посвежей и посмелей. Один красивый парень, почти в полной военной форме, не хватало на нём только ремня с пистолетом, войдя в лагерь, громко спросил старых:

– Земляки из Ленинграда есть?

– Есть! – кто-то ответил.

– А коммунисты и комсомольцы есть? – немного тише спросил.

– Тоже есть те и другие! – громче его ответил Колесников.

– В нашем лагере даже немцы коммунисты, – продолжил Николай.

– Это хорошо! – удивляясь смелости Колесникова, протяжно ответил парень, подавая ему руку.

– А среди вашей группы есть активисты? – спросил Колесников, пожимая руку новому знакомому.

– Найдутся! – четко ответил тот, подмаргивая Николаю.

После короткого знакомства Колесников пригласил парня:

– Приходи в первый барак, поговорим по делу.

Друзья Колесникова тоже познакомились с новыми людьми этапа, выясняли настроение, находили на первый взгляд смельчаков. Но быстрое знакомство было прервано тем, что переводчик по указанию нового и строгого коменданта лагеря пригласил новичков к построению для образования новых рабочих бригад и размещения их по баракам.

Сближение старых лагерников с новыми внесло много новостей о войне, о положении на фронтах, о силе Советской Армии. Новые лагерники попали в плен, как выяснилось позже в разговорах, в 1943 и даже в начале 1944 года. Это были свидетели боев этих лет, очевидцы и участники побед на многих участках фронта. Они были убеждены в справедливой и скорой победе Советского Союза над фашистской Германией.

С ними было интересно беседовать и приятно слушать их рассказы.

Вечером в шестом бараке моряк Балтики, лет двадцати семи возрастом, вел беседу об одном морском бое:

– Наша подводная лодка вошла в свой обычный боевой рейд. Стояли белые ночи. Вдруг сигнальщик, пристально глядя в даль, обнаружил по левому борту силуэты нескольких кораблей. Шел большой вражеский транспорт под охраной тральщиков и катеров. «Боевая тревога!» – раздалась команда капитан-лейтенанта.

Все замерли на своих постах. Вот она, встреча с ненавистным врагом. Атаковать нужно было как можно быстрее, пока противник не обнаружил лодку, идущую в надводном положении. «Приготовиться к торпедной атаке!» – подал команду командир подлодки. Из первого отсека доложили о готовности торпедных аппаратов к выстрелу. «Транспорт на залповом пеленге! Аппараты, пли!» Выпущенные торпеды попали в цель. Сильнейший взрыв потряс воздух, и вражеский транспорт стал тонуть. Команда подводки ликовала: «Хорошо мы проводили фашистов на дно моря за рыбой!»

В момент залпа вражеское охранение обнаружило лодку и ринулось на нас. «Срочное погружение!» – прозвучала команда. Считанные секунды, и лодка исчезла под водой. Вражеские корабли начали бросать глубинные бомбы, которые рвались безрезультатно, так как лодка уже была далеко. Всю ночь рыскали неприятельские тральщики и катера, надеясь найти нашу подлодку и уничтожить. Пришлось прятаться в черной глубине моря и ждать, когда фашисты уйдут. Больше суток пролежала лодка на грунте под водой. Воздух в отсеках стоял тяжелый, дышалось тяжело, команда страдала от недостатка кислорода. Но подводники, молчаливые и сосредоточенные, – каждый на своем посту. Акустик все время докладывал о шуме винтов вражеских кораблей. Нужно было оторваться от противника и спасти лодку. Тогда командир решил войти в воды, густо усеянные

вражескими минами, куда, боясь подорваться, не смогут пройти вражеские катера и тральщики. Смелое решение оказалось правильным. Минное поле осталось позади, и наша лодка всплыла...

Мертвая тишина мгновенно взорвалась аплодисментами слушателей.

– Правильно! Так их и нужно всех перетопить! – звучали возгласы в бараке.

В другом бараке рассказ вел черноморский моряк:

– Наше Черное море по своему характеру можно назвать спокойным. Особенно августовское – это солнце всюю, облака в контражуре. Но посмотришь за борт – становится жутко. Волны зеленые, темные, как у Айвазовского, шипят на ветру. Правда, четыре балла еще не шторм, это на море просто волнение. Однако на палубу белые гребни заходят.

Однажды осенью вошли в квадрат действия противника. Сбавили ход. Машины затихли. Корабль лег в дрейф. Акустики начинают охоту. «Все! Надеяться осталось лишь на себя, – говорит командир, задумчиво глядя на потемневшую синь моря. И о чем-то подумав, добавил: – Надеяться на всех. На корабле все вместе – боевая единица...»

Если на мостике поздним вечером без тулупа просто не обойтись, то в машинном отделении в любое время года и суток работают в безрукавках – в тельняшках, а то и совсем без них. Температура возле корабельного сердца колеблется от 40 до 50 градусов. А об акустике разговор особый. Внимательные. Профессия у них музыкальная. Без идеального слуха в гидроакустики не берут. Как шумит косяк рыбы – акустик должен знать. Он отличит кита от подводного рифа, затонувший корабль от затаившейся подводной лодки. На корабле отличная техника. Но ни одной лишь техникой силен корабль. Успех в бою куют люди, отлично умеющие использовать возможности техники. Хорошую выручку, высокий боевой дух, политическую зрелость показывают матросы в бою.

«Есть контакт. Пеленг – 175», – дрожащим от радости голосом доложил вахтенный гидроакустик. Корабль лег на боевой курс. – «К бою!» – приказал командир. И корабль, минуту назад казавшийся дремавшим, сразу же ожил. «Торпедами и бомбами уничтожить противника!» Залп! И помчались милые торпеды, и полетели соколки – снаряды на врага. Горит немецкий корабль, тонут фашисты. Бой прошел успешно... Ночь, затих ветер, успокоилось море.

«Тихо будет завтра, – сказал командир и тут же, изменив интонацию, приказал: – Курс... полный вперед!» Мы продолжали нести свою беспокойную, нужную для родины боевую службу. Много уже теперь фашистов воюет на дне моря. Это им не сорок первый год...

В первом бараке новый знакомый Миша, сидя на нарах рядом с Николаем и Володей, громко рассказывал всему барачу:

– Мне пришлось участвовать в освобождении Ленинграда в составе гвардейской минометной бригады, точнее дивизиона, наша часть действовала в районе Пулковских высот. Приготовление и сосредоточения велись в глубокой тайне. Мы готовились к боям в основном ночью, ибо враг просматривал наше расположение с Пулковских высот.

Все происходило под сильнейшим обстрелом противника. Полком добирались солдаты и командиры до огневой позиции. К концу 1943 года инициатива уже была окончательно вырвана из рук врага. Теперь задача стояла в том, чтобы полностью снять блокаду с Ленинграда и освободить Ленинградскую область.

Нашей бригаде благодаря исключительной отваге, выдержке солдат и офицеров удалось буквально под носом фашистов в установленный срок и без потерь оборудовать основные позиции и подготовить всю боевую технику, подвести боеприпасы. Гитлеровское командование предпринимало все, чтобы сделать неприступными свои позиции. Они утверждали, что русские не смогут одолеть их. Но советские воины внесли в их планы свои поправки. И вот наступили жаркие дни. Впереди боевых цепей – коммунисты. Подвиги, стойкость солдат и офицеров знаменитого 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка не знали себе равных.

...286-й стрелковый полк 90-й стрелковой дивизии, заняв населенный пункт Гостилицы, выдвинулся далеко вперед. Его левый фланг оказался открытым. Этим воспользовался враг и при поддержке танков перешел в контратаку. Только оружие сержанта Морозова стояло на пути фашистов. Отважные воины не растерялись. Сержант приказал номерам расчета залечь и поражать пехоту из автоматов и гранатами. А сам с наводчиком открыл огонь из орудия бронебойными снарядами по танкам и картечью по пехоте. Контратака врага захлебнулась.

На этот подвиг мужественному артиллеристу было присвоено звание Героя Советского Союза. Солдаты его расчета были награждены орденами и медалями.

...Танк, которым командовал старший лейтенант Чапайкин, был подбит. Однако гитлеровцам, окружавшим машину, не удалось сломить сопротивление экипажа. Советские воины превратили танк в крепость и удержали его до прихода помощи. В январе 27 числа 1944 года Софинформбюро сообщило всей стране об освобождении Ленинграда от вражеской блокады. 900 блокадных дней выдержали жители Ленинграда.

– Ура-а! – закричали во весь голос узники барака, оборвав на этом рассказ Миши. Все были рады разгрому немцев под Ленинградом.

Рассказы новых пленных вселяли в людей веру и надежду на скорую победу над врагом, еще больше люди мечтали вернуться на родину.

Глава 29

Замена конвойных и охранных подразделений в концлагерях в 1944 году была для фашистов вынужденной. Избитые, потрепанные Советской Армией немецкие части нуждались в пополнении, обновлении и отдыхе на всем Восточном фронте... Гитлеровское командование решило собрать по всем концлагерям малость отдохнувших солдат и офицеров, послать их на фронт, а всю «ветошь» – стариков, инвалидов и прочих нестроевых и не годных к войне – обязать охранять концлагеря...

В первый день выхода бригад на работу с новым конвоем узники смеялись.

– Ну и охранничков нам дали: хромые, кривые, старые, уже одной ногой в могиле стоят, на арийцев не похожие.

– А где Гитлеру набрать чистых арийцев? Он их уже растерял по всей Европе. Советская Армия щелкает так, что немцы не успевают кресты ставить. Союзнички его тоже стали ненадежные: то сдаются в плен, то бегут с позиций без оглядки. Так что Гитлер вынужден всякое дерьмо в свою «непобедимую», – отвечали со смехом пленные...

Вечером пришел в первый барак к Володе и Николаю Петропартизан. Он принес суп из вареной рыбы и картошки, полученной за свои изделия в лагерном киоске, с удивлением рассказывал:

– Наша бригада сегодня ничего не делала. Такой конвой у нас – разный сброд: немец, австриец, два чеха, один поляк. Чехи и поляк говорят по-русски. Работать не заставляют, сидят с нами возле костра и все разговаривают, рассказывают о себе и спрашивают нас, где семьи, где воевали, как и где попали в плен?

– А у нас начальник конвоя обер-ефрейтор вообще запретил бригаде работать, – перебивая рассказ Петра, торопливо сообщил Николай.

– Говорит наполовину по-русски, остальное по-немецки: «Работать не надо! Делайте костер и грейтесь». Я ответил ему: «Правильно, обер-ефрейтор, говоришь, мы голодные, слабые, работать нет силы».

– Да, да, – махая головой, он мне ответил и пригласил развести им, конвоирам, отдельный костер. Я собрал веток, от своего костра принес огонь, разжег, и они собрались вокруг костра и тоже целый день грелись. Мне дали сигарету, чтобы я отнес к своему костру ребятам, так как я сознался, что не курю. Я раза три собирал ветки и приносил к их костру. Они меня все спрашивали, как в лагере кормят, почему такая плохая одежда? Ну, я знаю, как отвечать...

Сами между собой говорят о длинной войне, о тяжести гражданского населения в тылу Германии. Стало быть, наши им мозги вправляют на фронте. Уже нет боевого духа и мыслей о молниеносном захвате России. Уже думают, как спасти Германию...

– Вы не очень в разговоре доверяйтесь немцам, – прервал Николай Владимир.

– Может быть, они получили такое задание от коменданта – проверить, чем дышат, как настроены пленные, и выловить лагерных активистов. Один день не работать пленным они пожертвуют, зато выловят саботажников, очистят лагерь вот от таких, как мы. Нужно быть осторожным и смотреть, как поведут себя новые конвоиры дальше. Если они действительно такие, как сегодня, то это нам на пользу.

– Ну, давайте угощайтесь рыбой с картошкой, – предложил Петр, друзьям, когда все поровну разделили на три части.

Ребята ели, смаковали, хвалили норвежцев за их помощь.

– Наши безделушки местным жителям абсолютно не нужны, но они берут, лишь бы нам передать что-либо из продуктов. Нужно сказать справедливо, народ Норвегии симпатизирует русским, –

высказал свое мнение Николай. – Это совсем другой народ в отличие от эстонцев. Те кураты – так называют они по-эстонски черта, – на улицах упрекают нас Сталиным, а норвежцы никогда, всегда улыбаются, всей бригаде, если встречаются на дороге. Они мне нравятся.

– Вот хорошо подкрепились, спасибо тебе, Петя, – благодарил Володя.

– На здоровье! Благодарю норвегов за их доброту и помощь.

– Теперь за работу. У нас с Николаем недоделано два мундштука. Нужно сегодня посидеть часиков до двенадцати, закончить и утром сдать в киоск на продажу.

– Я тебя прошу, Володя, один мундштук оставить мне, я его хочу подарить начальнику конвоя, – ласково и тихо проговорил Николай.

– Он, ясно, чем-нибудь заплотит, может хлебом или сигаретами, но мне надо с ним завести блат. Я у него хочу выведать все, как и где воевал, как дела на фронте, что говорят в Германии, о чем пишут в газетах. Буду просить, чтобы брал меня топить печки в караулке – газеты я должен носить в лагерь или нет?

– Когда ты принесешь газету об окончании войны? Все говоришь скоро немцам капут, а конца нет, – шутил Петр перед уходом.

Задуманный Колесниковым блат с начальником конвоя своей бригады, а также другими солдатами быстро наладился. В холодные дни, которые весной были очень часто, его приглашал обер-ефрейтор на работе разжигать конвоирам костры, часто беседовал с ними наедине по всем вопросам, интересующим обе стороны. Во время несения вахты по охране лагеря обер-ефрейтор приглашал Николая топить печи в караульном помещении, брал работать на склад для разгрузки продуктов. Однажды Колесников попал на разгрузку овощей в хранилище для немцев. Пришло две автомашины из Тронхейма, груженные картофелем и брюквой. Обер-ефрейтор, который сегодня был начальником караула, зашел в лагерь и отобрал десять человек, в том числе и Колесникова и передал их в распоряжение фельдфебеля, ведавшего продовольственными складами. Картофель был в бумажных кулях, а брюква нагружена на вторую машину без тары, пришлось носить в хранилище ящиками. В хранилище в углу стояли деревянные кадушки, покрытые такими же крышками.

Пленные – народ любопытный, сразу обнаружили в кадушках соленое сало. Кушать его на складе просто было невозможно –

очень соленое и жесткое, – но нужно было принести в лагерь, а там уже с ним можно варить, жарить. Поочередно пленные останавливались возле бочек, чтобы незаметно для конвоя и фельдфебеля, отрезали и отрывали зубами небольшие кусочки сала и прятали в башмаки, в пилотки или шапки, в другие места одежды. Колесников посмотрел, подумал и решил: при возвращении в лагерь все равно будет шмон (а при обыске обычно ищут в башмаках, в шапках, карманы заставляют выворачивать, найденное отбирают, да еще и бьют), если уж брать, так брать столько, чтобы было чем поживиться или было за что терпеть побои...

Когда подошла его очередь остановиться возле кадушек, он подобрал в кадушке большой пласт солонины, взял фуфайку и рубашку.

– Ванюшка! – обратился он к рыжему парню со второго барака.

– Приложи мне на спину этот кусок сала, я попробую пронести его в лагерь. Себе оставим и больным отдадим в лазарет. Может, на этот раз повезет, не будут шмонать у ворот.

– Фельдфебель – такой гад, что обязательно будет шмонать у ворот.

Когда Николай одел поверх рубашки фуфайку, Ванюшка его вокруг пощупал, посмотрел, сделал заключение: совсем незаметно. Колесникову пришлось еще несколько мешков с картошкой снести в склад после этого. Груз на спине с солью щемил, жег тел, но делать было нечего, нужно было терпеть и ожидать быстрого окончания работы и возвращения в лагерь. По окончании разгрузки автомашин фельдфебель дал каждому по одной брюкве и велел конвою вести в лагерь. Закрывая склад, он вспомнил, что пленные могли запрятать картошки, а может быть, и солонины. Он быстро догнал рабочих у ворот и приказал солдатам обыскать пленных. Тут началось... У всех, кроме Николая, нашли кусочки сала, у некоторых в штанинах картошку. Каждый получил по две-три пощечины от фельдфебеля. За честность Николая, у которого ничего не обнаружили, фельдфебель похвалил и велел забрать ему все отобранное у остальных. Колесников начал складывать сало в карманы фуфайки, а картофель в шапку. Вдруг один из новеньких пленных, не знавший Николая и его доброты в лагере, пожадничал, что тому достается все отобранное, без рассудка указал фельдфебелю на хитрость Николая. Тот велел снять фуфайку, сразу увидел мокрую рубашку, на спине. Он рванул с силой за рубашку, и тут обнаружилась кража. Одним ударом фельдфебель сбил Колесникова с ног, потом взял у солдата автомат и прикла-

дом бил по чему попало. Когда насытился своим азартом, а Николай уже боялся пошевелиться, фельдфебель велел пленным пустить в лагерь, а Николаю продлить наказание. Ему велели одеться, в шапке опустить наушники, завязать подбородок, подпоясать фуфайку веревкой. Потом привели в пекарню, связали руки и опустили вниз головой в жаровую яму, куда выкидывали с печей пекарни горящие угли. Привязанный сверху ямы за ноги веревкой Колесников провисел до прихода в пекарню обер-ефрейтора. Сначала жаром углей жгло лицо, соленым потом заливало щеки и глаза, спину щемила соль, потом в глазах потемнело, и дальше ничего не помнил.

Поздним вечером, когда он почувствовал себя и открыл глаза, то увидел врача лазарета и своих друзей: Володю, Петра, Мишу и Анатолия, которые окружили его. Врач им говорил: «Благодаря доброму обер-ефрейтору его живого вытащили из ямы. Мог умереть».

Глава 30

Капризная весенняя погода в Норвегии после солнечного безветрия принесла с утра очередного дня снежный вихрь. Причем так было по всей обширной карте северного побережья. На склонах гор лег основательный белый покров. На всем пути следования к местам работы на трассе строительства железной дороги бригады лопатами чистили снег с утра до обеда. К месту работы бригада Колесникова пришла уставшая, промокшая, башмаки с портянками у всех были сырые, ноги посиневшие, а руки и тела окоченевшие. Конвой тоже ежился от сырой и холодной погоды, хотя одет был значительно теплее узников. На свой участок трассы пришли позже других бригад, поскольку он был самым дальним от лагеря. В других бригадах уже дымились костры, возле которых кучкой узники грелись и сушили одежду. Начальник конвоя бригады Колесникова обер-ефрейтор распорядился по-русски: «Кончай работать! Делай костра! Николай, делай костра солдат, цванцик шагов!»

Узники бригады дружно собрали ветки, начальник конвоя принес два сухих ящика из-под взрывчатки, и два костра стали обогревать пленных и солдат. Бригадники снимали башмаки поочередно с ног, сушили портянки, отогревали ноги. Потом к огню поворачивали спины, животы, с одежды шел пар, от головных уборов и портянок

пахло потом. Так до конца рабочего дня бригадники обогрелись и сушили одежду.

Солдаты к своему костру подходили поочередно греться по одному, а остальные двое несли службу по обе стороны бригады. Обер-ефрейтор не отходил от костра до конца работы, часто приглашал Колесникова поднести веток и вел с ним разговоры:

– Ду Николай никс работать, есэн мало – работать мало. Трасса, тоннел Германии никс треба. Дас ист Норвег.

– Потом он говорил много по-немецки, пока Николай поднял брови, развел руками в знак того, что не все понимает, и улыбнулся.

Обер-ефрейтор ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Николая своим человеческим добродушием. Колесников никак не ожидал видеть такой доброй улыбки, и он казался не чужим, а давно знакомым приятелем. Только одно было в нем особенное от других немцев: это были его широко расставленные глаза, которые проницательно и спокойно смотрели в глаза людям. Это был румяный, с серыми, без век, яркими глазами, круглолицый человек, сияющий жизнерадостностью. Он, как заметил Николай, пользовался уважением своих солдат, из которых один был кривой на один глаз, без бровей и без ресниц, другой с рыжей подстриженной бородкой и шрамом через нос и лицо, а третий коренастый, волосатый человек со сросшимися бровями. Все они, как и обер-ефрейтор, разговаривали с Николаем, улыбались, когда грелись у костра, и до самого вечера не кричали на узников, даже если те по необходимости просились пойти в кусты. В этот день Колесников много узнал от конвоя о положении на фронтах, о настроении солдат и народа Германии.

Хотя не все понял он из разговора, но мог уже в бригаде и лагере знакомым рассказать и ответить на вопросы:

– Наши конвоиры все с Восточного фронта, по несколько раз ранены, а начальник конвоя даже был в плену в Ленинграде. Говорят, что кормили его и других немецких пленных наравне с советскими солдатами, жили в чистой теплой казарме, никто не бил и даже не отбирали военную одежду. Многие немецкие солдаты и солдаты других союзников Германии переходят группами передовую и сдаются в плен. Он был в плену двадцать дней, а потом наши отпустили его, и он перешел к немцам...

– Наверно, наши отпустили его с каким-нибудь поручением или для агитации других? – спросил старый бригадник Николая.

– Я тоже так думаю, а может, немецкий коммунист...

– А ты спроси его насчет коммуниста, – опять перебил тот же.

– Я спрашивал его вообще на счет этого, а он мне встречный задал вопрос. Я ответил, что, может быть, и есть в лагере коммунисты, но я их не знаю. Он улыбнулся, погрозил мне пальцем, заулыбался еще больше и ответил: «В Германии все коммунисты работают нелегально, как в тылу, так и на фронте... Есть в Германии и в армии много недовольных Гитлером. Гитлер есть дермо, войну проиграл, фашизму будет капут...» Он и этот солдат с одним глазом говорили мне много, но не все я могу понять по-немецки.

– А что понимать? И так понятно, что войну затеяли, а теперь застряли в русских болотах да в снегу. Это им не Франция! – с восхищением, оглядываясь на немцев, высказывался молодой парень с нового этапа, на днях переведенный в бригаду из лазарета. – Гитлеровцы отступают на всех фронтах. Освободим свою землю, перейдем через границу и попруем его до Берлина, а в Берлине Гитлера за глотку – и конец фашизму!

Аналогичная обстановка и разговоры были в этот день почти во всех бригадах. Вечером Володя-грек рассказывал:

– Теперь не мы, а немцы сами организывают саботаж. Наш конвой велел не начинать работу. Мол, и так устали на очистке снега. Сидите и отдыхайте. Железная дорога нужна Норвегии, пусть норвеги и строят. Скоро война кончится, мы и вы уедем в свои страны. Зачем нам эта дорога?

– Правильно конвоиры говорят! – согласился слесарь из бригады Володи. – Гитлера, Геббельса и всю их шайку расстреляют или повесят, армию распустят, ясно, что все захваченные страны освободятся от фашизма и станут самостоятельными государствами. В Норвегию вернется из Англии король, армия и население, которые выехали туда на кораблях при захвате немцами Норвегии, и снова будет Норвежское государство. Зачем немцам эта дорога? Солдаты, да и офицеры, которые нас караулят, сами думают, как унести им отсюда свои кости на родину, добраться к своим семьям, если те уцелеют. Немцы теперь уже поняли свой конец.

– Все это нужно рассказывать в лагере пленным, говорить уверенно о победе над фашизмом, – сказал Колесников в конце разговора.

Глава 31

Лето и осень 1944 года в Норвегии были умеренные, часто моросил мелкий дождик, с гор тянуло прохладой, а чаще холодным сквозняком, по ущельям паслись сырые туманы. Очень редко навдывалось в гости теплое, ясное солнце, которое чуть ли не до обеда пробивалось сквозь седой туман. В такие солнечные дни становилось легче и веселее на душе у людей и животных. Лося и те со своими молодыми членами семейства спускались в светлые солнечные ложбины, грелись и наслаждались сочными кормами, которых в это время было для них в изобилии.

Лето и осень этого года легче переносилось пленными, чем предыдущие годы, поскольку вынужденно облегчилась работа, немцы вместе с чехами-мастерами не требовали, как раньше, непрерывной работы от пленных, а конвой вообще был посторонним надзирателем...

В газетах, которые Колесников тайком продолжал носить в лагерь, писалось вкратце, о поражениях немецких войск и наступлениях Советской Армии, об угрозе Германии и ее союзникам на Восточном фронте, а потом стало упоминаться и о Западном фронте, где успешно продвигались американцы и англичане. Хотя в газетах меньше было действительности, чем на самом деле, но пленных радовали даже те успехи Советской Армии, о которых они узнавали. Каждый чувствовал приближение победы над фашистской Германией. Хотелось жить и вернуться на родину.

За это лето, осень и следующую зиму в лагерь русских военнопленных пополнений новыми людьми не было. Осенью только соединили лагерь «Старвольд» с соседним лагерем, а туда привезли пленных сербов и греков. Очевидно, была вынужденная эвакуация лагерей из Франции, где продвигались англичане и американцы. Сербь и греки были одеты в добротную одежду из черного сукна, все физически справные. Проезжая мимо «Старвольда» на машинах, греки и сербы махали руками русским и кричали:

– Братко! Братко! Скоро домой! Войне конец!

Им больше было известно о состоянии войны, так как сербы, греки, французы и другие народы в концлагерях для пленных получали письма и посылки от родных и газеты через международный Красный Крест. Только советские военнопленные и мирные жители

нашей страны, насильно угнанные фашистами на каторжные работы в Германию, не получали помощи Красного Креста, вследствие чего многие умерли от голода и болезней...

После того, как появились в соседнем лагере сербы и греки, которых также выгоняли на работы по строительству железной дороги, в лагере велись новые разговоры. Черноморский моряк Владимир пояснил в бригаде:

– Сербам, грекам, французам Красный Крест выдает раз в месяц по 10-12 килограмм посылки с добротными продуктами, а англичанам и американцам даже две посылки в месяц. Когда нас гнали в Германию, то однажды остановились на отдых и замену конвоя рядом с лагерем американских военнопленных. Так те все в лагере здоровые, как быки. На работу их не гонят, носят свою военную форму даже с погонами и знаками различия, читают газеты, книги, пишут домой письма. В лагере у них спортплощадки, даже футбольное поле. Солдат нам говорил, что у них столько шоколада, что немцев нанимают чистить ботинки за одну плитку...

– А почему нам не помогает Красный Крест? Ведь наша страна участвует, член международного Красного Креста, и средства вкладывает, а нам никакой помощи? – возмутился пожилой мужчина из новых бригадников – последнего этапа.

– Я думаю, что в этом деле есть какое-то недоразумение. Наверно, наше правительство не договорилось с Обществом Красного Креста, – пояснил неубедительно моряк.

– Нет, родной земляк! Это не так! Нас считают изменниками, а поэтому договорились нам не помогать. А вот война кончится, правительство скажет: «Верните наших военнопленных и угнанных гражданских, это наш народ, они нужны для восстановления разрушенного войной». Вернешься и будешь вкалывать, если останешься жив.

– А вот чтобы остался жив, не помогают, – опять возмутился тот.

– Когда вернешься на Родину, то вкалывать будешь сознательно, это будет твой долг, а вот здесь вкалываешь без долга, то за это должен кормить немец, а не Красный Крест, – более убедительно пояснил один из активистов бригады, поддерживая и выручая с ответом Володю-моряка.

Пожилой мужчина выпрямился, опираясь на лопату, и выругался:

– Ты еще молодо-зелено, нашелся активист, учить меня тебе рано! Поживи среди людей да поучись! Разве плохо было б получать из дому письма и писать семье, что ты жив, а родные из последнего собрали б и прислали посылку. Смотришь, сегодня жизнь была б – не умирали б заранее с голода, как мухи ...

Долго еще в бригаде шел спор вокруг Красного Креста, много было разных мнений в части правительства, но большинство высказываний было за то, чтобы Красный Крест помогал пленным.

– На то он и существует, чтобы помогать пострадавшим в бедствии, а плен есть бедствие войны. Кто раненный, контуженный, без сознания, а многие предательски командованием попали в плен, так разве эти люди изменники? Война есть война; в каждой войне с обеих сторон бывают убитые и пленные, – в споре доказывал неутомимый пожилой мужчина.

Такой азартный спорт прекратился командой: «На ужин!» Все загрели котелками, кто кричал другу: «Займи на меня очередь!» Другой просил товарища: «Обожди меня, пойдем вместе!»

Команда на ужин больше всего нравилась людям, была самой исполнительной и радостной. Самые грустные и слабые, и те ожидали, становились подвижными, владели собой, торопились получить горячую пищу, поглотить или выпить через край котелка.

Глава 32

Весна сорок четвертого года была на редкость нетерпеливой. Вперемежку с метелями и морозами весна вводила в бой все новые силы теплых ветров и нескончаемых дождей. В конце концов смыла снег, вспучила реки, оттаяла землю, дождями развезла дороги. На дорогах войны увязли люди в грязи, буксовала техника, но Советская Армия совершала огромными масштабами удары по зарвавшемуся врагу. Советская Армия вступила на территорию европейских стран с освободительной миссией, стремилась освободить западные страны от гитлеризма и от собственной их буржуазии. Советская Армия исполняла правильную функцию...

Англо-американские войска высадились в Нормандии. Второй фронт стал упоминаться в немецких газетах. Колесников старался

пронести такие газеты в лагерь. О втором фронте стали поговаривать немецкие солдаты в беседах между собой. Частично из газет, а больше из разговоров с конвоирами пленные кое-что узнавали, а потом догадывались, дорабатывали в беседах и делали свои выводы:

– Второй фронт радует и настораживает, вызывает недоверие, – высказал свое мнение военврач лазарета в беседе с коммунистами, собравшимися для разговора по этому поводу в лазарете лагеря.

– Слишком уж памятна возня англо-американцев вокруг второго фронта. Правительства все тянули этот вопрос, не решались открывать. Теперь спешат, удары Советской Армии их торопят.

– Ясно, такие удары не шутка, – загорячился Пётр. – От них у фашистов кости трещат.

– Американцы, англичане примазываются к славе нашей армии, хотя имеют свои заслуги в этой войне, – хмурясь, сказал Колесников.

– Но весь мир видит, победу делают советские люди, никто другой не смог остановить фашистские полчища. Только Советская Армия смогла остановить, а теперь бьет и гонит его в собственное логово, чтобы покончить с фашизмом раз и навсегда. Советский народ это сделает, и очень скоро. Сами немцы уже об этом говорят...

– Вот никак не представляю себе, как она кончится, война, – заговорил Анатолий, внимательно слушая разговор товарищей. – Знаю, чувствую, скоро кончится, а где и как? Теперь еще больше хочется жить! А как обидно быть последней жертвой!

– А разве первой приятно? – усмехнулся военврач.

– Но кто-то должен быть последним героем, – сказал Толя.

– Все-таки странно складывается жизнь, – возмущался черноморский моряк. – Я мечтал стать в будущем капитаном, чтобы плавать по всем морям и океанам, побывать во многих странах. Да война все нарушила. Судно потоплено, сам попал в плен. Мать и девушка, которых любил, пропали без вести. Даже не знаю, живы ли они. В плену сидишь – ни слова, ни весточки. До чего так тяжело. Такая досада и несправедливость... То же американцы и англичане: воюют легко, живут в плену свободно, а враг один и тот же – немец. Советский народ бьет фашистов четвертый год, а они к концу войны примазались, легонько делают себе славу. Вот паразитство!

– Без Советского Союза та же Англия стала бы пеплом от немецких бомб и снарядов, – добавил Колесников. – Их пленные заживо сгнили бы в фашистской неволе. Кроме нашего народа, некому

бороться с фашизмом, и своей борьбой, какой бы ни была она тяжелой, много спасаем. Сколько выстрадало и сколько пролито крови нашим народом. Люди всего мира поймут и оценят. Солидарность всех людей мира будет жить и расти к советскому народу за его подвиг, за избавление мира от фашистской чумы.

Глава 32

Победоносную зиму 1945 года можно назвать самой бурной, как по прогнозам погоды, так и по событиям. Причем события были настолько резкие, острые, чувствительные и важные, что за ними следил весь мир. В самые далекие уголки земного шара проникала правда, и о ней говорили народы. Проникала эта действительность и на дальний север Норвегии, в том числе и в концлагеря. Много раз собирались коммунисты, комсомольцы – актив «Старвольда» на беседы в лазарете, в бане и в бараках, обсуждали и распространяли правдивую действительность о состоянии войны. Теперь уже не появлялись в лагере, как раньше, вербовщики и пропагандисты из РОА и не темнили людям светлые мысли своей грязной клеветой. Пленные верили в победу над фашизмом и уверенно мечтали о возвращении на родину. В этом была большая заслуга коммунистов и комсомольцев лагеря... Однажды Колесников пронес в лагерь из караульного помещения немецкую газету, в которой сообщалось о покушении на Гитлера, после которого он ночью выступил по радио, сообщил, что он жив, что бог его хранит за его справедливое дело, что его чудотворные дела – божья воля!

Эта интересная весть мгновенно распространилась в лагере. Все радостно говорили: «Дослужился пес, что свои хозяева, которые вскармливали, теперь стараются убить!» На следующий день во всех бригадах без осторожности пленные задавали вопросы своим конвоирам о покушении на Гитлера. Те удивлялись: откуда об этом так быстро узнали пленные? Сведения о покушении являлись тайной для них, о чем строго предупредил комендант лагеря. Конвоиры и мастера уклонялись от разговоров с пленными по этому случаю, но пленные приставали и уже сами говорили солдатам больше, чем те знали, многое уже придуманное.

Кто-то из верных солдат доложил коменданту о разговорах пленных. Комендант с оперативником на вечерней поверке выдернул из строя нескольких пленных и увели их в караульное помещение на допрос. Под угрозой, нагоняя страх, комендант добился от старика-дворника по лагерю признания. «В лагере говорят, что о покушении на фюрера читали в немецкой газете. Где взяли газету, я не знаю и сам газеты не видел», – наотрез отказался дворник. После этого комендант вернул в лагерь, а сам собрал солдат и добивался: как попала газета в лагерь, кто из солдат туда ее передал? Он уже подозревал в этих связях с пленными своих солдат. По его указанию оперативник проверил наличие этой газеты в караульном помещении, в казарме солдат. Не оказалось в наличии газеты в караулке.

Комендант нагрубил и угрожал своей строгостью начальнику караула. Тот в своих размышлениях предположил, что газету мог унести из караулки только пленный, который топил печку. Тут же был в лагере найден Николай и вместе с переводчиком вызван в караулку. Солдат удостоверил, что он лично давал Николаю газету на растопку печи. Николаю деваться было некуда, и он сознался. «После розжига печки у меня действительно остался кусок газеты. Я в него завернул окурки сигарет, которые мне дали солдаты, а в лагере этот кусок газеты бросил. Может, кто из пленных поднял и прочел. Я лично читать не умею и, что там было напечатано, не знаю», – в конце допроса ответил Николай, смело глядя коменданту в глаза. Комендант ни одному слову не поверил и обозвал его большевиком, коммунистом, комиссаром. Николаю было прелестно слышать эти слова от коменданта, но он понимали опасное последствие и ответственность после этих слов. Когда возвращались в лагерь с переводчиком, тот сказал:

– Не поздоровится тебе, Николай, после этого. Комендант тебя из лагеря изживет. Я это понял по его взгляду!

– Я понимаю, Саша, но и не боюсь! – ответил Николай. – Ясно, не хочется в конце войны погибнуть. После всего пережитого хочется жить, вернуться на родину и, может быть, написать хоть маленькую книжонку о пережитом...

Поздно вечером, почти перед самым отбоем, когда бригады уходили с совещания и менялся караул по охране лагеря, Колесникова вторично вызвали к воротам лагеря в караульное помещение. На этот раз сам бригадир его позвал:

– Николай, тебя приглашает начальник караула. Наверно, топить печки. Иди к воротам, он там тебя ждет.

Бригадир не знал решения коменданта, что Николаю не придется больше бывать в караулке, топить печки и носить газеты.

О разговоре с комендантом в караулке знали пока только двое: Александр-переводчик и друг Володя-грек, которому уже успел Николай рассказать о случившемся, а тот сильно переживал за друга. Собираясь к воротам, друзья обнялись:

– Прощай, Володя! Передай всем нашим, что я смело иду на смерть, если не возвращусь из караулки. Наверно, комендант решил со мной покончить. Надежда только на судьбу...

– Если он что-либо с тобой сделает, не вернешься в лагерь, мы объявим всем лагерем голодовку – ты должен жить! На душе Колесникова было грустно на всем пути к воротам, но он не чувствовал беспокойного, лихорадочного биения сердца, и тело чувствовалось спокойным, без всяких спазм, которые обычно чувствует человек перед бедствием. «Может быть, все пройдет хорошо, напрасно я лишнее думаю», – говорил он сам себе.

Еще издали он увидел у ворот своего начальника конвоя обер-ефрейтора, и ему стало легче. Он смелее и быстрее пошел к воротам. Мелькнула мысль: «Почему бригадир не сказал, что вызывает обер-ефрейтор? Не стал бы прощаться с Володей».

– Николай! Ты не ходи морген работа! – почти шепотом сказал обер-ефрейтор, не собираясь открывать калитку у ворот. Он стоял по ту сторону, оглядываясь и продолжал говорить на смешанном языке: – Комендант приказ дает, их твоя стрелят будет морген. Никс волен их стрелять руссишь! Твоя гут товарищ! – Он пожал руку в знак солидарности, быстро ушел от ворот.

Колесников тоже быстро пошел в барак. Весть обер-ефрейтора его ошарашила, но не выбила из равновесия. Первому он сознался Володе:

– Приказано меня завтра на работе пристрелить. Это должен сделать начальник конвоя. Мне нужно как-то не ходить на работу, а как, не знаю. Ты мне посоветуй, я растерян...

– Пошли к врачу и переводчику – посоветуемся, – волнуясь за друга предложил Володя. – Нужно пригласить Петра, Анатолия, больше умов – надежнее решение.

Переводчик с военврачом уже спали, когда пришли к ним четверо. Они поняли, что случилось что-то и охотно выслушали Николая:

– Мне нельзя выходить на работу – я буду убит там!

– Как тебе помочь – не допускаю, голова кругом ходит, – откровенно сознался врач. – Положить тебя в лазарет я могу, но если комендант задумал с тобой покончить, он всегда тебя с лазарета выдернет. Это малоподходящий вариант.

– Если выдернуть тебя из бригады и перевести в хозбригаду для работы в лагере, это нужно согласовать с комендантом, он не согласится, раз задумал такое дело, – вслух рассуждал переводчик. – Был бы завтра этап в другой лагерь, тогда другое дело. Твой номер можно было бы вписать позже, вместо кого-нибудь другого.

Военврач хлопнул в ладошки, сделал веселое лицо, сказал:

– Хорошая мысль! Есть выход! Завтра рано утром, до развода на работу, уходят две автомашины в Тронхейм за продуктами. С одной автомашиной я отправляю пять человек тяжелобольных пленных в центральный лазарет в городе. Вот тебя тоже как тяжелобольного отправим. Нужен только подходящий диагноз. Он немного призадумался, взглянул на Колесникова, спросил:

– Тебе операцию аппендицита делали?

– Нет! – ответил тот.

– Тогда сделают! Я пошлю тебя в Тронхейм с диагнозом «острое воспаление аппендикса». Пусть режут, не бойся. Это не опасно.

– Согласен! Жизнь дороже. Отправляйте в Тронхейм, – ответил Николай. – Как мне себя вести?

– Веди себя так, чтобы было подходяще, – пояснил врач. – Ночью подыми в бараке хай, в крючок согнись на полу и ори. Володя с бригадиром пусть придут ко мне или приведут тебя в лазарет. Я обследую и дам заключение, о котором говорим. Приедешь в Тронхейм, также крючком лежи, стони и два пальца в рот – вызывай рвоту. При таком положении и моем заключении тебя должны немедленно оперировать. А когда разрежут, то вырежут его и без воспаления. Бывают ошибки, наш брат часто ошибается.

Все засмеялись...

В середине следующего дня Колесников лежал на операционном столе центрального лазарета для военнопленных Тронхейма. Довольно пьяный хирург-немец сделал операцию без всякого наркоза, и с мешочком на животе уложили Николая на больничную койку. Лежит Колесников с сильной болью и думает: «Как быть дальше, или, точнее, что с ним будет дальше?» Через трое суток накормили

его солеными грибами, на седьмые сняли швы, а на восьмые сутки выписали из лазарета в Тронхеймский концлагерь для выздоравливающих пленных. Очень беспокоился Колесников, чтобы не попасть после выздоровления в старый лагерь «Старвольд», и, к его счастью, этого не случилось. По его просьбе разрядчик лагеря для выздоравливающих пошел ему навстречу: отправил с этапом в соседний лагерь в двух километрах от «Старвольда».

В этом концлагере Колесников дождался конца войны.

Глава 34

В новом для Колесникова лагере среди незнакомых пленных он вел себя осмотрительно. Слабый еще после операции, он просился работать в лагерной хозбригаде без выхода на трассу. Его переводчик уважил.

Бригадники, зная, что он после операции, уступали ему полегче работу и не очень обижались, если он не носил с ними наравне тот или иной груз. Таким образом, он прижился среди новых узников, хотя очень скучал о старых, которые рядом, в соседнем лагере, наверно, его вспоминают... Работой хозбригады руководил полицай и приходилось исполнять, что прикажет этот никем не уважаемый хозяин.

Здесь, в новом лагере, полицаи были в моде, имели силу и власть над пленными. Люди в лагере были какие-то зажатые, малоразговорчивые и совсем мало знали о положении на фронтах, о состоянии войны. Слухи от конвоиров и мастеров в лагере не обсуждались и не распространялись. Если Колесников начинал рассказывать о том, что он знал, как бегут немцы на советском фронте, то его предупреждали, запугивали сами слушатели, а отдельные уходили от него.

Последнее эхо войны докатилось сюда, на далекий север Норвегии, значительно позже, чем на большую землю. Только 22 мая 1945 года пленные узнали от англичан, что Германия капитулировала – достигнута в боях желаемая победа над фашизмом...

Два дня почему-то пленные находились в лагере без выхода на работу. Все удивлялись, сидя на солнечной стороне бараков, думали, что карантин у немцев – завшивелись. В полдень третьего

нерабочего дня, когда уже совсем рассеялся туман, к лагерю подъехали большие крытые брезентом автомашины, из которых тут же буквально высыпались в зелено-желтоватой форме солдаты и пошли к вышкам часовых, к немецким баракам. Придерживая наизготовке автоматы, они окружили немцев. Часовые на вышках не сделали ни единого выстрела, с поднятыми руками оставили вышки, ушли к своим баракам, где уже выходили и строились без оружия солдаты и офицеры лагеря.

Сотни людей облепили колючий забор и повисли на проволоке, вцепившись в нее руками. Широко раскрытые глаза их выражали сложную гамму чувств: оцепенение, порыв, испуг и бьющую ключом радость. Минута, другая, и мертвую тишину взрывают крики толпы:

– Ура, наши! Родные, спасители, герои, ура-а!..

Потом, как по команде, вся толпа бросилась к воротам, где стояла группа новых солдат и вместе с новым офицером открывала их. Но когда толпа пленных приблизилась к воротам, солдаты навели на толпу автоматы. Пленные остановились, увидав, что это не русские, а кто-то другой – совсем другая форма. Тут же подошел к воротам неизвестный офицер и обратился к тысячной толпе. Он заговорил сначала по-английски, а затем по-русски, обещая людям жизнь, мир, счастье. В ответ люди из толпы без конца повторяли слова приветствия и благодарности, не смолкало штурмовое «ура!». После нескольких минут бури настала тишина, когда снова заговорил офицер:

– Мы ваши союзники-англичане. Пришли в Норвегию вместе с американцами, чтобы освободить вас и обезоружить немцев. Германия капитулировала, война закончена! Вы свободны, но должны оставаться в лагере до приезда советских офицеров. Нужно соблюдать порядок и спокойствие. Мы вас будем кормить, обследовать, лечить больных. Возьмем всех на учет, будем создавать роты, назначать офицеров, выдавать английское военное обмундирование. Только после этого через несколько дней вы будете свободно выходить из лагеря на прогулки в лес, горы, на дороги, в селения. Сейчас заходите в свои бараки, назначьте старших для получения продуктов. На первый раз вы получите хлеб и консервы, а вечером будет горячая вкусная пища, которой немцы никогда вам не давали. Будете организованы – быстрее будете свободно жить. Идите в бараки!

Толпа послушалась, люди радостно расходились по баракам. Разговоры велись только о неожиданном освобождении, радовались долгожданной победе... Колесников жалел, что первыми в лагерь пришли чужие, англичане. «Лучше и эффективнее было бы, если бы лагерь освободили наши, советские войны», – думал он. Еще больше мучила вторая мысль: «Жаль, что я в этом лагере. Никто меня не знает и никто не слушается. Мне обязательно нужно попасть в Старвольдский лагерь, к знакомым, друзьям, где знают меня и мою работу. Это важно будет, когда придут представители Советской Армии и для будущего...»

Он пошел к английскому офицеру, который уже распоряжался на кухне лагеря в части приготовления горячего ужина. Он кратко рассказал о себе, как оказался в этом лагере и просил разрешить ему уйти в соседний лагерь.

– Вы наши союзники и освободители. Я прошу вас помочь мне оказаться в старом лагере, где мои товарищи-коммунисты, – закончил этими словами свой рассказ Колесников.

Офицер выслушал Николая, осмотрел его острым взглядом, спросил, кем он был в Советской Армии, и дал согласие исполнить просьбу. Он вышел за ворота лагеря вместе с Колесниковым, подошел к одной из автомашин и распорядился шоферу отвезти коммуниста в Старвольдский лагерь. Не прошло и четверти часа, как Колесников был уже у ворот своего лагеря. Он помахал рукой английскому шоферу и зашел в лагерь через ворота, в которых стоял английский солдат.

Глава 35

В лагере «Старвольд» все оживились. Те худые и слабые люди, которые медленно передвигались, были хмурые, неразговорчивые, сейчас ожили, быстро ходят, все торопятся, громко говорят, улыбаются. По предложению англичан бригадиры организованно по бригадно исполняют мероприятия. Вначале пленных по бригадно заводили в баню, мыли, обсыпали дустом, передевали в военную английскую форму. Прямо из бани заводили на кухню, выдавали горячий вкусный суп из концентратов со свиной тушенкой и настоящий хлеб. В бараках делали генеральную уборку, выкидывали

и сжигали все тряпки, нары дезинфицировали, и только к поздней ночи разрешили в них зайти. Английские солдаты, одетые в белые халаты, как медики, руководили санобработкой людей, помещений, даже территории вблизи барачков. Переодевая, взвешивая на весах людей, одни со страхом, другие с жалостью смотрели на эти живые трупы, на движущиеся кости, обтянутые кожей, издырявленной вшами. Солдаты впервые видели такой ужас...

Войдя в лагерь, Колесников сразу увидел свою бригаду, которая стояла на очереди в баню. Радостно, с веселой улыбкой, он подошел к бригадиру:

– Принимай, товарищ бугор, пополнение, явился с госпиталя для продолжения службы!

– Пожалуйста! Прошу в строй, становись первым, – тоже улыбаясь, предложил бригадир, толкая за плечи Николая вперед.

Тут бригадники окружили Николая, засыпали вопросами:

– Как здоровье? Была ли операция? Как освободился и попал в свой лагерь?

Николай подробно и охотно рассказывал, а в бане показывал еще совсем не зарубцевавшийся, красневший шрам ниже живота.

После полной санитарной обработки и обмундирования бригаду кормили на улице рядом с кухней.

– Хорошая кашка, да малая чашка! – шутил высокий Григорий, добывая ложкой суп в котелке. – Такой вкусный, можно съесть пять-шесть порций. Вот все съел, и голоден.

– С голодухи нельзя есть много, нужно понемногу, но чаще, а то может получиться заворот кишок, и умрешь, – пояснил ему рядом сидевший на коленках Василий. – Говорят, что перед сном еще раз будут кормить.

– После вкусной еды да баньки не мешало б поспать часиков десять, а потом еще поесть, – потягиваясь, с улыбкой высказывал свои желания уже немолодой мужчина.

– А мне ничего не надо: ни еды, обмундирования, – скорей бы домой, на родину. Вот дома можно спать трое суток подряд после всего этого пережитого, – сознался откровенно сосед мужчины.

– Все желания ваши сбудутся, товарищи, только не все сразу. На родине теперь будем обязательно! – с уверенностью сказал Колесников. Пока его желание было встретиться с коммунистами лагеря теперь свободно, открыто, на глазах у всех.

Они пока не знали, что он уже рядом с ними.

Закончив есть суп, он пошел по лагерю искать нужных друзей. Переодетые в военную английскую одежду люди выпрямились, и трудно было узнать знакомых. Колесников вынужден был голосом кричать:

– Володя-грек, Петр-партизан, где вы, отзовитесь!

Те услышали его голос и не поверили сначала, но когда Николай призвал: «Коммунисты, ко мне!» – они бегом устремились к нему. Увидев его, они радостно закричали, сразу же набросились на Николая. Вокруг них стояли люди, смотрели теперь открыто на лагерных коммунистов, которых они и раньше чувствовали в лагере, но не знали в лицо. Здесь раздались возгласы:

– Качать его, качать!

– Ладно, качайте уж... невысоко только! – согласился Николай.

Несколько человек подхватили его и несколько раз подняли над головами. Когда опустили, Николай закрыл лицо руками и от радости вытирал слезы. Чем и как благодарить людей и друзей, он не мог сообразить. Он решил рассказать всем окружившим его про ту ночь, какую он считает последней в своей жизни. Рассказал, почему его отправили в Тронхейм, как делали операцию и как рвался вернуться к ним.

Тут без стеснения и боязни Володя рассказал о Николае людям, как он под страхом носил в лагерь газеты, как покончил с полицаем Пауком, как руководил в лагере коммунистами и комсомольцами.

После Володи заговорил Петр:

– Товарищи! Теперь можно смело и открыто говорить о коммунистах и комсомольцах лагеря. На сегодня их пока оказалось мало. Я думаю, что их в лагере больше. Но благодаря этой небольшой партийно-комсомольской группе в лагере сделано многое... Что касается Николая Колесникова (такая у него фамилия), то это смелый коммунист. Он первый нас объединил и нами руководил. Он трижды бежал с немецкого плена, за что перенес тяжкие испытания. Будучи в плену, убил двух фашистов. В нашем лагере организовывал саботаж, голодовки, требовал от немцев улучшить условия для пленных. Большое ему спасибо!

Колесников стоял и уже думал, с чего начинать новую жизнь лагеря. Первую мысль он тут же объявил:

– Товарищи! Все пережитое уже позади. Сейчас нам нужно сначала организовать. Образ жизни должен быть армейским. Не нужно нам ожидать, пока нас организуют англичане. Мы сами взрослые, военные, знаем порядок, и нужно его делать. Организуем роты, батальоны, назначим командиров, возьмем на учет коммунистов и комсомольцев и начнем жить по новому распорядку, с определенной дисциплиной, как полагается, до прихода советских представителей. А там придут старшие товарищи и скажут, как быть дальше. Я думаю, что дальше предстоит нам путь на родину!..

Вокруг Николая собрался почти весь лагерь. Люди шумели, говорили, большинство были за сказанное им. Против никто не выступил...

Когда Николай, Володя, Петр, Анатолий шли к военврачу, который вместе с английским санитаром в лазарете осматривал больных, к ним присоединились активисты лагеря. Когда врач освободился в лазарете, состоялось открытое партийно-комсомольское собрание. Во всех выступлениях и предложениях было достигнуто единое мнение: создать в лагере два батальона с делением на роты, назначить командиров и комиссаров батальонов и рот. Создать в батальонах партийные и комсомольские организации из бывших, выявленных теперь коммунистов и комсомольцев. Составить списки рот пофамильно и с указанием воинского звания. Составить распорядок дня жизни лагеря, который должен выполняться всеми безукоризненно. Со всеми предложениями военврачу и Колесникову завтра выйти с ходатайством к англичанам...

После собрания между старыми друзьями долго шел разговор:

– Большое тебе спасибо за отправку меня на операцию, – благодарил Николай врача.

– Ну а как операция прошла? – поинтересовался врач.

– Как, пьяный немец распорол живот, вырезал что-то и зашил. Больно было, но кричать не стал; думал, что будет хуже. – Колесников подробно рассказал все, что произошло в его жизни без них до самой встречи. Врач, Володя рассказывали, как их лагерь освободили англичане, что немцы все арестованы англичанами и находятся под охраной в одном бараке.

На следующий день утром, после завтрака, врач с Колесниковым ушли к англичанам, те их послушали и согласились с предложениями.

Глава 36

Колесникова не только любили все знавшие его за добрый, веселый нрав и несомненную честность, но в нем, в его блестящих глазах, черных бровях, волосах, бледности лица, было что-то физически действовавшее дружелюбно и весело на людей, встречавшихся с ним. «Ага! Никола! Вот и он», – почти всегда с радостной улыбкой говорили, встречаясь. Если иногда после разговора с ним оказывалось, что ничего особенно радостного не случилось, на другой день, на третий опять точно так же все радовались при встрече с ним. Николай Емельянович приобрел, кроме любви, и уважение среди окружающих и всех, кто имел до него дело. Главное качество Колесникова, заслужившее ему это общее уважение, состояло, во-первых, в чрезвычайной снисходительности к людям, основанной в нем на сознании своих недостатков, во-вторых, в совершенном равнодушии к тому делу, которым он занимался, вследствие чего он никогда с азартом не увлеклся и редко делал ошибки. Он любил людей, и они ему платили тем же. Склонный ко всему доброму и высокому, он давно снискал их признание. Еще ценили его за веселый нрав, за лихую смелость...

Первым комиссаром первого батальона было всеми названо его имя. «Николая! Николая!» – предлагали со всех сторон лагерного митинга при выдвижении руководителей батальонов и рот до их формирования. Николай радовался такому событию и думал: «Как фантастична порой судьба человека. То бросит его в пучину, то вдруг засветит ему в тысячу солнц. А не то бесправного и бесильного одарит внезапно силой и властью». Теперь можно было б повелевать теми, кто столько его казнил и тиранил. Колесников невольно вспомнил бешеный ход событий за месяцы, годы и последние дни плена. Ему хотелось отомстить тем немцам, которые жаждали его смерти, его товарищам, его народу.

Много фашисты унесли человеческих жизней, реки пролили крови советского народа, но теперь они поплатились и своим. Немцы умирали вчера и будут умирать завтра. Такое неотвратимо. Не хочешь умирать – не ходи на чужую землю, не разбойничай, никто тебя не звал. А захотел чужого – помирай! Пенять не на кого.

Перед каждым серьезным делом Колесников любил поразмышлять о большом и высоком и как бы далеко не уносили его эти раз-

думья, он знал: они незримо организуют его сознание, собирают силы и обостряют мысль, подсказывают решения и действия. Ему захотелось вдруг поговорить, поспорить и он отправился к врачу. Тот только что возвратился от англичан, и, сидя за столом, рассматривал английский журнал.

– А, Николай! Давай присаживайся! Смотри картинки в военном английском журнале. Интересно, техника у них, техника сильна. Они беседовали тихо и спокойно. Говорили о войне в целом и о борьбе советского народа, исторической победе над фашизмом. Потом перевели разговор о командирской и партийной работе в лагере, о чувстве ответственности, о власти командира и об умении пользоваться ею. Обсуждали, спорили, порой горячился врач.

Колесников первым высказал свое мнение:

– Меня избрали временно комиссаром батальона. Люди в лагере разные, многие распустились, забыли военную дисциплину, да и по состоянию здоровья им не до этого. Вес каждого – от 40 до 50 килограмм. Но со временем будут поправляться, восстанавливать вес и тело, будут похожи на солдат. Придется находиться среди норвежского населения, будем следовать на родину – нужен порядок, дисциплина, культура советского человека-воина. Как мне начинать поступать с людьми батальона?

– Я советую тебе не слишком круто и сурово обращаться. Чрезмерная строгость не всегда на пользу.

– Я согласен, строгость не всегда хороша. Но как относиться к разгильдиям? А их в лагере много сейчас, из них надо делать людей, – настаивал и защищал Колесников свое мнение.

– Лучше научить сначала, проявить сердечность к человеку, – отвечал врач со своей точки зрения – медицины.

– Сердечность уместная, конечно, имеет свои достоинства, но я уверен: истинная доброта командира совсем не в ласковых и сердечных словах, хотя и не бывает, конечно, без этого, а чаще в строгости, в твердости по отношению к людям.

– Да! Но если человек скромен, послушный, то зачем его гнуть и гнуть? – возразил Колесникову врач. – Зачем же так подавлять людей?

Колесников задумался над словами врача. Может, он кое в чем и перегибает. Тем не менее он уверен: слабость в характере командира нужно выжигать. Иногда говорят: надо быть снисходительнее

к человеческим слабостям. Так поступать – значит губить человека. К разгильдяям не только кнут нужен, но и вожжи, главным образом вожжи! От врача Колесников ушел поздно с определенным мнением и планом своей работы в батальоне...

Организационные вопросы в лагере закончили на третий день после освобождения. Формировались два батальона, в каждом из них по четыре роты. Так как среднего комсостава в лагере не оказалось, командирами рот назначили старших сержантов и сержантов.

Командирами батальонов избрали старшин, а комиссаром второго батальона Володю-грека. В ротах составили списки личного состава по всей форме. Комиссары батальонов выявили и взяли на учет коммунистов и комсомольцев, которых оказалось значительно больше, чем было при немцах. Особенно выявилось много комсомольцев.

Глава 37

Советских представителей дожидались в лагере со дня на день, но их почему-то долго не было. Комиссары батальонов посоветовались между собой и командирам рот разрешили поротно выводить людей из лагеря на прогулки в лес и горы, о чем предварительно договорились с английским командованием.

Первую пробную прогулку совершили первые роты обоих батальонов, с которыми ушли и комиссары. Комбаты остались в лагере.

За лагерем были горы и горы – ни конца ни края. Могучи и причудливы их кряжи. Над ними просто блестит чуть позолоченное небо. Чист и прозрачен теплый воздух, несущий снизу приятные запахи долин. Непривычно резки контуры деревьев и скал.

– Какие горы! – вздохнул комроты, – на Урал похожи.

– А воздух, – вторил ему ближний товарищ, – как «Нарзан»: дышишь – вроде, нос щиплет! Как у нас на Кавказе. Вот красота!

– Когда были немцы и мы ходили под конвоем, этого не замечали, – ответил комроты. – А свободный человек все замечает, все хорошее ценит. Вот к примеру: мы были подневольные, голодные, пилили этот лес и долбили горы, мы проклинали их – эту же прекрасную местность и природу. Стали свободные, накормленные, совсем по-другому смотрится все окружающее. Все стало прекрас-

ным – жить хочется! Вот почему люди борются и воюют за свободу, за независимость...

Передохнув немного, роты снова тронулись в путь. Узкая горная дорога повела сначала вниз, потом, обогнув небольшой приземистый кряж, без конца запетляла по крутому нагорью, поросшему молодым лесом. Колесников вдруг приостановился и поднял руку:

– Привал! Отдыхай, ребята!

Все весело расположились кругом и запели любимую песню: «От Москвы до самых до окраин...». На обратном пути, спускаясь с гор, тоже с настроением пели строевые военные песни. Обе роты вернулись в лагерь довольными.

С этого времени ежедневно ротами люди ходили на прогулки в лес и горы, и ворота лагеря больше не закрывались на железный засов. Днем и ночью ход в лагерь был свободным...

От хорошего питания люди быстро поправлялись, приобретали человеческий вид, становились разговорчивыми, веселыми, дружными.

Для лучшей организации досуга людей в каждом батальоне комиссары организовывали художественную самодеятельность, а каждая рота стала отдельным хором и боролась за лучшее исполнение строевых песен. Англичане передавали в распоряжение русских аккордеон, конфискованный у немцев, шашки, шахматы, а главное, барак, в котором немцы проводили свой отдых. На спортплощадке, где раньше занимались немцы, любители спорта начали бегать, прыгать, играть в городки, а отдельные стали пробовать лазить на брусья, кольца и перекладину.

Советский представитель прибыл в лагерь «Старвольд» только через две недели. Им был майор Советской Армии. Новенькая, как с иголочки, форма с золотыми погонами достаточно украшала представительного, стройного мужчину в возрасте пятидесяти лет. Загоревшее мужественное лицо, чисто выбритое, с серыми ясными глазами, смелым взглядом, и важная осанка – все это подтверждало его самостоятельность и большой военный опыт...

Вначале, узнав от командира английской роты об установленном порядке в лагере, он просил его:

– Пригласите командиров и комиссаров батальонов к нам на подробную беседу. Прежде чем зайти в лагерь, мне нужно подробно ознакомиться с организаторами и настроением людей.

По приглашению английского солдата в штаб роты, где был раньше немецкий штаб, явились командиры и комиссары батальонов. Майор их не очень приветливо встретил, но поздоровался с каждым за руку. Он расспросил подробно о распорядке дня, о составе подразделений, о настроении людей. После знакомства повеселел и высказался положительно:

– Оказывается, ваш лагерь организованный, сплоченный, поработали вы правильно и хорошо. Вот соседний вашему не родня. Там настоящая махновщина: кто что хочет, то и творит. Полицаев повесили без суда, сами между собой дерутся – какие-то старые сче-ты. Никто ничего не организовал. Вчера вывозили их в Тронхейм и не смогли всех собрать. Где-то бегают по незнакомым дорогам.

После одобрения работы, проделанной командирами и комиссарами, майор велел собрать общий лагерный митинг. Сразу после обеда были построены оба батальона на лагерной линейке, друг против друга. Во главе рот стояли их командиры, а впереди батальонов комбаты и комиссары. Дежурный по лагерю дал команду «Смирно!» и доложил пришедшему майору:

– Товарищ гвардии майор! Батальоны построены для общелагерного митинга! Дежурный по лагерю командир роты старший сержант Коваленко!

Майор дошел до середины строя, поздоровался и дал команду:

– Вольно!

В абсолютной тишине майор поздравил всех с освобождением от немецкого плена и сообщил приятную новость:

– В течение двух дней мы должны с вами покинуть этот, наверно, надоевший вам лагерь, на автомашинах переехать в Тронхейм. Из Тронхейма поездом выехать в Осло, столицу Норвегии, а там пароходом на родину. Вас, товарищи, родина ждет в свои объятия!

Потом ответил на вопросы, которые очень робко были заданы пленными, и сказал:

– Первому батальону готовиться к завтрашнему выезду. Утром прибудут автомашины союзников. За два рейса батальон уедет полностью. После завтрака пербросим второй батальон. Командирам батальонов и рот прошу обеспечить порядок и организованность до самого приезда на родину, а там будут другие указания.

Еще в строю, а потом в бараках и на улице люди говорили, мечтали, радовались скорому возвращению на родину... После митинга,

по предложению Колесникова, майор, командиры батальонов и рот пошли к месту похоронения пленных, где уже была из земли насыпана братская могила. Это по его заданию сделала вчера первая рота его батальона.

– Эх, ребята, ребята! – прощался Николай с погибшими. – Кто напишет вашим матерям, женам, детям и другим родственникам? А все война, черт бы ее побрал, война, жестокая, неумолимая! Одна треть лагеря здесь лежит. Как дорого стоит каждый день войны. Безумно дорого. И хочешь не хочешь, а плати эту цену, плати невероятным напряжением сил, плати кровью и жизнью. Эх, одну бы войну всем войнам!

Все постояли без головных уборов, минуту молчали, каждый посыпал жменю земли на могилу и молвил: «Прощайте, товарищи!...»

Не успели поговорить возле могилы братьев и вернуться в лагерь, как солнце ушло за горы и стало быстро темнеть. Горные ночи чернее сажи, ничего не видно в трех шагах. Только над головой слабый просвет неба, усыпанного песком звезд. Почти у самой братской могилы звенит горный ручей. А лес и кручи по сторонам полны таинственных звуков...

Тяжесть на сердце после посещения братской не позволила Колесникову быстро уснуть. Он страдал и радовался. У него в мыслях было две жизни, вернее, две половинки. Одной он отдавал все силы, всю страсть своей души. Здесь он работал, учился, воевал, постигал настоящую дружбу. Эта жизнь звала его на родину, там его друзья, любимая девушка, там его народ. Другая жизнь наводила страдания: нет ни родителей, ни братьев, ни сестер – одинокий. Как и где начинать новую жизнь? Как отразится на жизни плен? Радовался он на виду у всех, страдал молча...

На следующий день в десять часов утра к лагерю подошли длинные автомашины с крытыми брезентом кузовами. Люди двух рот быстро садились в машины, плотно размещались на сиденьях, специально оборудованы для перевозки людей. Две роты выехали в Тронхейм. Колесников тоже сел в кабину одной из ведущих автомашин, помахал друзьям рукой и уехал. Автомашины шли быстро, хотя дорога была извилиста. В кузовах люди пели песни, еще больше поднимали настроение, которое и так было у каждого на предельной высоте. «Как не веселиться – начался путь на Родину!» – думал Николай, сидя в кабине машины.

В Тронхейм приехали на железнодорожную станцию. По указанию советского представителя – старшего лейтенанта, прямо с ходу с автомашин грузились вагоны поезда, который после приезда и погрузки еще двух рот, увез батальон в столицу Норвегии – город Осло.

Глава 38

Вагон, в который сел Колесников вместе с другими, был пассажирский-купейный, но такой старый, что казалось вот-вот рассыплется. Было тряско и сквозило на ходу поезда со всех щелей. Сразу от Тронхейма станций было мало, но стояли на станциях и разъездах подолгу, пропуская составы с другими грузами. Составы были длинные, но шли быстро. Гнали по зеленой улице в основном английские грузы. Движение по железной дороге еще напоминало войну.

Лежа на верхней полке, Колесников вспоминал, где и сколько был в начале войны. Вышло, что четыре месяца пробыл на передовой. Конечно, другие люди как начали войну, так и воевали до сих пор там, где пришлось. Но верно и другое, подсчитывал он в самооправдание: плен тоже не легче фронта, здесь тоже все время тебя считали как военного, как врага, грозили смертью, держали под оружием заряженным и наведенным на тебя днем и ночью. Тысячи раз давали глядеть в черные отверстия ствола автомата, откуда в любую минуту могла вылететь шальная и отнять жизнь. Тысячу раз бросалась на тебя овчарка, сдерживаемая немцем, а несколько раз без намордника бросалась, кусала, жрала твое тело и пила кровь. Неужели мне легче было в плену, чем на фронте?..

Перед тем, как лечь спать, он вышел в коридор, стоял у окна и смотрел на женщину, которая стояла на перроне и курила. Женщина-норвежка была молодая и красивая, и он вспомнил Аллу, которая теперь на родине где-то, как и где ее теперь искать, он не имел представления. Он снова посмотрел на молодую и красивую женщину. А действительно красивая, как Алла. Он оглядел ее с головы до ног. Хорошо бы встретить вот так на станции Аллу. Женщина тоже несколько раз полуоборачивалась и смотрела на него. Смотреть было не на что. Он не любил сейчас свою неказистую, как он сам считал,

внешность, худую фигуру в этой английской форме. Но все равно ему было приятно, что его снова и снова тянет сейчас смотреть на эту стоявшую женщину, изредка посматривавшую на него. В самом этом желании было радовавшее его чувство свободы от прошлого.

Поглядевшая на него женщина, докурив папиросу, ушла вдоль поезда. Он вернулся в свое купе и лег спать, когда тронулся поезд. Долго сначала ворочался, мысли не давали уснуть, но наконец забылся и уснул до утра. В это утро поезд прибыл в Осло. На вокзале встречали военные представители советской миссии. По их указанию батальон разгрузился из вагонов и по команде Колесникова построился на перроне. От поезда строем поротно батальон следовал пешком в советский сборный пункт, где формировались подразделения для отправки на родину. Представители советской миссии – два офицера – шли впереди и указывали путь. Пункт формирования находился недалеко от станции в военном городке. У ворот стояли часовые – два советских солдата, а над воротами была нарисована женщина-мать, а дальше надпись: «Родина-мать ждет вас в свои объятия!».

Батальон подошел к пункту строем с песней. Это был первый случай, когда так организованно в строю с боевой советской песней бывшие пленные, еще не совсем оправившиеся здоровьем, чеканили шаг под песню. Представители советской миссии, услышав песню, вышли к воротам пункта во главе с руководителем советской миссии в Норвегии генерал-майором Одинцом. Они приветствовали батальон, который заходил в пункт сбора через открытые ворота.

Колесников по команде остановил батальон, выровнял, поставил по команде «Смирно!» и доложил генерал-майору так, как научил еще на железнодорожной станции советский представитель. После доклада генерал-майор сказал Колесникову:

– Хорошо шли и отлично пели! Прошу лучших певцов отобрать в хор.

– Слушаюсь! – ответил Колесников и добавил: – У нас, кроме певцов, есть музыканты и танцоры.

– Тогда создадим ансамбль песни и пляски, – улыбаясь, ответил генерал. – Разместите людей в казарме, зайдите ко мне, поговорим в части создания ансамбля. – сделав паузу, призадумался и продолжил, обращаясь к стоявшему рядом офицеру: – Товарищ старший лейтенант, батальоном командуйте вы, размещайте в свободной казарме.

– Тебя освобождаю от батальона, будешь заниматься организацией ансамбля, – сказал он Колесникову. – Считаю нужным создать при нашем сборном пункте ансамбль.

– Пойдемте, товарищи офицеры, в штаб, посоветуемся, как это сделать, – обратился он к офицерам, стоявшим вокруг него.

– Тебя тоже приглашаю зайти, – показал он рукой на Колесникова.

В штабе сборного пункта генерал-майор коротко узнал из рассказа Колесникова о нем и его батальоне, а после обмена мнениями и предложениями офицеров генерал поручил офицеру Терехову создать и руководить ансамблем. Колесникова назначил помощником и поручил подобрать в подразделениях пункта способных, с талантом людей по всем видам самодеятельности.

– Участников ансамбля одеть в морскую английскую форму, чтобы отличались от континента лагеря. Форму позаимствовать у наших союзников без отдачи, – приказал он офицеру Терехову.

– Мы союзникам за форму споем и спляшем – будем в расчете!

Все засмеялись, на том и порешили. Через три дня матросский ансамбль уже пел, плясал, декламировал, показывал фокусы перед приезжими из разных лагерей людьми, а на пристани выступал с концертом перед каждым парашодом, отправляющимся на родину.

В день празднования победы над Германией всех союзных войск, находившихся в Норвегии, ансамбль давал концерт на центральной площади города. Праздник совпал с днем возвращения короля Норвегии со своим семейством из Англии, куда он выехал и находился во время оккупации Норвегии немцами. На площади был массовый праздник. В четырех местах площади концерты: американцы, англичане, русские, норвежцы давали армейскими силами концерты в честь победы. Больше других было народа на площади, где концерт показывали советские воины. От всей души, с настроением исполняли все участники ансамбля свои номера. Колесников лихо плясал под аккордеон украинский гопак, «Яблочко», белорусскую «Левонику» и «Полянку».

После концерта все военные участники праздника пошли строем в собор на молебен в честь возвращения короля и правительства в страну. После окончания молебна был дан обед военнослужащим всех четырех армий, принимавшим участие в праздновании, а после обеда на площади состоялось массовое гуляние, где проводились спортивные соревнования и игры четырех армий. Город ликовал

в честь освобождения Норвегии, возвращения короля, правительства и норвежской армии и флота из Англии в свою свободную от немцев страну.

Глядя на ликующих горожан, Николай не обольщался. Он знал, есть тут и люди, которые никогда не питали к советским людям дружеских чувств. Есть и враги, готовые на любые козни. Есть и обманутые, виноватые. Но есть и друзья, искренние, большие, на вечные времена – коммунисты. Вот за кем будущее, светлое, надежное, норвежского народа...

На следующее утро генерал-майор пригласил Колесникова к себе. Тот шел и радовался, имея в виду, что генерал решил выполнить его просьбу – отпустить из ансамбля и со следующим рейсом отправить на родину. Набивая трубку табаком, генерал предложил Колесникову стул.

– Садись, есть разговор. Имея в виду твою просьбу, я обещаю скоро выполнить. На родину уедем вместе, одним последним рейсом. Считай, что ты уже на родной земле продолжаешь служить в доблестной Советской Армии, – широко улыбаясь, шутил генерал. – А сегодня приглашаю тебя как коммуниста на одно важное событие. В два часа дня пойдем приветствовать съезд норвежских коммунистов от имени советских войск. Приводи себя в надлежащий порядок и заходи к этому времени в штаб. Нас семь человек, поедем одной машиной.

В здании съезда советской делегации все понравилось. Чисто, шикарно. Лепной потолок. Фигурный паркет. Золоченые зеркала. Чувствовалось, жизнь здесь была ключом, и вовсе не аристократическая, а своя, рабочая, революционная. Она хлопала дверьми, стучала на машинках, звенела радостными голосами и, главное, наступала! Вот он, штаб новой жизни! Здесь ее будущее, светлое! Тут люди, в ком теперь сконцентрирована воля миллионов трудового народа. Они призваны руководить их борьбой, вести их на невиданный подвиг. Здесь есть и совесть норвежского народа...

В лагерь советских репатриантов делегация возвращалась со съезда тоже вместе. Сидя в машине, Колесников благодарил генерала за оказанное ему доверие.

– Большое вам спасибо, товарищ генерал, за доверие – принять мне участие в такой почетной делегации, и вам, товарищи офицеры, спасибо, – кланяясь по сторонам, ко всем сидящим в машине обратился с благодарностью Колесников.

Глава 39

Пришло время закрытия сборного пункта в Норвегии. Последних пленных, в том числе хозобслужу и ансамбль, провозжали в путь. В порту на месте стоянки парохода берег был крутой, глубокая вода гавани играла прохладной весенней рябью, хотя было уже лето. Рыбаки, здоровые парни, подтаскивали лодки ближе к берегу. Обстановка в порту показалась совершенно мирной. Как будто не было здесь немцев и военного времени. День был теплый, сухой. У самого причала грелись на солнце в английской форме советские люди. Они ожидали разрешения грузиться на пароход.

На стоявшем у пирса пароходе поспешно заканчивались приготовления к отплытию. Больные уже были частично погружены, но к пирсу подъезжала новая автомашина с больными. У двух трапов стояли английские моряки с винтовками. Они не пропускали на пароход ни одного гражданского человека. Больных носили на носилках, а ходячих сопровождали сами матросы команды парохода. Посмотрев на строгих морячков, стоявших с винтовками по обе стороны трапов Колесников понял, что тут диверсантам не взойти на пароход. Плотный морячок – командир, в куцем кителе и с пистолетом на длинных морских ремнях, при каждом движении хлопавшим его по толстой ляжке, дал команду грузиться советским людям. Строго по одному по двум трапам люди стали заходить на пароход. Свои вещи – подарки от норвежской королевы, которые вручались каждому при погрузке на пароход в большой коробке – люди оставляли в каютах, а сами выходили на палубу любоваться городом, пристанью, водой и всем, что происходило на свободе.

Последними на пароход зашли представители советской миссии. Их приветствовал плотный моряк-командир и проводил в отведенную для них каюту. Матросы, стоявшие с винтовками у трапов, тоже зашли на пароход, подняли трапы. Зашумела движущая сила парохода. Советские люди прощались с Норвегией; они весело махали руками, пилотками, платочками стоявшим людям на пристани, им отвечали тем же.

Уже далеко в море ансамбль давал концерт команде парохода и всем советским людям, ехавшим на родину. По пути остановка была в Швеции, где последний раз певцы, музыканты и танцоры

ансамбля дали концерт, показали свое искусство населению Швеции, оказавшемуся на это время в порту.

Из шведского порта пароход взял курс на Ленинград. Через сутки советские люди после долгих скитаний и мучений ступили на родную советскую землю. Они от радости плакали, становились на колени и целовали ее. Потом поднимались, обнимали друг друга, радовались, что вернулись живые на родину.

История появления книги

Добрые дела не умирают.

Бытует высказывание «рукописи не горят». В подтверждение этого хочется рассказать историю появления книг Кирилла Емельяновича Чернявского «Повесть о замполите», «Испытание пленом».

Книга «Повесть о замполите», которая пришлась по душе ветеранам Великой Отечественной войны, увидела свет в 2016 году. Книгу «Испытание пленом» вы держите в руках.

К написанию книг Кирилл Емельянович приступил после выхода на пенсию (1979 г.). Первую книгу закончил писать в 1984 году, вторую – в 1985 году, и с этого времени началось «хождение по мукам». Первоначально обошел всех в городе Салавате, затем в Ишимбае. После похорон жены Елизаветы Васильевны (1 марта 1988 г.) он отправился в город Киев, и там его не поняли. Вернувшись, он три толстые тетради, написанные красивым почерком, передает Владимиру Петровичу Мишиневу, заместителю генерального директора по капитальному строительству ОА «Салаватнефтеоргсинтез» в 1994 году. В надежде, что он свой, уксовский, сделает. Но начиная с 1991 года не до книг, и тетради пылятся в столе Владимира Петровича. 1 мая 1996 года Чернявский умирает. В апреле 1999 года Мишинева уезжает в Москву и тетради захватывает с собой.

Молва об активности Совета ветеранов войны и труда комбината доходит до Москвы. По инициативе совета М.Ф. Сисину 20 августа 2010 года установлена памятная доска, в 2011 году выходит о нем книга, в феврале 2012 года появляется некролог в газете «Выбор» Герману Иллирионовичу Бочкареву, который является Владимиру Петровичу другом. В феврале 2012 года вечером мне звонит Владимир Петрович и благодарит за некролог, памятную доску и книгу и приглашает на сороковины Бочкарева.

В 2015 году прошел «Бессмертный полк», и Владимир Петрович вспоминает об этих тетрадях и звонит мне, мол, посмотрите рукописи. Совет ветеранов дал согласие, но тетради пришли только в конце сентября. Прочитав, пришли к выводу, что надо выпускать и все узнать об авторе.

Я и Эдуард Алексеевич Паули начинаем поиск информации о К.Е. Чернявском. Идем в архив, военкомат, загс Салавата, Ишимбая.

Первоначально натываемся на глухую стену, а затем узнаем адрес дома, в котором К.Е. Чернявский жил последние дни жизни, знакомимся с соседкой Валентиной Васильевной, которая помогает нам найти место захоронения. Затем встречаемся с председателем Совета ветеранов войны и труда г. Ишимбая Ришатов Иншаровичем, который нам помогает через загс г. Ишимбая найти адрес дочери Чернявского, которая проживает в Уфе. Нам хотелось сфотографировать пиджак с наградами, но, оказалось, что его уже нет. Затем мы встречаемся с коллегами из УКСа: М.А. Барковской, М.Б. Калимуллиним, которые представили нам свои воспоминания.

Благодарим за оказанную помощь в нахождении фактических данных о К.Е. Чернявском: соседку по дому Валентину Васильевну, председателя Совета ветеранов войны и труда г. Ишимбая Ришата Иншаровича, начальника управления по работе с персоналом ООО «Газпром нефтехим Салават» Вячеслава Петровича Дегтярева.

**Ю.И. Чистяков,
ветеран компании.**

Книга «Повесть о замполите» выпущена по инициативе Совета ветеранов войны и труда ОАО «Газпром нефтехим Салават» на основе рукописей бывшего работника предприятия – Чернявского Кирилла Емельяновича.

Благодарим за помощь в издании книги ветеранов ОАО «Газпром нефтехим Салават» – Мишенева Владимира Петровича, Чистякова Юрия Ивановича и сотрудников компании – Букрееву Ольгу Геннадьевну, Матвеева Александра Сергеевича и Паули Эдуарда Алексеевича.

Набор рукописи – Хазиева А.Р., Дратова Н.Ю.
Верстка и дизайн – Вязовцева Е.В.

Отпечатана в типографии ООО «СН-Медиа».
Заказ ***. Тираж 300 экз. **.**.2018 г.